

[Polaris]

ЦАРСТВО

РЕПТИЛИЙ

Забытая палеонтологическая фантастика

Том XIX

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXVIII

Salamandra P.V.V.

ЦАРСТВО РЕПТИЛИЙ

Забывтая
палеонтологическая
фантастика

Том XIX

Salamandra P.V.V.

Царство рептилий. Сост. и прим. М. Фоменко (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XIX). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 270 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXVIII).

Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

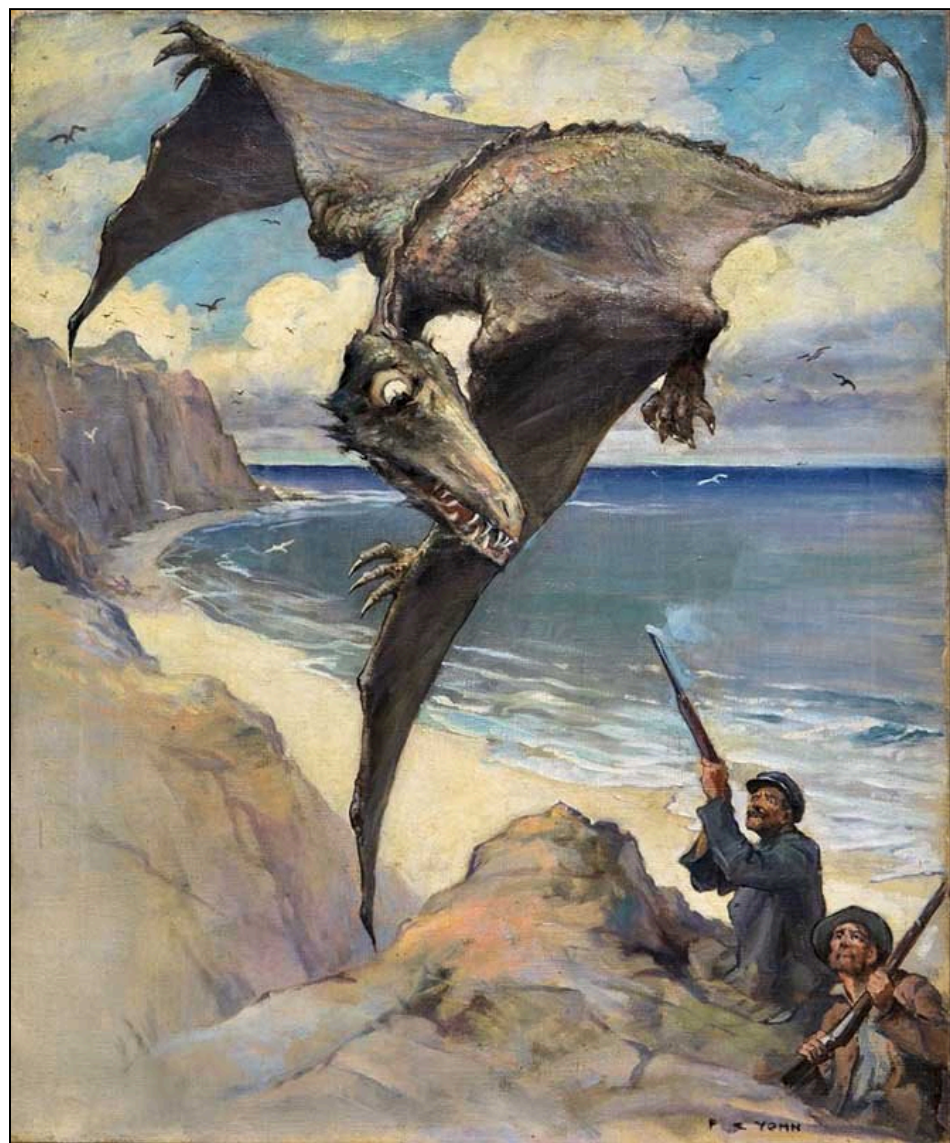
В сборник «Царство рептилий» вошли рассказы и повести западных писателей, созданные в 1890-1940-х гг. Почти все они впервые переведены на русский язык.

© Authors, estate, 2023

© Переводчики, 2023

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

ЦАРСТВО РЕПТИЛИЙ

Джозеф К. Линкольн

ГРОМОВОЙ ЯЩЕР

В то утро мы с ним были единственными посетителями в большом Палеонтологическом зале музея. В дальнем конце зала служитель вытирал пыль с костлявых голеней трицератопса, и повсюду вокруг нас стояли скелеты существ, которые ходили по земле или плавали по морям тысячи веков назад.

В воздухе витал затхлый запах — запах разлагающихся окаменелостей и исчезнувших эпох. Такой запах мог бы восхитить ученого, однако на ученого он никак не походил.

— Послушай, приятель, — сказал он, — ты не подойдешь сюда на минутку?

Как правило, мне не очень нравится, когда незнакомцы с красными носами и чахлыми бакенбардами называют меня «приятелем». Но мне стало любопытно, и я пересек зал.

— Приятель, — сказал он хриплым шепотом, который определенный сорт людей, похоже, считает подходящим для разговора в художественной галерее или музее, — приятель, мои глаза уже не так хороши, как раньше. Не подскажешь ли мне название живности, которой принадлежали эти кости?

Кости, о которых шла речь, были высотой в десять футов и некогда составляли каркас правой задней ноги бронтозавра.

— Понятно, понятно, — сказал он, когда я ответил на его вопрос. — Еще один вопросик. Где бы тут посмотреть, как выглядела эта штука, когда была живой?

Я подвел его к витрине, где стояли глиняные статуэтки вымерших рептилий и зверей, вылепленные в миниатюре руками опытных модельеров. Не успел я выбрать нужную, как он сам нашел искомое.

— Это тот самый зверь? — нетерпеливо спросил он, указывая на бронтозавра в реконструкции профессора Голдсборо. — Я так и думал, дружище, я так и думал, — усмехнулся он и принялся с видом знатока рассматривать модель.

— Что ж, не так уж плохо! Для фигурки не так уж плохо. Но хвост не очень правильный, и на спине не должно быть

этих вот буторков. И голова слишком маленькая — определенно слишком маленькая. Я думаю, у парня, который это сделал, не было ничего, кроме костей. Вот почему тут нет крючковой морды и тех штуковин под подбородком, которые так тряслись, когда он ревел. Как, ты сказал, называлась эта штука? Бронкосоус, верно?

— Бронтозавр. Великий громовой ящер.

— Громовая ящерица, эй! Что же, это очень хорошее имя, особенно что касается грома. Видать, парень, который дал ему имя, знал, как он умеет реветь. Боже! Боже! Прямо как сейчас вижу. Я сижу в дыре, на уступе, а он сидит внизу на короточках и орет так, что и мертвые проснутся. Да, да!

— Он? Кого вы имеете в виду?

— Ну, *его* — старого бронкосоуса или кого-то из его родни.

— Да вы с ума сошли! Последний бронтозавр умер миллионы лет назад!

Джентльмен с чахлыми бакенбардами внезапно повернулся и вцепился в меня с ловкостью лоббиста. Не выпуская мой лацкан, он отвел меня в укромный уголок у окна. Затем, встав передо мной и отрезав все пути к отступлению, он сказал, торжественно помахивая коротким указательным пальцем перед моим носом:

— Дружище, присаживайся вот на этот стульчик, и я расскажу тебе глупую байку, самую глупейшую из всех дурных баек на свете — вот и все, заметь. Трижды я рассказывал ее как чистейшую правду. В первый раз это было в Рио, и меня отправили в больницу. Потом в салуне «Ривер-Палас» в Новом Орлеане, и меня вышвырнули на улицу.

В последний раз дело было дома, на Кейп-Код, и там намекнули, что посадят меня в сумасшедший дом. Так что теперь я всего-навсего рассказываю байку и могу не бояться последствий. Понимаешь?

Я начал чувствовать себя неудобно и попытался встать и уйти, но он решительно, хотя и мягко, заставил меня снова сесть.

— Меня зовут Смолли, дружище, — начал он. — Тобиас Гудспид Смолли, сын Элканы и Дезире Смолли из Харнисс-

порта на Кейпе. Раньше я был корабельным коком, и к тому же довольно хорошим. Старый капитан Доан говаривал, что мой пирог из сушеных яблок... Ну да ладно! Давным-давно, в 75-м, я был стюардом на борту барка «Аполлон» под начальством Лемюэля Хэпгуда. Я оставил барк в Парамибо, куда мы пришли за сахаром.

Не важно, почему я ушел — разве я был виноват в том, что в чайник вместо чая попал красный перец? Им нужно было придумать что-нибудь получше для хранения перца, чем старая банка из-под чая, и в любом случае, это не повод бросаться в меня кувшином с горячей водой.

В Парамибо я встретил перфессора Ле Ко. Именно так он произносил свое имя, хотя на письме там были еще всякие буквы. Он был французом, летал на воздушном шаре и называл себя авронавтом. У него был благородный старый воздушный шар под названием «Ля Републик», что означало «Республика», только писалось неправильно, и он путешествовал из города в город, катал людей и зарабатывал кучу денег.

Я встретил его в отеле, где мыл посуду, понравился ему, и он взял меня к себе в помощники. Парень, который работал у него раньше, вернулся во Францию. До перфессора я не дотягивал, но стал неплохим авронавтом. Мы ездили по побережью до самой Венесуэлы и устроили, должно быть, около сорока полетов.

Однажды мы слышали, что в одном из городов внутри страны намечается религиозный праздник. Все мексы и индейцы на мили вокруг собирались туда, и перфессор решил, что и нам было бы неплохо поучаствовать. Итак, мы погрузили старушку «Республику» на речное суденышко, приехали в городок и объявили, что главным событием в день праздника будет полет на воздушном шаре ровно в половине четвертого.

Но утром того дня перфессор наткнулся на другого француза, которого он знал в Гавре, и они вдвоем отправились праздновать счастливую встречу. Когда пришло время полета, всемирно известный авронавт валялся под столом, распевая по-французски, и не мог оттуда подняться, не го-

воря уже о подъеме на воздушном шаре, так что работа выпала на долю вашего покорного слуги.

Это было мое первое путешествие без перфессора, но я думал, что знаю о полетах на воздушном шаре все, и когда перерезали веревки и я увидел, как большая толпа негров, мексов, индейцев и священников провалилась вниз, точно уехала на лифте, я был счастлив и горд — ни дать ни взять мальчишка, получивший в подарок дешевые часы.

II

Денек выдался чертовски жарким, и небо было ясным и голубым, только на востоке собирались небольшие облачка. Я рассчитывал спуститься примерно в том месте, где поднялся, но когда я на где-то высоте мили начал дергать за тросик клапана, чтобы выпустить немного газа, эта штука не сработала. Что-то в том клапане застряло, и чем сильнее я тянул, тем крепче оно застревало.

Хотел бы я забыть остаток того дня. У меня не хватило ума взобраться по сетке и проделать дырку в шаре, чтобы таким образом выпустить газ.

Воздушный шар поднимался все выше и выше и выше — и чем выше он поднимался, тем гуще и чернее становились облака на востоке. Потом стало холодно, прямо как в ледяных горах Гренландии, — а на мне был белый хлопчатобумажный костюм.

Затем воздух сделался, как бы это сказать, более редким; казалось, для хорошего, приличного вдоха нужно было вобрать в себя целую бочку. Моя голова гудела, как чайник, и я чувствовал, что она вот-вот взорвется. Вскоре она таки взорвалась, или так это звучало, и я шлепнулся на спину и отключился.

Не спрашивай меня, что заставило воздушный шар спуститься, потому как я не знаю. Я только знаю, что когда я очнулся, воздуха было достаточно и с избытком.

На минуту мне показалось, что я снова на «Аполлоне»,

а кругом буря. Я лежал на спине, и вода заливала меня с ног до головы, а старушка «Республика» крутилась, вертелась и ныряла в воду. Ветер дул не на шутку — как будто выстрелили из пушки, и визг от него был просто ужасный. И ночь стояла совсем черная.

Следующие три или четыре дня и ночи были сплошной неразберихой. Помню только серые струи дождя и вой ураганов, которые подбрасывали воздушный шар в небо и снова швыряли его вниз, как резиновый мяч. Я лежал на полу корзины, молился и взвешивал свои шансы на спасение в лучшем мире.

Наконец, шторм начал понемногу ослабевать и затем выглянуло солнце. Думаю, было около четырех часов третьего или четвертого дня, считая с дня праздника. Я сумел кое-как подползти на коленях к борту и выглянуть за край корзины.

Ничего, кроме лесов, лесов, лесов повсюду, и к тому же самых густых и диких лесов. Шар летел на высоте около мили и вроде как скользил на том, что осталось от урагана. Вдали, на горизонте, виднелась длинная гора с плоской, как стол, вершиной.

Я и раньше видел столовые горы — их много в Южной Америке — но ни одна из них не могла сравниться по размерам с этой. Да уж, это была совсем здоровенная гора, а по бокам ее поднимались к небу прямые серые утесы. Я поел немного провизии и выпил глоток грога из сундучка, который перфессор брал с собой в полеты, а затем начал подумывать о спуске. Приземляться в чаще было глупо, так что я решил подождать и посмотреть, что находится по другую сторону горы.

Я не горжусь своим выступлением в следующие минуты. То ли голова у меня была еще мутная, то ли я принял чересчур большую дозу сорокаградусного пойла перфессора. Короче говоря, я решил, что шар может врезаться в гору, и сбросил чуток... слишком много балласта. Шар подбросило высоко в воздух. Я потянул на пробу за тросик клапана; видно, дождь и ветер расшатали его, клапан широко распахнулся, и газ хлынул наружу.

«Республика» с грохотом приземлилась на вершине горы, отскочила ярдов на пятьсот и затем снова грохнулась о землю. После она сделала еще один прыжок, задержалась над огромным обрывом и полетела вниз, как падающая звезда, а мои внутренности поднялись вверх и поздоровались с волосами. Наконец шар ударился о выступ, я выпал из корзины, а «Республика» полетела дальше без меня.

Я упал на дерево, заорал, как паровозный свисток, отскочил от ветки и рухнул вниз, в середину поганки размером со стог сена. Поганка разлетелась на куски, как гнилая доска, а я остался лежать на земле посреди всего этого.

Дружище, ты думаешь, я все это выдумал — насчет поганки, верно? Что ж, это не так. Вокруг меня их росли десятки, а рядом был папоротник высотой в пятнадцать футов.

«Ради всего святого, — подумал я, как только смог думать, — куда это я попал?»

С того места, где я находился, ничего не было видно, и поэтому, как только я оправился от потрясения, я залез на дерево и осмотрел местность. Тут я понял, что угодил в самую настоящую ловушку. То, что я принял за сплошную гору, оказалось не чем иным, как кольцом утесов, похожим на большую каменную стену. Она огораживала дыру в земле примерно в пять миль длиной и столько же шириной.

Я говорю «дыру», потому как это и была дыра. Думаю, дно долины, или дыры, или чем бы это ни было, находилось примерно на милю ниже, чем лес. Все оно густо поросло большими деревьями и высокой травой, и где-то в паре миль от меня поблескивала вода.

Я слез со своего насеста, чувствуя горечь во рту и боль во всем теле от падения, и начал искать место для ночлега. Довольно быстро я нашел то, что показалось мне хорошим укрытием. Это было что-то вроде дыры в склоне утеса, где камень чуток осыпался, и туда нужно было карабкаться по травам и большим лианам, растущим в трещинах камня. Я и решил, что буду там в безопасности от любых диких тварей, которые могут водиться в долине.

Когда я добрался туда, была почти ночь, и вокруг стоял густой туман, похожий на белый дым. Туман не был холод-

ным; он был горячим, как пар, и пах старыми гнилыми бревнами, сыростью и болотной водой. Не лучшее это было место для парня, который переболел малярией с мое, вот что я подумал.

Солнце зашло за утес над долиной, и наступила темнота, как будто задули лампу. Нигде не было слышно ни птичьего свиста, ни даже обезьяньего визга — что мне показалось забавным, потому что обычно ночи в южноамериканских лесах бывают оживленные, как вечеринка у костра. Одни лягушки шумели в тишине. Проклятые лягушки! Орали, как все быки в Башане!

Я свернулся калачиком под козырьком скалы и начал засыпать, потому как был совершенно измотан. И вдруг раздался самый громкий крик, или свист, или вой, который я когда-либо слышал. Казалось, он доносился откуда-то издалека, из тумана, и весь воздух, так сказать, заполнил своим шумом. Я подскочил, как ошпаренный, а после снова рухнул на землю и затрясся наподобие желе.

Шум был просто невероятный. Звучало очень похоже на больную коклюшем паровозную сирену, и еще в нем было какое-то одинокое завывание, от которого хотелось плакать — то есть после того, как ты закончил молиться. Оно тоже звучало немного знакомо, как будто я где-то слышал такое раньше, но я прекрасно знал, что это не так. Я все прислушивался, только больше ничего не услышал, и мне ужасно хотелось спать, так что я задремал и проснулся только к утру.

III

При дневном свете я был в два раза храбрее, чем в темноте и тумане, и я пришел к выводу, что мне, должно быть, приснился кошмар и что во сне я будто бы слышал крик. Я был жутко голоден и выбрался из своей пещеры в надежде раздобыть что-нибудь съестное, а затем немного осмотреться в поисках выхода из этого благословенного лягушачьего рая.

Я пустился в дорогу, на каждом шагу попадая в лужи, потому как земля была насквозь пропитана водой. Очень скоро мне попался куст с чем-то вроде больших красных слив на ветках. Они оказались очень вкусными и составили мой завтрак. После я направился дальше, не находя ничего, кроме огромных папоротников, поганок и странно выглядящих деревьев, пока не начал наткаться на кости.

Да, сэр, кости — кости, похожие на те, что в той витрине, только других видов и размеров. Некоторые достигали двенадцати футов в длину и вовсе не превратились в камень. Конечно, они были старыми и сухими, но все равно это были настоящие кости.

На Кейпе, когда я был маленьким, мы ходили на охоту за костями. Брали мешок и шли собирать кости, а потом продавали их старьевщику. Эх, приятель, если бы мы с тобой отправились за костями в ту долину, мы бы сделали состояние. Кости стоят чуть ли не цент за фунт, а их там тонны — и это тебе не косточки колибри.

Я шлепал по воде, прикидывая стоимость всех этих костей, и мне ни разу не пришло в голову, что где-то рядом может прогуливаться живой зверь с подобным скелетом. Прямо-таки странно, что я не подумал об этом, но так все и было. Честно сказать, я считал, что звери с такими костями давно вымерли.

Очень скоро я вышел из леса на что-то вроде прогалины или болота с прудом посередине. Все это заросло высокой травой и вечнозелеными камышами и осокой, а вся вода была покрыта невероятно большими кувшинками и водорослями. Прямо напротив я увидел круглый и блестящий черный камень, на вершине которого лежали в ряд камни поменьше.

«Занятный камень!» — подумал я. Взял да и от нечего делать запустил в него галькой. Приятель, готов поклясться, что камешек, который я бросил, подпрыгнул на двадцать футов в воздух, как будто тот валун был сделан из резины.

Только я открыл рот и хотел сказать «черт побери», как валун дернулся вперед, вытащил из-под кувшинок позади себя двадцатифутовый хвост, а из тростника впереди двад-

цатифуттовую шею, а потом встал на задние лапы, так что голова на конце шеи оказалась на высоте сорока футов, открыл пасть, похожую на корабельный грот-люк, и издал рев вроде того, что я слышал прошлой ночью, только в десять раз громче.

Я не стал отвечать и ушел.

Дружище, глядя на меня, ты бы не подумал, что я быстро бегая, верно? И ты был бы прав, но тогда я несея, как молния. Я шлепал по лужам, спотыкался о груды костей, врезался головой в те большие поганки; и все это время я слышал, как позади ломаются кусты и деревья, пока эта ужасная тварь неуклюже гналась за мной. Господи! Господи! как же я боялся!

Я бежал до утеса пару миллионов лет, как мне показалось, и взобрался по склону, цепляясь зубами и ногтями, и упал на выступ перед моей пещерой как раз когда этот, как ты его назвал — бронкосоус — вырвался из леса, точно океанский лайнер на ходулях, и завопил, как одержимый.

Возьми, приятель, громадного слона, поставь его на задние лапы высотой в двенадцать футов, приделай к нему передние лапы покороче, прицепи ему хвост, как у самого большого китайского дракона, привяжи морского змея вместо шеи, а сверху нахлобучь крокодилью голову — вот тогда ты получишь некоторое представление о том, как выглядела эта зверюга. Под шеей у него болтались большие красные штуковины, похожие на индюшачью бородку, а по всей спине шли роговые буторки. В общем, он был натуральным красавцем без всякого изъяна.

Увидев, где я нахожусь, он вытянул шею так высоко, как только мог. До уступа осталось совсем немного, но дотянуться у него не получалось. Он все пытался и пытался, но это было бесполезно, и в глазах у него так и сверкало разочарование. Наконец он присел на корточки и огласил небо громким ревом.

Я говорил тебе, что в звуке, который я слышал ночью, было что-то знакомое. Теперь, услышав его несколько раз подряд, я понял, что это было — звук был похож на бляющие овцы. Если взять овцу величиной с дом, она бы, я ду-

маю, бляла точно так же, как бронкосоус.

Весь день он просидел там, причитая, как избалованный ребенок, у которого забрали из-под носа сахарницу. Сначала я был так испуган, что ни о чем другом и не думал, но затем почувствовал, что проголодался и хочу пить, вот только у меня не было никакой возможности раздобыть еду и питье.

Я рассчитывал, что ночью тварь уйдет — но нет, она все сидела и сидела. Туман сгустился и скрыл зверя, но я слышал, как он мечется вниз, и время от времени он ревел так, что волосы на теле вставали дыбом. Я устал, как собака, но только я засыпал, как подо мной звучал этот туманный горн: «Бе-э-э-э! Бе-э-э-э!» — и я подпрыгивал, точно вниз выстрелили из пушки.

Влажный, горячий туман промочил меня насквозь, и вскоре у меня начался озноб. «Малярия! — сказал я себе. — Все как ожидалось».

К утру я совсем пал духом, и когда туман высох под солнцем и я увидел, что эта дурацкая штука сидит там и ждет меня, терпеливая, как кошка у крысиной норы, я дал волю чувствам и выругался во все горло. Дружище, в старые времена на Кейпе я был добрым баптистом. И я был очень хорошим баптистом — для моряка — когда приземлился в той долине; но клянусь тебе, этот бронкосоус лишил меня шансов на спасение. Он перекорезил всю мою мораль.

Весь день он просидел прямо под скалой, только иногда набирал полную пасть листьев и зелени или пил из лужи. Я смотрел на него, пока мне это не надоедало, а потом пытался уснуть, но он блял или вертелся так, что я не мог сомкнуть глаз, и я выскакивал из пещеры и проклинал его до четвертого колена.

Я думаю, именами, которыми я называл эту тварь, можно было бы заполнить целую книгу — только ее никто бы не напечатал. Я пробовал швырять в него камнями, но они отскакивали от его шкуры, как горошины от футбольного мяча, так что через некоторое время я бросил это занятие.

Снова наступила ночь, и я был безумно голоден и хотел пить. Я решил, что спущусь по лианам и попробую сбежать.

Итак, когда поднялся туман, я перемахнул через край уступа и начал спускаться вниз.

Там была крошечная тьма. Что-то чавкало неподалеку, и я решил, что мой друг ужинает. Я не хотел портить ему аппетит и не издавал никаких посторонних звуков. Спуск прошел без помех. Минут десять или около того я ходил на цыпочках, а потом взял ноги в руки и дал деру. Приятно было слышать, что зверь не погнался за мной.

IV

Следующие два дня я пытался найти выход из этой бесконечной долины, но я не смог найти ни одного. Нигде в ущельях не было ни единой трещины. Я видел много костей, но ни одного живого чудовища. Поэтому я решил, что старый громкосоус был последним из своего племени.

Утром третьего дня я сел на землю и впал в отчаяние.

«Все кончено, — сказал я себе. — Тобиас, сын мой, твоего гуся приготовили и съели... Ты сидишь в болоте, рядом рыскает помесь слона, кенгуру и крокодила с кожистой шеей, и ежели она тебя не прикончит, ты помрешь от малярии. Все кончено!»

Тут я глянул вверх, и там, прямо над моей головой, на дереве висела «Ля Републик» — дряблая, как мокрая кухонная тряпка, но все та же. Вот и говорите потом о провидении! Если это было не оно, мне нечего сказать.

Я полагаю, дружище, ты считаешь, что от воздушного шара без газа мало толку. Сразу видно, что ты никогда не летал на шаре в Южной Америке. Мы с профессором Ле Ко много раз совершали полеты в городах, где дома освещались сальными свечами, а газ можно было увидеть не чаще, чем зубы у курицы.

Как мы это делали? Горячий воздух, приятель, горячий воздух — вот как! И когда я увидел старушку, подвешенную сушиться на той пальме, я прям подпрыгнул на месте, потому как у меня появился план. Раз она затащила ме-

ня сюда, пусть теперь вытаскивает.

На подготовку ушло три дня тяжелой работы. Сначала я снял воздушный шар с дерева, а это тоже не детская задачка. Потом я выкопал в земле большую яму и набил ее сухими дровами. Дальше я с помощью запасных веревок, которые нашлись в корзине, соорудил на большой ветке что-то вроде тали и поднял верхушку воздушного шара на приличное расстояние от земли. Наконец, я сделал что-то вроде капюшона из листьев, одеяла и прочего и накрыл им отверстие в земле, оставив сверху место для выхода сперва дыма, а после горячего воздуха.

Все это время я не видел бронкосоуса, хотя слышал, как он раза два или три блеял в дальнем конце долины. Я не лежал ночи напролет без сна, мечтая о его обществе, так что его отсутствие меня несколько не беспокоило. Я вовсе не хотел, чтобы он меня отвлекал: воздушный шар и приступы малярии отнимали все мое время.

Утром четвертого дня я разжег свой костер. Дрова разгорелись знатно, а я продолжал подбрасывать сухие ветки, пока не осталась масса раскаленной золы. Тогда я накинул капюшон, соединил отверстие наверху с нижней частью шара и стал ждать, что произойдет — время от времени подкидывая еще дров, конечно.

Довольно скоро шар начал наполняться. «Ура!» — закричал я во весь голос, увидев это. Вскоре шар так наполнился воздухом, что оторвался от земли, и я ослабил стропы. Я надеялся, что через пять минут он будет достаточно полон, чтобы поднять меня и корзину.

И вот, пока я поздравлял себя с успехом и говорил себе, что все идет прекрасно, раздался рев, который прямо-таки потряс землю, и примерно в трех четвертях мили из-за деревьев высунулась змеиная шея старины бронкосоуса. Он тотчас бросился ко мне. Я совсем забыл о дыме. А он увидел дым и пришел посмотреть, в чем дело.

Я прыгал вокруг костра, как одержимый. Я кричал, ругался и пытался раздуть пламя своей шляпой. Я слышал, как ломаются деревья и трещат кусты, когда эта тварь топала и прорывалась сквозь них. Время от времени зверь ре-

вел, и мое сердце подпрыгивало, а комок в горле чуть не душил меня. На этот раз я думал, что мне конец.

«Республика» наполнялась медленно, но уверенно. Корзина оторвалась от земли как раз в ту минуту, когда громовая тварь выскочила из леса на другой стороне прогалины. Увидев меня, зверь оглушительно завопил, и даже глухой различил бы в его вопле радость.

Я прыгнул в корзину и перерезал веревки. Воздушный шар начал подниматься, но, Господи, как же медленно! Понимаешь, в нем не хватало воздуха — еще две-три минуты, и все было бы все в порядке.

Когда шар поднялся над верхушками деревьев, старый бронкосоус с грохотом приземлился под ним. Его шея поднялась вверх, как лучшая змея Барнума. Морда дотянулась до корзины, и он вцепился в нее зубами. Шар остановился. Затем зверь начал опускать шею, и шар полетел вниз.

Ну, он был занят, но я тоже не сидел без дела. У меня в руке был нож, и когда я понял, что он собирается добраться до шара, я взобрался на нижнюю часть сетки и начал перерезать стропы, которые крепили корзину к шару. Я успел вовремя. Корзина рухнула, «Республика» взлетела, а я повис на сетке, как муха на липкой бумаге.

Прошла секунда или две, прежде чем старый бронкосоус сообразил, что произошло. Я видел, как он переворачивал корзину носом и пытался найти меня. Потом он посмотрел вверх и увидел, как я взлетаю, точно ракета. Его рев превзошел все. Это была самая печальная вещь, которую я когда-либо слышал. Клянусь, в нем были слезы! Слезы!

Ну, в воздушном шарехватило воздуха, чтобы перенести меня через горную стену и сбросить на другой стороне. Там я приземлился прямо посреди селения индейцев. Они поклонялись мне, уткнувшись носами в грязь. Почему бы и нет? Не у каждого племени есть бог, ниспосланный прямо с небес в личной колеснице для их особого удобства.

Я бесконечно долго пробирался обратно к цивилизации. У меня ушло больше года, но какая разница? Меня вот что беспокоит: этот зверь — этот бронкосоус — питался травой и овощами. А звери, которые едят траву, не едят людей. Мо-

жет быть, этот бедолага не имел в виду ничего плохого. Возможно, ему было одиноко — он ведь был там последней живой душой — и он просто жаждал общения. Это его блеянье звучало не совсем свирепо. Оно звучало грустно — ужасно грустно! Я не могу избавиться от чувства, что я дурно с ним обошелся. Видишь ли, приятель...

Служащий музея приблизился, чтобы вытереть пыль с витрин в нашем уголке, и прошел между мистером Смолли и мной. Его появление предоставило мне возможность, на которую я так надеялся. Я вскочил, обогнул ближайшую витрину, бросился к двери и быстро убежал, благодаря судьбу.

Питер Б. Кайн

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВЫЖИВШИХ

Самым интересным и живописным местом на набережной старого Сан-Франциско было заведение Трехпалого Джека — таверна с пансионом для матросов. С точки зрения санитарии и гражданского порядка, быть может, и к лучшему, что великий пожар 1906 года устранил и Джека, и его ветхое учреждение, хотя, как человек, хорошо знавший и уважавший его за некоторые грубые добродетели, а также считавший его таверну прибежищем морской романтики, трагедий и приключений, я сожалею о случившемся. Ибо заведение Трехпалого Джека посещали почти исключительно моряки, привычные к темно-синим водам. В былые времена здесь в креслах вдоль стен или за картами и выпивкой в душной задней комнате всегда можно было найти с полдюжины матросов из тех, кто с плохо скрываемым отвращением смотрит на пароводных крыс. Здесь появлялись не рабочие лошадки с севера Тихого океана, а люди Семи Морей, которые крепко цеплялись за жизнь, а когда жизнь наконец оставляла их, уходили одним из двух традиционных способов — внезапно, в робе, через подветренный борт в всплеске пены, или медленно, в ночной рубахе, в каком-нибудь моряцком госпитале.

От одного из них я услышал рассказ о барке «Женева» — невероятный рассказ, это правда, но тем не менее так прекрасно сложенный, что неверие уступает место удивлению, удивление — сомнению, а сомнение... Но судите сами. Я выступаю всего лишь историком.

Обратимся к рассказу. Дело было вечером, и у Трехпалого Джека говорили о кораблях, что так и не вернулись, и хозяин таверны вспомнил о корабле, который вернулся, но без экипажа, потеряв его по какой-то непонятной причине в южной части Индийского океана.

— Вот вам загадка, — заявил он, — загадка, которая так и не была разгадана. Вы все слышали о барке «Женева», не так ли?

Судя по воцарившейся тишине, никто из присутствующих о «Женеве» не слышал. Пусть кто-нибудь, сказал тогда Трехпалый Джек, никогда не забывавший о своих торговых

интересах, промочит компании горло, а он-то уж расскажет историю во всех подробностях.

— «Женева», — начал Трехпалый Джек, — еще бегают. Это деревянный барк водоизмещением около тысячи восьмисот тонн, принадлежащий компании «Болдуин и Кобб» из Бата, штат Мэн. В рейсе, о котором я говорю, его командовал славный, порядочный маленький канадец по имени Натан Мансон. Я хорошо его знал, и его матросы не раз останавливались у меня, когда он заходил в этот порт. В то время его первым помощником был молодой Амброуз Кобб, сын младшего компаньона: у старика Кобба были свои идеи, и одна из них заключалась в том, что никакой его сын не возьмет на себя управление морскими перевозками до тех пор, пока не пройдет весь путь от палубы до капитанского мостика. Не помню имени второго помощника, но это не так важно. Он тоже был канадцем и первоклассным моряком, иначе не служил бы помощником на судне компании «Болдуин и Кобб». В команде были в основном ребята с востока, и не меньше половины из них совершили уже несколько рейсов на «Женеве», потому что «Женева» была тем, что вы редко встретите, а именно семейным кораблем — все счастливы и довольны, и ни у кого нет причин покидать судно по окончании плавания. Хорошая еда и приличное обращение — это вовсе не пустая трата средств на доброго матроса, что бы вам ни говорили некоторые помощники и шкиперы, и если когда-нибудь был корабль, на котором не мог случиться мятеж, а вдобавок лучше других приспособленный к ветрам и волнам, то это была «Женева».

Она вышла из Сурабаи, что на Яве, в июне 1900 года, загруженная кофе и специями для выгрузки в Нью-Йорке. Как и на всех кораблях «Болдуина и Кобба», на «Женеве» было несколько пассажирских кают, и в Сурабае они подбирали одного пассажира, немецкого ученого или натуралиста или кого-то в этом роде. Он провел пару лет в джунглях Борнео и Суматры и был так измотан тропической лихорадкой, что решил отправиться в Нью-Йорк на паруснике, полагая, что долгое морское путешествие пойдет ему на пользу.

Так вот, господа, с месяц спустя старый «Команч», малый корвет, направлявшийся из Батавии в Хэмптон-Роудс через мыс Доброй Надежды, очутился на юге, около сорок девятой...

— Что делал «Команч» так далеко на юге? — многозначительно спросил один из слушателей Джека, уверенный, что уличил нашего хозяина в мореходной ошибке. Ничто не вызывает такое презрение у океанского моряка.

— Ради того дикаря, что перебил меня, — продолжал Трехпалый Джек, по-прежнему обращаясь ко всей компании, — я немного отклонюсь от своего курса и скажу, что знаю, о чем говорю. Я сохранил вырезку из фримантлского «Аргуса», а позже мне рассказал об этом дезертир, который был одним из матросов на борту «Команча», когда тот подобрал «Женеву». Корвет находился на сорок девятой южной широты, потому что тогда это было для него самым безопасным местом. «Команч» был одним из тех старых малых корветов, построенных в восьмидесятых для патрулирования китайского побережья — с парусным вооружением барка, лиселями и быстрым, свободным ходом. Когда был ветер, они тормозили вал, и винт свободно вращался, а когда ветра не было, «Команч» мог делать десять узлов под паром. Через три дня по выходе из Батавии он попал в шторм и немного подзадержался, пустив в ход свои машины. Затем барометр поднялся и две недели стояла хорошая погода, но потом налетел еще один тайфун, ветер дул с востока на северо-восток, и капитан «Команча» поступил разумно: он просто бежал на юг, пока шторм не остался позади.

Короче говоря, «Команч» ушел достаточно далеко на юг, и когда барометр опять начал подниматься, вновь лег на курс. Вскоре они увидели дико мчащийся барк с поставленными парусами. «Команч» поднял свои вымпелы по международному коду и, не получив ответа, изменил курс и пошел за барком. Когда корвет наконец приблизился к нему, стало видно, что корабль покинут.

«Нужно осмотреть судно», — говорит капитан «Команча». Барк шел очень быстро, и пришлось спустить на воду паровой катер. Офицер и дюжина матросов погнались за бар-

ком. Подойдя к корме, они увидели, что это была «Женева» из Бата, штат Мэн. На корме, где должен был находиться плотик, концы шлюпочных талей волочились в воде; тали второй спасательной шлюпки также свободно свисали по правому борту, но первая шлюпка оставалась в своих креплениях на крыше рубки.

«Ну надо же, какие умники, — говорит офицер, — взяли плотик и бросили спасательную шлюпку. Это самая сумасшедшая вещь, о которой я когда-либо слышал. Эй, вы двое, хватайте концы и забирайтесь на борт, прежде чем этот барк нас потопит».

Катер пролетел под кормой «Женевы», и двое матросов прыгнули и вцепились в концы; затем катер прошел по правому борту, и офицер, а вслед за ним еще один матрос, взобрались по таям.

Говорят, господа, это было что-то потустороннее — прекрасный корабль, безупречный, в полном порядке, и на борту ни единого человека. Офицер везде искал черновой корабельный журнал «Женевы» и не смог его найти; видимо, это доказывало, что шкипер и его помощники оставили корабль и забрали журнал с собой. На борту не могло быть никакой болезни вроде холеры или желтой лихорадки — ведь экипажу должно было быть понятно, что они не спасутся от заразы, покинув судно. На «Женеве» было двенадцать матросов, а значит, в общей сложности семнадцать человек вместе с коком, шкипером, двумя помощниками и немецким пассажиром. Поскольку они взяли и шлюпку, и плотик, можно было предположить, что все семнадцать были живы, покидая корабль, иначе все они могли бы поместиться в одной спасательной шлюпке! Не было заметно никаких следов схватки или борьбы. На полубаке виднелись брызги крови, но в камбузе обнаружилась в клетке пара живых куриц, рядом у шпигата лежала куриная голова, а на крышке бочки для воды нашелся плотницкий топор с приставшими к нему окровавленными перьями. Везде был полный порядок, палубы чисты, снаряжение и инструменты аккуратно разложены. В колодце было всего полдюйма воды; люки были плотно задраены, а груз цел; в баках было доста-

точно питьевой воды, а бочка для воды была наполовину заполнена. В чулане и кладовой оставалось много провизии, хотя состояние кладовой свидетельствовало, что отсюда брали запасы для шлюпки и плотика. В кубрике также царил порядок, и только одно заставляло задуматься. Я уже говорил, что на «Женеве» было двенадцать матросов, а в кубрике нашлось только семь моряцких баулов. Мы с вами знаем, что у любого океанского моряка есть баул, и если ему приходится покинуть судно, он бросает свои пожитки. Приходится признать, что было нечто странное в этих семи баулах в кубрике вместо двенадцати.

И еще одно выглядело очень странным: когда «Женеву» нашли, она шла на всех парусах, а штурвал был закреплен. Для чего они взяли на себя труд закрепить штурвал, покидая корабль? Ясно, чтобы руль не гулял и не сорвался с места. Тогда почему они не спустили паруса перед тем, как уйти? Если Мансон ожидал, что барк будет дрейфовать и, возможно, его спасут, он не стал бы оставлять его со всеми парусами, прекрасно зная, что первый же шторм сорвет с корабля все тряпки или переломает мачты. Нет, ни за что. И должен повторить, джентльмены, что я был знаком с капитаном Мансоном, и он не был дураком, ни в море, ни на суше. Он знал свое дело.

Капитанская каюта была аккуратно прибрана. Нигде никаких следов беспорядка. Барометра не было, хронометра тоже, но секстант Мансона (на нем было выгравировано его имя) лежал на столе. Вывод казался бесспорным, как бородавка на носу дикаря, который прервал меня минуту назад: Мансон умер еще до того, как команда покинула «Женеву»; у первого помощника был собственный секстант, поэтому он взял барометр и хронометр из числа корабельных приборов, а секстант шкипера оставил. Но каюта первого помощника, как и каюта капитана, была нетронутой! Там была вся его воскресная одежда, на гвоздике висели золотые часы, под подушкой лежал заряженный револьвер. На столе стояла фотография его невесты и фотография старика Кобба и миссис Кобб в двойной рамке, а в ящике стола находился чистовой вахтенный журнал. Последняя запись в

нем была сделана за неделю до обнаружения судна. Там не нашлось ничего интересного, помимо упоминания о таинственном исчезновении рулевого в ночь накануне последней записи. Предполагалось, что он сошел с ума и прыгнул за борт. Этот матрос был в лучшем случае чудаковатым, полупомешанным малым и находился в это время наверху один; следовательно, никто из экипажа не мог сбросить его за борт, да и криков слышно не было. В Сурабае этот человек поднялся на борт очень пьяным, и после в течение недели видел разные ужасы и был совершенно бесполезен. Мистер Кобб побаивался отправлять его наверх.

Каюта второго помощника — кстати, припоминаю, что его звали Джошуа Кент — была в полном беспорядке. Перед уходом он там все очистил и забрал все личные вещи. Выглядело все так, будто молодой Кобб, как и шкипер, умер до того, как команда покинула «Женеву», и второй помощник, не имевший собственного секстанта, взял секстант Кобба. Тут следует припомнить, что в кубрике осталось всего семь баулов, а матросу, вынужденному сесть в шлюпку, никогда не позволяется загромождать ее своими вещами. Мне не сообразить, здесь нужен человек поумнее... Допустим, судно покинули семь матросов, а с ними кок, второй помощник и пассажир. Они оставили семь баулов. Что же случилось с остальными пятью баулами? И где еще пять человек? Может, эти пять человек погибли, и второй помощник выбросил их баулы за борт вслед за ними? Или же из двенадцати матросов, вышедших в плавание, пятеро были без вещей?

— А что насчет кока? — спросил один из слушателей.

— Он оставил в камбузной духовке недопеченный хлеб, — тут же ответил Трехпалый Джек, — и взял кое-что из своих вещей, главным образом одежду, и одно-два одеяла. На его койке у камбуза осталось только одно одеяло.

— А пассажир? — спросил смуглый, обветренный, крепко сложенный невысокий человек, сидевший в конце барной стойки. — Как звали этого немецкого натуралиста?

— Не помню, парень. Фон что-то такое.

— Не Франц фон Вейганд... доктор Франц фон...

— Да, точно, — поспешил ответить Трехпалый Джек. — У тебя лучше память на имена, чем у меня. Насколько я помню, он был не обычным врачом, а доктором философии, или права, или науки Лейпцигского университета. Что-то в таком роде. «Женеу» он покинул живым, хотя явно не собирался жить долго, так как в корабельном сейфе было найдено его завещание. Там же лежали судовые документы: еще одно доказательство, что Мансон и Кобб были мертвы, поскольку они никогда не покинули бы судно, оставив документы. Ни в сейфе, ни где-либо на борту корабля не было денег — оно и понятно, так как в море никто не нуждался в деньгах и никто не стал бы везти голландские деньги с Явы в Нью-Йорк. В завещании голландец писал, что, хотя его здоровье за последние два месяца улучшилось и на борту «Женеу» он не испытывал ни озноба, ни лихорадки, и хотя он был уверен, что не утратил рассудок и не боялся ни человека, ни дьявола, и никто из них ему не угрожал, он все же решил составить завещание и привести свои дела в порядок по той причине, что у него есть большой шанс умереть в ближайшем будущем; это он объяснил тем, что собирался отправиться навстречу самому странному приключению, какое когда-либо выпадало на долю человека с тех пор, как человек перестал быть обезьяной, стоящей на четвереньках, и начал стоять прямо на своих задних лапах. Далее он заметил, что намеренно не стал излагать эту историю в письменном виде по трем причинам. Во-первых, у него не было времени записать все это, а детали все равно будут отражены в корабельном журнале; кроме того, статус ученого не позволял ему выступать с полуофициальными отчетами, а доложить о своих открытиях, если дойдет до дела, он мог лишь там, где получил образование, — в Лейпцигском университете. Он также боялся, что его сочтут сумасшедшим, если он расскажет свою историю сейчас, зная только половину ее, или же благодаря неполному отчету обвинят после смерти в научном шарлатанстве. Он писал, что отправляется за фотографиями, которые смогут подтвердить его открытие. Все собранные им экземпляры птиц, змей и всякого рода зверей, хранящиеся в трюме ко-

рабля, он распорядился отправить в Лейпцигский университет, а все свое состояние завещал Джошуа Кенту, второму помощнику капитана американского барка «Женева». В завещании он назвал Кента моряком с душой подлинного ученого, истинным джентльменом и настоящим другом.

Трехпалый Джек наполнил стаканы компании; затем он оперся локтями о стойку и внимательно осмотрел каждого из слушателей.

— Вы видали что-нибудь подобное? — спросил он. — Сумасшедший голландец, который всю жизнь собирает обезьян и других тварей, называет этого дрянного сына пирата, второго помощника, подлинным ученым, истинным джентльменом и настоящим другом. И Кент тотчас показывает, что доктор чертовски плохо знает человеческую природу и морскую этику. Вместо того, чтобы оставаться на корабле и выполнять свой долг перед его владельцами, этот деятель оставляет судно и выпускает его в южную часть Индийского океана под всеми парусами — пусть гибнет ценный груз кофе и специй, пусть идут ко дну докторские ящики с образцами в первом трюме! Эх! Что вы об этом думаете? Ну и дураком, должно быть, был этот Кент. Сначала он обхаживает этого немецкого пассажира, чтобы тот составил завещание в его пользу, затем доказывает свою неблагодарность, поскольку ему наплевать, что станет со всеми этими образцами животных, которые голландец собирал годами в дебрях Суматры и Борнео и тому подобных местах; и наконец, этот одержимый второй помощник бросает судно и оставляет завещание в корабельном сейфе. Я надеюсь, что он когда-нибудь объявится и заявит права на наследство; тогда, если он не окончательно сошел с ума, мир узнает, возможно, что случилось с командой «Женевы». Но сейчас мы не умнее, чем были пятнадцать лет назад, когда призывая команда «Команча» довела злополучный барк до Фримантла и телеграфировала его владельцам, прося прислать шкипера...

— Это действительно странная история, — заметил я в тишине, наступившей после замечательного рассказа Трехпалого Джека. — Я бы многое дал, чтобы узнать ее конец.

Маленький смуглый человечек, прервавший нашего хозяина вопросом об имени злополучного пассажира «Жене-вы», оценивающе посмотрел на меня.

— И сколько ты дашь, приятель? — спросил он. — Старина Трехпалый говорит, что ты писатель. Может, ты запишешь эту байку и что-нибудь с этого поимеешь?

— Я мог бы, — ответил я. — Даю двадцать пять долларов человеку, который сможет разгадать эту загадку и доказать мне, что решение правильное.

Смуглый человечек улыбнулся.

— Ну, сэр, — ответил он, — я не берусь доказывать, что у меня есть правильное решение. Вы должны помнить, что немецкий доктор опасался рассказывать часть истории из боязни прослыть сумасшедшим или шарлатаном.

— Много людей поумнее тебя пытались разгадать эту тайну, парень, и так и не добились успеха, — напомнил ему Трехпалый Джек. — Разгадки просто нет, вот и все. Я лишь объяснил то, что может объяснить любой человек, знакомый с кораблями и привычками моряков.

Смуглый человечек ступевался, допил свой грог и вскоре вышел через боковую дверь, ведущую в ночлежку наверху. Он вернулся через несколько минут, прошел через бар и вышел на улицу, и через полчаса я нашел его ожидающим меня на углу Стюарт-стрит и Маркет-стрит. Под мышкой у него был завернутый в бумагу пакет.

— Послушайте, сэр, — сказал он живо, — трагическая история. Послезавтра я ухожу на «Королеве мая» в качестве второго помощника и хочу забрать свой секстант из ломбарда. Позавчера я получил за него пять долларов (и он показал синюю залоговую квитанцию из заведения Билджуотера Билли на Эмбаррадеро, 42 — в те дни это была Восточная улица). Если вы дадите мне сейчас десять долларов, мы вместе пойдем к Билджуотеру Билли и выкупим секстант; вы сохраните секстант у себя до тех пор, пока не просмотрите этот бортовой журнал. Если после прочтения вы будете удовлетворены, то есть узнаете, что случилось с экипажем «Жене-вы» и почему люди покинули корабль, вы оставите для меня еще пятнадцать долларов у Трехпалого

Джека. А если вы решите, что вас обманули, вы сможете продать мой секстант за десять долларов и вернуть свои деньги. Он стоит все пятнадцать. Правда в том, сэр, что раньше он принадлежал Амброузу Коббу, первому помощнику капитана барка «Женева». На нем есть надпись: «Амброузу Коббу 4-му по случаю предоставления ему лицензии второго помощника. Бостон, Массачусетс, 21 июля 1899 г. От его отца, Амброуза Кобба 3-го».

Я взял в руку бумажный пакет, другой рукой взял под руку смуглого человечка, и мы отправились к Билджуотеру Билли и спасли секстант. На нем была точно такая гравировка, как он описал, и спасение прибора из лап Билджуотера обошлось мне в 5 долларов 50 центов. Затем я дал смуглому человечку 4 доллара 50 центов и спросил, не против ли он рассказать мне, как секстант оказался у него во владении.

Он рассмеялся.

— Я не крал его, если вы об этом, — ответил он. — Он без толку лежал рядом с мертвецом, и поскольку мне действительно очень нужен был секстант, сэр, я взял его. Я нашел его в пещере; дело было на острове Кергелен, или острове Запустения, как его называют некоторые, в южной части Индийского океана, а пещера располагалась на утесе, выходившем на гавань Рождества. Я был матросом на трехмачтовом судне «Альтаир», шедшем из Батавии в Монтевидео. В Индийском океане мы попали в тайфун и потеряли мачты. Наш старик хотел отклониться на юг, чтобы уйти от опасности, совсем как Мансон на «Женеве», но он слишком долго держался за паруса — шторм настиг нас и тогда уже ему было не успеть, и наши три палки переломились, как спички. Корабль был старый, деревянный и прогнил до основания. Волны вырвали у него сердцевину, и четверо из наших оказались за бортом. У нас осталась одна лодка, и мы спустили ее с подветренной стороны. Два матроса в лодке развернули ее носом к морю; люди стали выползать на гик и скользить вниз по фалиню. Когда все, кроме шкипера, плотника и меня, оказались в лодке (мы вылили на воду масло, чтобы волны не захлестнули ее), я понял, что у нас нет

шансов. В лодке и так не было места, и я решил умереть на корабле. «Чипс» тоже так решил. Капитан обреза́л фалинь и велел первому помощнику отплывать, что тот и сделал. Мы увидели, как они перевернулись и утонули, как только лодка миновала масляное пятно.

Мы со шкипером и «чипсом» связали вместе несколько бревен и кое-какой запасной рангоут и сделали плот. «Альтаир» быстро набирал воду и мог в любую минуту затонуть, но и мы работали быстро: сняли мачту и парус с разбитой спасательной шлюпки, набрали запас питьевой воды и провизии и как раз перед тем, как корабль ушел под воду, проплыли через дыру в его фальшборте. У нас была двухгаллоновая стеклянная бутылка с водой, и она разбилась, но мы, слава Богу, не перевернулись — хороший большой плот не перевернется, если только пассажиры не начнут по нему расхаживать. Тайфун дул с северо-востока и мы плыли на юго-запад. Потом шкипер и «чипс» умерли. Перед тем, как мы разбили бутылку, они съели очень много тушенки и бисквитов, а все это вещи солоноватые. Я это знал и потому ничего не ел, а поскольку я человек выносливый, я оставался в сознании и продолжал держаться за плот целый день после того, как шкипер и «чипс» отдали концы. Начался дождь, и я набрал в парус немного воды и наполнил две консервные банки из-под говядины, которые я сохранил. Меня носило по волнам четыре дня и наконец вынесло на сушу. Я слез с плота и выполз на берег в гавани Рождества, на Кергелене. Я чуть не умер от холода, но нашел несколько сухих коряг и развел костер, а когда согрелся, нашел питьевую воду. Кергелен необитаем, сэр. Горы вулканические, без леса, и там нет ничего, кроме рева моря, лая морских львов и криков птиц.

Так вот, сэр, я пошел, шатаясь, искать пристанище, потому что на Кергелене холодно и сыро, и на безопасном расстоянии от линии прилива увидел в базальтовом утесе пещеру. Она была сухая, с чистым воздухом и чистым белым песком на полу. Я забрался внутрь и нашел несколько вещей. Например, там была прекрасная морская плоскодонка вроде тех, какие используют рыбаки на Большой Нью-

фаундлендской банке, но я не мог определить, какому кораблю она принадлежала, потому что на носу не было ничего написано. В лодке лежал небольшой морской сундучок из сандалового дерева с ключом в замке. Я повернул ключ и обнаружил в сундучке хронометр в футляре, барометр, секстант Амброуза Кобба, много карт, морской альманах, какие-то выписки, лодочный компас и этот журнал. Еще дальше

в пещере я наткнулся на приспособление, похожее на плавающий якорь для маленькой лодки, и я думаю, что это и был якорь, потому что я использовал его в этом качестве, когда две недели спустя покинул Кергелен, набравшись сил. Там были две пары весел, пятигаллонная жестянка с керосином, маленькая керосинка, пять галлонов орехового масла, два холщовых мешка с промасленной паклей, два ящика корабельных сухарей, герметично закрытых, ящик помидоров, ящик консервированного супа, коробки с чаем и кусковым сахаром, анкерок, камера на треноге и, наконец, скелет мужчины, рядом с которым лежала ржавая винтовка очень крупного калибра. В казенной части винтовки была пустая гильза, а остатков черепа не хватило бы, чтобы набить мою трубку. Один ботинок был снят, а другой надет; я пришел к выводу, что он нажал на спуск большим пальцем ноги.

— Удалось ли вам оценить, сколько времени там пролежал скелет? — спросил я.

— Я высадился на Кергелене в январе 1901 года и, читая этот журнал, заключил, что тот человек умер в августе 1900 года. Последняя запись в журнале датирована 5 августа. И кости не были старыми: птицы и крабы побывали там до меня, понимаете, и швы в лодке едва начали расходиться. Как только я вытащил ее к воде — я использовал мачту как каток — дерево разбухло, и лодка снова стала непроницаемой для воды и готовой к путешествию. Это была очень большая лодка. Но насчет того тела, что я нашел в пещере: он был там первым, и я не стал лишать его крова, а поискал и нашел другую пещеру. Я кутался в его одеяла, спал и отдыхал, а между делом готовил на керосинке чай и суп. Когда я был готов отплыть, я погрузил в лодку все вещи, за исключением винтовки, камеры и некоторых других предметов, назначения которых я не понимал. Конечно, хронометр мне был ни к чему, но секстант очень пригодился, и у меня были карты. Я направился к западному побережью Австралии и пристал к берегу примерно в пятидесяти милях к западу от Фримантла. Всю дорогу стояла хорошая погода и я плыл при попутном ветре. Когда хотелось спать, я бросал

плавучий якорь и разворачивался носом к морю, а если море было бурным, то и вовсе обходился без сна или, когда становилось уже совсем невмоготу, выбрасывал два мешка с маслом и рисковал. За две недели я проплыл полторы тысячи миль, и мне ни разу не пришлось вычерпывать воду. Всю дорогу ел горячую еду и прибыл в довольно хорошем виде. На берегу я бросил лодку и все остальное, кроме барометра, хронометра, секстанта, одеял и достаточного количества тушенки и бисквитов, чтобы продержаться до Фримантла. Там я продал барометр и хронометр, но не сказал, где я их нашел, опасаясь, что кто-нибудь может оспорить мое право на них.

— И вы не рассказали свою историю репортерам в Фримантле? — спросил я.

— Честно говоря, я этого не делал, сэр. На выручку от барометра я напился, купил матросский баул, комбинезон, две шерстяные рубашки и пару морских ботинок и, как только протрезвел, отправился вместе с хронометром на баркентине в Дурбан. С тех пор я рассказывал об этом в кубриках дюжины кораблей, но никто не верит байкам, которые плетет старый матрос, сэр, да и сам человек забывает половину того, что с ним происходило.

— И вы никогда никому не показывали этот журнал?

— Показывал, но заметьте, что на внешней стороне обложки название корабля не значится, и мне так и не удалось найти упоминания этого названия в самом журнале. Так что это ничего не значило для тех, кто не слышал истории о «Женеве». Я и сам не слышал ее до сегодняшнего вечера. Когда Трехпалый Джек упомянул капитана Натана Мансона, Амброуза Кобба, Джошуа Кента, доктора Франца фон Вейганда, время, широту — я просто сложил два и два, сэр. Последняя часть журнала написана на иностранном языке, но мне ни разу не попадался товарищ по кораблю, который знал бы его.

Я развернул пакет. Внутри был судовой журнал, и от него пахло множеством кубриков. Хватило и беглого взгляда: я решил, что дело того стоит, дал смуглому человечку 15 долларов и в волнении распрощался с ним, не узнав его

имени. Что же касается приобретения бортового журнала барка «Женева», судите сами, был ли я вознагражден.

**ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЧЕРНОВОГО ВАХТЕННОГО
ЖУРНАЛА БАРКА «ЖЕНЕВА»
(Бат, штат Мэн)**

**Записи капитана Натана Мансона и второго
помощника Джошуа Кента**

Примечание. Маловероятно, что читатель заинтересуется вахтенным журналом судна, наслаждающегося приятным плаванием; поэтому записи, касающиеся начального этапа путешествия, с отплытия корабля из Сурабаи и до потери первого человека, были опущены. В основном это просто сухой и неинтересный отчет о наблюдениях за погодой и работах, проделанных на борту корабля. Достаточно сказать, что на восемнадцатый день после отплытия из Сурабаи капитан Мансон начал наблюдать безошибочные предзнаменования приближающегося тайфуна. Три дня барометр стоял аномально высоко, небо было ясным и безмятежным, с яркими, ослепительными, огненными закатами. На третью ночь луна была обведена жирным гало, а длинная низкая зыбь с востока стала весьма заметна. В полночь барометр внезапно начал падать, ветер посвежел и постепенно стал дуть на юго-восток, с редкими порывами с востока, указывая на то, что шторм придет с этой стороны. В результате капитан Мансон, увидев, что судно находится в опасном полукольце тайфуна, который должен был вплотную приблизиться в течение двадцати четырех часов, изменил курс, чтобы отклониться к югу и, таким образом, постепенно выйти из центра бури. Его решение в этом случае, по-видимому, оказалось превосходным, поскольку судно не пострадало и ни разу не подверглось полноценному воздей-

ствию тайфуна. Однако барометр начал подниматься лишь после того, как судно прошло значительно ниже 49-й параллели южной широты, и когда давление стало нормальным и «Женева» вновь легла на курс, она вошла в полосу слабых и сбивающих с толку воздушных потоков, падавших временами до мертвого штиля. Итак, мы опускаем сведения об этом этапе путешествия и начинаем с первой важной записи.

25 июля. Вскоре после полуночи ветер полностью утих. С тех пор судно дрейфует в абсолютном штиле со скоростью около трех миль в час к острову Кергелен, который был замечен вскоре после рассвета. Координаты в полдень: 48° 37' 15" ю. ш., 69° 37' 12" в. д. Остров Кергелен в пяти милях по траверзу на закате. Промеры не показывают дна. Оба якоря готовы к отдаче в случае необходимости, чтобы нас не выбросило на берег. Частые промеры до полуночи. Нет дна. Порывы ветра с юго-востока нередко сносят в сторону от линии дрейфа. Так заканчивается этот день.

Натан Мансон, капитан.

26 июля. Смена вахты в полночь. Морьяк Джон Виггинс за штурвалом. Мистер Кент, второй помощник капитана, находился на юте с рулевым до часа ночи, а затем отошел, чтобы приказать боцману произвести замеры. Луна зашла, и было очень темно. Вахтенные болтали посреди палубы. В 1:30 ночи мистер Кент вернулся на корму и нашел матроса Виггинса в состоянии сильного возбуждения. Он заявил, что какая-то гигантская птица дважды облетела судно; в первый раз он отчетливо почувствовал ветер, поднятый ее крыльями; во второй раз птица довольно ощутимо столкнулась с бизань-гиком, который в это время чуть покачивался у миделя, и перекинула его к левому борту. Когда мистер Кент предположил, что мимо пролетел альбатрос и что гик сместился из-за крена корабля, Виггинс заявил, что слышал

удар и что это не мог быть альбатрос, потому что птица громко зашипела при столкновении с гиком. Он утверждал, что чувствовал сильный запах рептилий всякий раз, когда это создание пролетало мимо.

Этот человек, Виггинс — вечно пьяный безработный матрос, которого я подобрал в Сурабае, чтобы заменить моряка, упавшего за борт при выходе в море. Я не хотел нанимать Виггинса, но он был единственным человеком, которого я смог найти. На борт он поднялся пьяным, а после того, как мы вышли в море и у него кончились запасы спиртного, он начал страдать от кошмаров, и его пришлось запереть в лазарете. Мистер Кобб, первый помощник, выпустил его всего несколько дней назад и даже теперь побаивался назначать его на вахту. Мистер Кент, услышав, как Виггинс заговорил о шипении и запахе рептилий, сделал вывод, что матрос вот-вот снова начнет видеть «змей», и решил заменить его и отправить вниз, не дожидаясь обычной смены вахты в два часа ночи. После этого мистер Кент направился было по трапу вниз, чтобы вызвать подмогу, но далеко не ушел, так как услышал крик Виггинса. Он не придавал этому значения, а когда подбежали вахтенные, сказал, что это снова Виггинс со своими ужасами. Он приказал боцману и еще одному человеку сопровождать его на ют, чтобы вернуть Виггинса в лазарет, а другому матросу велел стать за штурвал.

Когда они подошли к корме, Виггинса там не было. В ходе беглого обыска корабля обнаружить его не удалось; мистер Кент дождался рассвета и снова обыскал корабль с тем же результатом.

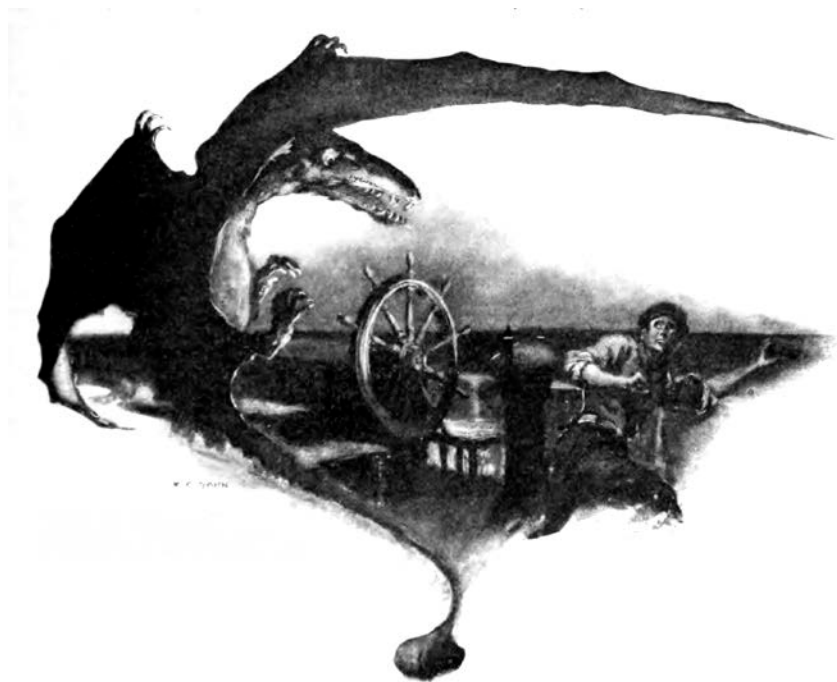
Он считает, что Виггинс внезапно сошел с ума и прыгнул через леерное ограждение в море.

Легкий, прерывистый ветер всю ночь и весь этот день.

Натан Мансон, капитан.

27 июля. Вскоре после того, как прошлой ночью зашла луна, мистер Кобб сообщил мне, что он услышал и почувст-

вовал, как что-то пролетело мимо кормы корабля, и уловил запах рептилий, от которого его едва не стошнило. Воздух был в это время совершенно спокоен, и мистер Кобб ощутил внезапный порыв ветра, словно от взмаха могучих крыльев. Я не придавал значения этому сообщению до двух часов утра, когда меня разбудил крик рулевого. Затем матрос завопил: «Помогите! Оно убивает меня!» После этого насту-

пила тишина. Я выскочил в пижаме и взобрался на корму по трапу правого борта, а мистер Кент прибежал слева, освещая себе путь электрическим фонариком. Штурвал был покинут, а моряк Дж. Р. Давенпорт исчез. Загадка всего этого состоит в том, что мы с мистером Кентом поднялись с двух сторон и Давенпорт никак не мог покинуть ют, кроме как через гакаборт; не мог никуда деться и нападавший (поскольку характер криков не оставляет никаких сомнений в

том, что на него напали). Это так же несомненно и усугубляет тайну. На него не нападал ни один человек на корабле: мы установили местонахождение каждого, включая нашего пассажира, в момент нападения. Более того, Давенпорт назвал нападавшего «оно»; следовательно, остается предположить одно: он не знал, что на него напало, но знал, что это не человек. На корме не было найдено ни малейших следов борьбы.

Происшествие весьма жуткое и проливает новый свет на исчезновение несчастного Виггинса. Был ли он действительно не в себе, когда говорил о чем-то, что пахло змеей и дважды облетело корабль? Если так, то Амброуз Кобб тоже сумасшедший. Неужели что-то в самом деле так сильно врезалось в бизань-гик, что отбросило его к левому борту, и зашипело от ярости при столкновении? Существует ли в действительности легендарный морской змей, поднимает ли он свои слизистые складки из моря, чтобы схватить моих людей у штурвала? Быть может, Виггинс и мистер Кобб приняли за «взмах» могучих крыльев стремительный бросок его тела в воздухе? Эти и подобные мысли посещают каждого человека на борту.

Когда мистер Кобб услышал об случившемся, он оделся и, хотя на вахте был мистер Кент, вооружился топором и заявил, что будет постоянно оставаться на юте с рулевым и вторым помощником.

В четыре часа мистер Кобб пожаловался, что начинает засыпать, и попросил мистера Кента принести ему чашку кофе. Мистер Кент направился к камбузу и едва успел дойти до него, как на юте поднялась суматоха, смешанная с криками и воплями. Когда мистер Кент в сопровождении вахтенных прибежал на корму, рулевого Исаака Симпсона уже не было, штурвал был забрызган кровью, а рядом с ним лежал совершенно мертвый мистер Кобб с разбитым лбом, как от удара томагавка. Бедняга! Он даже не успел взмахнуть топором.

Это третье дело — самое ужасное. Как я объясню Амброузу Коббу 3-ю потерю его сына, Амброуза Кобба 4-го? Он всегда будет считать, что я ослабил бдительность; он

отдал мальчика под мою опеку и, боюсь, никогда не поймет, что никакие человеческие силы не могли предотвратить смерть его сына.

12 часов дня. Все еще рядом с Кергеленом. Погода сырая, как обычно в этих широтах, море гладкое, ветер дует слабыми порывами во все стороны света. Мистер Кент назначен первым помощником, и все наши усилия направлены на то, чтобы удержать судно вдали от берега. Повысил Дэниела Кеннеди, бывшего боцмана, до второго помощника. Хотя он ничего не смыслит в навигации, он прекрасный моряк.

Ради старика-отца я решил не хоронить бедного Амброуза в море. Плотник изготовил гроб, и после панихиды на борту корабля мы спустили лодку и отправили тело на берег в сопровождении мистера Кента и трех моряков. Д-р фон Вейганд попросил и получил разрешение сопровождать группу. Я заметил, что он положил в лодку тяжелый экспресс-штуцер, две легкие охотничьи винтовки и дробовик (все это — его собственное оружие).

7 часов вечера. Кент должен был вернуться не позднее четырех часов. Уже темно, а его еще нет. Поручил мистеру Кеннеди время от времени зажигать сигнальные огни и тем самым указывать нашей лодочной партии путь на судно.

Примечание. Это последняя запись, сделанная рукой капитана Мансона.

В соответствии с распоряжениями капитана Мансона я сегодня утром сошел на берег, чтобы похоронить мистера Кобба, взяв с собой моряков Самуэля Пиза, Алонзо Бека, Сайласа Райса и нашего пассажира, доктора Франца фон Вейганда. Мы похоронили мистера Кобба в прибрежном песке, но гораздо выше уровня прилива, у подножия утеса, обращенного к центру гавани, в 409 шагах к северу от двух скальных вершин и в 97 шагах к югу от наполовину затонувшего корабля на берегу. Над могилой насыпали курган и установили надгробную доску, изготовленную на борту.

Пока мы занимались нашей печальной задачей, доктор фон Вейганд взял дробовик и пошел по берегу. Я не обратил на него внимания, думая, что он собирается подстрелить несколько экземпляров морских птиц, и приступил к захоронению. Когда мы закончили, доктор вернулся и отвел меня в сторону. «Прикажите вашим людям спрятаться в той пещере в скале, — сказал он, — и взять с собой две легких винтовки. Скажите им, чтобы они ни при каких обстоятельствах не покидали пещеру, пока вы не вернетесь: их жизнь в опасности. После этого возьмите мой штуцер и следуйте за мной. Я должен вам кое-что показать».

Я подчинился. Мы прошли по берегу полмили; здесь доктор подвел меня к своеобразному отпечатку на песке и спросил, что я об этом думаю. После некоторого размышления я сказал ему, что, по моему мнению, на песке сидела птица ростом в девять футов. Он кивнул и повел меня выше: там, ярдах в пятидесяти от линии прилива, над чем-то кружилась и кричала стая морских птиц. От того, над чем они кричали, мало что осталось, но по матросским ботинкам я узнал Виггинса. Пока доктор караулил, я выкопал в песке яму и зарыл несчастные останки.

— Итак, мистер Кент, -- сказал доктор, — какое у вас сложилось мнение?

— Думаю, на Кергелене живет девятифутовая птица, — ответил я. — Она способна летать и достаточно сильна, чтобы унести человека. Она принесла сюда Виггинса и ударом клюва убила Кобба. Это ночная охотница, и ее привлекли к судну наши красные и зеленые бортовые огни. В темноте главной палубы она не увидела других матросов с моей вахты, а хлопающий брезент и рангоут затрудняли посадку. Однако, облетая корму, существо заметило в тусклом свете компасной лампы человека у штурвала, и поскольку косые паруса, по-видимому, были сдвинуты, смогло броситься вперед и сесть прямо на корму.

— Я согласен с вами, — сказал он. — Как вы объясняете присутствие подобного монстра на Кергелене? У меня есть своя теория, но я хочу услышать вашу.

— Начнем с того, — ответил я, — что Кергелен — вулканический остров. Поэтому на нем нет собственной фауны. Мы видим на берегах миллионы морских птиц и сотни морских львов, но все они эмигрировали сюда из окружающего океана. Следовательно, это существо, которое может атаковать и убить человека и унести тело, тоже должно быть эмигрантом. Тогда естественно возникает вопрос: откуда оно явилось? Ответ очевиден — с ближайшего материка, а это западное побережье Австралии, примерно в полутора тысячах миль. Как известно каждому школьнику, Австралия геологически гораздо древнее, чем остальная часть земной поверхности, если судить по ее фауне. Многие обычные представители этой фауны, очевидно, являются пережитками той эпохи, когда дикий животные были правилом, а не исключением. Например, в эпоху рептилий природа, работая с противоположностями, произвела летающую рептилию, существо с телом и хвостом рептилии, крыльями летучей мыши и головой птицы. Сегодня в Австралии мы находим утконоса, создание с телом выдры и утиным клювом. За исключением клюва, это млекопитающее, но млекопитающие рожают своих детенышей живыми и кормят их грудью, тогда как утконос, подобно курице, откладывает яйца. Кроме того, в Австралии существует более десятка видов сумчатых, не встречающихся больше нигде на земле, не говоря уже о бескрылой птице эму.

— Кажется возможным, что существо, унесшее Виггинса, переселилось сюда из Австралии. Это возможно, но маловероятно, — заметил фон Вейганд.

— Его явная древность противоречит такому предположению, — сказал я, — хотя нет сомнения в том, что некоторые виды семейства рептилий действительно достигают невероятного возраста. Ученые полагают, что возраст некоторых особей черепах с Галапагосских островов составляет более двух тысяч лет. Когда эти черепахи были пойманы и изучены, ничто не указывало, что они не могли продолжать жить бесконечно. Вполне возможно, что пара этих существ, предки современного монстра, обитающего на Кергелене, была унесена в море от берегов Австралии страшным тай-

фуном. Такие мощные существа, как они, опережая шторм, могли легко разогнаться до ста миль в час при непрерывном пятнадцатичасовом полете; затем они увидели Кергелен и приземлились. Еды здесь много: рыбы, тюлени, морские птицы. До 1772 года, когда Тремарек-Кергелен открыл остров, им или их потомкам не грозили никакие естественные враги или природные катаклизмы. Кук посетил остров в 1774 году, а в последний раз группа ученых побывала здесь в 1874 году, чтобы наблюдать за прохождением Венеры. Однако ширина Кергелена в наиболее широкой его части составляет пятьдесят миль, а длина — около ста миль, так что неудивительно, что это чудовище до сих пор людям не встретилось.

Доктор заявил, что во мне, когда я вышел в море, погиб ученый. Как и многие другие, он не знает, что моряки часто учатся лучше, чем люди сухопутные. В школьные годы я изучал естествознание и физическую географию и после продолжал пополнять свои знания: ведь еще ни один человек с умственным кругозором на уровне полубака не становился капитаном на службе у «Болдуина и Кобба».

Мы решили подняться на возвышенность за гаванью и провести два часа в поисках существа. У меня был тяжелый штуцер, который фон Вейганд использовал для охоты на тигров на Суматре, а у него было ружье десятого калибра с полным чоком и патронами с картечной дробью на бездымном порохе. Это оружие я предпочел бы штуцеру.

После тщетной охоты мы двинулись к лодке по длинному ущелью, ведущему к берегу. Оба мы вздрогнули, услышав безошибочный звук ружейного выстрела. Мы прислушались. Вслед за выстрелом началась настоящая канонада. «Оно напало на них», — тихо сказал фон Вейганд и побежал, каждые десять секунд бросая взгляд в небо. Стрельба прекратилась (очевидно, матросы опустошили магазины или убили существо) через минуту после того, как мы слышали первый выстрел. У места, где мы оставили лодку, мы с ужасом увидели лежащее на берегу тело одного из матросов. Это был Пиз, убитый тем же способом, что и мистер Кобб; рядом с ним лежала разряженная винтовка. Близ

лодки мы нашли моряка Бека, тоже мертвого. Вероятно, он нарушил мое приказание оставаться в пещере и рискнул спуститься на берег за своей трубкой, которую я впоследствии обнаружил в лодке. Здесь на него напали. Его крики, несомненно, заставили Пиза и Райса кинуться из пещеры к нему на помощь и привели их к гибели. Убив всех троих в беспричинной и злобной ярости, существо — по-видимому, оставшееся невредимым — схватило тело Райса и улетело. Винтовку Райса мы нашли примерно в двадцати футах от входа в пещеру, а песок неподалеку был пропитан кровью.

Я похоронил Пиза и Бека рядом с мистером Коббом, в то время как фон Вейганд стоял на страже. При первом же признаке опасности мы были готовы броситься в пещеру и тем самым заставить существо атаковать в лоб. Возвращаться на судно при свете дня мы не рискнули, так как в случае нападения не смогли бы прицельно стрелять из качающейся лодки, и решили сперва дожидаться темноты. Я знал, что капитан Мансон зажжет костонские огни, чтобы указать нам путь. Он так и сделал: мы увидели одну ракету, через пять минут — другую и после пятиминутного интервала — третью. На этом сигнализация прервалась. Полчаса спустя фон Вейганд сказал мне:

— Тварь посетила их. Костонские сигналы привлекли ее к кораблю, и теперь матросы отсиживаются в кубрике, боясь показаться на палубе.

Мы гребли около трех часов, прежде чем увидели бортовые огни корабля и подплыли к борту. Я окликнул вахтенного. Через некоторое время матрос сбросил нам вант-трап, и мы поднялись на борт, оставив лодку дрейфовать за кормой на конце длинного фалиня.

Фон Вейганд был прав. На корабле побывал посетитель, и капитан и мистер Кеннеди лежали мертвыми на юте. Существо, очевидно, сперва напало на Кеннеди, а затем убило капитана в тот самый момент, когда он зажег один из костонских сигналов. Ракета, вероятно, отпугнула существо, однако рулевой успел отчетливо его разглядеть. Этот человек, матрос Этьен Лабори, франко-канадец, был вне

себя от ужаса, когда мы с фон Вейгандом расспрашивали его. Он заявил, что корабль преследует злобный дьявол, аналогичный оборотню канадских лесов. Судно лежало в дрейфе. Внезапно вахтенные почувствовали порыв ветра, и существо с глухим стуком приземлилось на корму, сложив на лету крылья, похожие на крылья летучей мыши. У него было туловище толщиной с фок-мачту, заканчивающееся хвостом толщиной с питона и целых восемь футов длиной. Глаза большие, без век, красноватые и окруженные чешуйчатыми пластинами, как у черепахи. Удлиненный клюв с зубами, как у крокодила. Оно попыталось ударить Лабори своей большой когтистой лапой, но промахнулось. Несомненно, то был сам Сатана.

Сейчас далеко за полночь; мы уже устроили поспешную панихиду по капитану и мистеру Кеннеди и вверили их тела морю. Свидетельства матроса Лабори подтвердили наши с фон Вейгандом подозрения относительно существа. Это птеродактиль или птеранодон огромных размеров, вероятно, последний представитель своего вида на земле, и на Франца фон Вейганда и Джошуа Кента теперь возложена двойная обязанность. Наш долг перед человечеством требует, чтобы мы не покидали Кергелен, пока мы не выследим и уничтожим это чудовище; наш долг перед наукой требует, чтобы мы сфотографировали его, как живого, так и мертвого и, если возможно, в полете, бережно сохранили ужасную тушу и перевезли ее в Нью-Йорк, где фон Вейганд препарирует ее и затем отправит в свою альма матер, Лейпцигский университет.

Поднялся попутный ветер, но я собираюсь дрейфовать до утра. После я направлю корабль в гавань Рождества и высажу фон Вейганда на берег с двухмесячным запасом провизии и его личным снаряжением, оружием, камерой и т. д. Он поселится в пещере, воду будет набирать по ночам, полагаясь для защиты на свой дробовик десятого калибра. Чудовище едва ли опаснее атакующего тигра, и фон Вейганд говорит, что первый выстрел всегда останавливает атаку; прежде чем тигр успевает собраться с мыслями и возобновить нападение, второй выстрел решает дело. Если фон Вей-

ганд сумеет сломать выстрелом крыло и сбить существо на землю, исхода страшиться нечего.

Он составил завещание в мою пользу и подписал чек, по которому я смогу получить в Лондоне три тысячи долларов. Я должен привести корабль во Фримантл, поставить его в безопасное место, телеграфировать владельцам и попросить их освободить меня от обязанностей. После всех ужасов, которые я пережил, мне, конечно, не откажут. Затем я должен зафрахтовать маленькую шхуну и вернуться в Кергелен за доктором и убитым существом. Если же фон Вейганду не удастся его убить, я должен завершить начатое и предоставить труп существа, вместе с полным отчетом о случившемся, любому научному учреждению по своему выбору. (Понятно, в таких обстоятельствах я должен буду предоставить его Лейпцигскому университету; славный доктор сделал меня своим наследником, и если я выживу, у меня будут необходимые средства для поисков других особей, которые могут обитать на Кергелене.) Я поклялся, что непременно исполню все пожелания доктора: пусть я и моряк, я заинтересован в этом не меньше, чем он.

29 июля. Я высадил фон Вейганда на берег, поднял паруса и отплыл. Никаких следов монстра. В восемь вечера миновали северную оконечность Кергелена и взяли курс на Фримантл. Попутный ветер. Во время уборки квартердека сегодня утром обнаружил место, где существо, ударив Лабори своей огромной лапой, промахнулось и поцарапало палубу своими когтями. Не стану его заравнивать, пока не покажу отметины властям Фримантла.

Примечание. Это последняя запись, сделанная рукой Джошуа Кента. Далее следуют записи на немецком языке, перевод которых таков:

5 августа 1901 г. Я, Франц Карл Вильгельм фон Вейганд, полевой натуралист Лейпцигского университета в Германии, перед смертью клянусь честью джентльмена и ученого, что

нижеследующее является достоверным свидетельством о событиях, которые произошли с тех пор, как Джошуа Кент высадил меня на берег острова Кергелен по моей просьбе и в соответствии с соглашением, заключенным между нами. Джошуа Кент дал мне честное слово, что непременно исполнит все мои пожелания в этом вопросе, и, как истинный джентльмен, сдержал слово ценой своей жизни, а я, его друг, обреченный умереть на этом бесплодном острове, оплакиваю его, пока пишу.

В тот день, когда Кент высадил меня на берег, я в послеобеденный час наткнулся на существо; наевшись, оно спало на вершине утеса надо мной. Я подошел совсем близко и с полдюжины раз сфотографировал его в состоянии покоя. По разным признакам я предположил, что это было его излюбленное место отдыха. Мне хотелось потревожить его и сделать несколько снимков в полете, но я не решился и спрятался за соседний валун, надеясь, что существо взлетит само. Лишь в сумерках оно зашевелилось, бросилось прямо вниз с обрыва и полетело над морем. Я мог бы выстрелить из своего укрытия и убить или ранить его, но не хотел этого делать, пока не получу фотографию летящего монстра. На свете так много скептиков, так много завистливых коллег-ученых, жаждущих воскликнуть: «Шарлатан!».

Следующие два дня я довольствовался тем, что прятался у входа в пещеру, наблюдая за утесом наверху на случай, если существо вздумает отправиться в полет при дневном свете. Около двух часов дня я с изумлением заметил у входа в гавань небольшую лодку под парусом. В бинокль я разглядел, что в ней сидел один человек. Он шел быстро и, приблизившись к берегу, спустил парус и взялся за весла. К своему удивлению, я узнал в этом человеке Джошуа Кента. Когда я вышел из пещеры, он заметил меня и стал махать мне рукой; я жестом велел ему молчать, так как боялся, что любой крик может разбудить сонливое воплощение ярости на вершине утеса. Вместе мы вытащили лодку на гальку, и отступающий прилив оставил ее сухой. Затем, пока я шел рядом с ним, неся свой тяжелый штучер и дробо-

вик для защиты от внезапного нападения, Кент перенес свои вещи в пещеру; после мы вытащили лодку за линию прибоа, закрепили ее тяжелым камнем и отступили к пещере. Здесь Кент рассказал мне свою историю. Команда, оставшаяся в живых, состояла из канадца Лабори, Уимбли, маленького кокни Добсона, кока-негра и двух финнов с трудноп произносимыми именами. После того, как судно покинуло остров, они обратились к нему и высказали свое мнение: корабль, считали они, преследует демон, а потому все должны оставить его и сесть в спасательную шлюпку. Матросы были убеждены, что это единственный способ спастись. Кент высмеял их опасения и сказал, что долг перед владельцами запрещает ему принять это предложение. Тогда матросы отказались нести вахту за штурвалом, и Кенту пришлось всю ночь управлять кораблем. Однако он указал кокни Добсону курс на Фримантл и дал ему определенные указания на случай его (Кента) смерти.

На рассвете один из финнов сменил Кента. Тот позавтракал и лег поспать на несколько часов, заведя будильник. Проснувшись и выйдя на палубу, он увидел, что его суеверный и охваченный ужасом экипаж сбежал в одной из спасательных шлюпок. Такова была их благодарность за то, что он указал им курс на Фримантл. Судно шло по ветру, штурвал был закреплен примерно в среднем положении.

Кент оказался, как говорят матросы, между дьяволом и морской бездной. Он не смог бы управиться с барком в одиночку, а барометр падал; если он угодит в бурю с поднятыми парусами, мачты будут снесены; если же обрезать паруса с рей, они станут непригодны... В любом случае, похоже было, что он никогда не доберется до Фримантла, чтобы зафрахтовать шхуну и вернуться за мной. Это обрекло меня на голодную смерть. Кроме того, я дал ему чек на три тысячи долларов и составил завещание в его пользу, и он опасался, что я решу, будто он предал меня, если он не вернется на Кергелен. Поэтому он решил покинуть судно (тем более что оно и груз были полностью застрахованы) и вернуться на Кергелен на одной из корабельных шлюпок. Он был не в состоянии спустить на воду спасательную

шлюпку с крыши рубки; к счастью, в предыдущем плавании плотик, подвешенный на шлюпбалках на корме, был заменен прекрасной дори наподобие тех, какими пользуются рыбаки на Большой Ньюфаундлендской банке. Это великолепное морское суденышко. Кент установил мачту с парусом и тяжело нагрузил лодку провизией, одеждой, маслом и т. д. Он также взял барометр, хронометр, секстант мистера Кобба и все имевшиеся на борту карты и навигационные книги. Со своим обычным умением и ловкостью он смог спустить лодку на воду, не опрокинув ее, и некоторое время буксировал ее за кормой. Затем он обвязал вокруг пояса линь, прыгнул в воду, поплыл к лодке, отвязал конец и позволил кораблю плыть по воле волн.

Я был бесконечно рад компании этого замечательного и преданного человека в величайшем приключении, о каком мог когда-либо мечтать натуралист. Мы намеревались снять с птеродактиля шкуру и бережно сохранить ее с помощью соли и квасцов, которые я привез на берег в достаточном количестве. Тушу мы собирались оставить на берегу до тех пор, пока миллионы морских птиц не сорвут с костей плоть. Шкура и разобранный на части скелет не должны были занять много места в лодке. Еды нам хватило бы до конца сезона тайфунов; затем мы планировали отправиться на лодке во Фримантл. Чем не комфортабельное путешествие: один из нас мог рулить, пока другой спит. Мы рисовали себе картины нашего триумфального возвращения к цивилизации! В воображении я видел, как император награждает меня — меня, Франца фон Вейганда, простого профессора естественной истории. Я стал бы знаменит; даже великий Кювье с его жалкими ископаемыми останками низкорослых птеродактилей из меловых пластов Канзаса померк бы в ничтожестве по сравнению с человеком, который в тысяча девятьсот первый год от Рождества Христова выследил, сфотографировал и уничтожил последнее ужасное чудовище эпохи рептилий.

Но все эти светлые мечты теперь позади, ибо вчера состоялась эпическая битва. Я победил — и все же я проиграл.

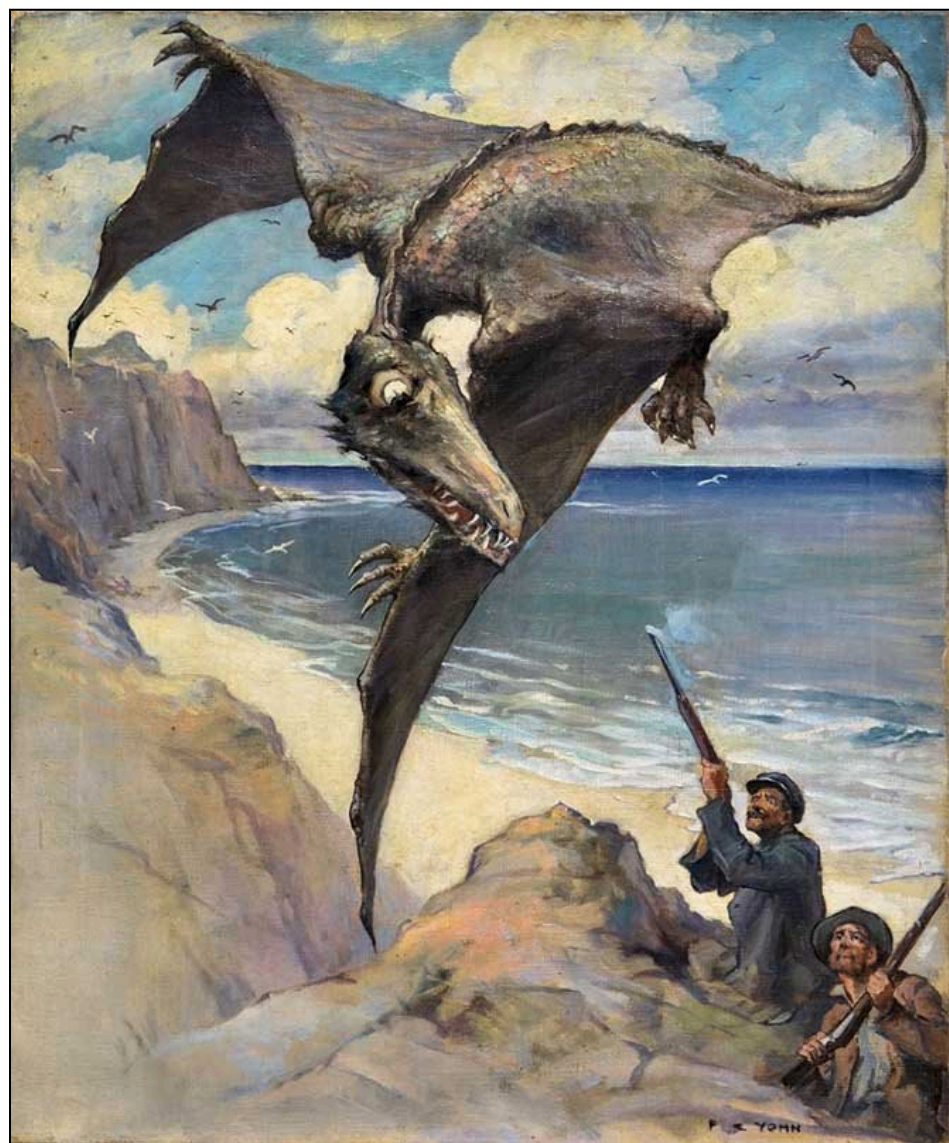
Около десяти утра мы увидели, как зверь летит над гаванью Рождества, но слишком далеко, чтобы его можно было сфотографировать. Он исчез вдалеке над побережьем, и мы воспользовались его отсутствием, чтобы затащить лодку в пещеру на случай непогоды. Затем мы поднялись на вершину утеса и спрятались среди камней рядом с его лежищем. Примерно через час он вернулся, прилетев с невероятной скоростью, и закружил над нами, пока мы оставались неподвижными, стараясь не привлекать его внимания. Затем он плавно, как большая чайка, сел на землю. Я медленно поднял камеру, и когда большое тело показалось прямо в видоискателе, нажал на кнопку.

Легкое движение спугнуло его; он тут же взмахнул своими огромными крыльями и взмыл над нами, с любопытством разглядывая нас. Мне удалось сделать еще один снимок (я не проявлял пластинку, но думаю, что он был идеальным). В тот же миг Кент выстрелил. Его пуля попала в левый бок, рядом с сочленением крыла с чешуйчатым телом. Крыло повисло.

— Отлично! — одобрительно воскликнул я, когда монстр по касательной рухнул на землю. Я собирался нанести ему еще больший урон зарядом картечи в тот момент, когда он приземлится.

Сначала он ударился о землю ногами, а при ударе развернулся и прыгнул к нам. Я мигом выстрелил, но успел только повредить правое крыло, а Кент прострелил ему туловище еще одной пулей. Я рассчитывал на то, что шок от ран остановит его на достаточно долгое время и позволит мне сделать последний выстрел, но, очевидно, чудовище было невосприимчиво к боли. Двумя яростными прыжками монстр подскочил к нам и устремил ужасный клюв на Кента. Тот ударил его стволом винтовки и отступил в сторону; существо взмахнуло лапой, вооруженной длинными смертоносными когтями, но промахнулось. В этот момент я мог бы прикончить его, так как отпрыгнул на шесть футов назад, но я боялся выстрелить, опасаясь убить Кента.

Существо, словно ничего не страшась, повернулось ко мне. В ту же секунду я увидел, как Кент упал, как будто пы-

таясь избежать моего огня. Я выстрелил в упор в голову существа. Заряд разорвал огромный клюв на куски и, войдя в череп, мгновенно убил чудовище, однако инерция рывка понесла его прямо на меня. Я упал под весом зловонного тела, и в своей краткой предсмертной агонии монстр страшно разодрал мне правую ногу. Отдышавшись, я пополз из-под туши мертвого, как Хеопс, чудовища — помню, я еще смутно задавался вопросом, почему Кент не помогает мне. Я огляделся в поисках своего спутника.

Взмах хвоста, покрытого роговой чешуей, сделал то, что монстру не удалось сделать клювом и когтями. Страшный удар раздавил грудь моего бедного друга, и он умирал, когда я подполз к нему. Он улыбнулся мне.

— Ты... знаешь курс... — прерывисто прошептал он, — выходи... в море... якорь... когда захочешь спать... масло... если волны... до свидания, голландец... надеюсь, фотографии... получатся.

А потом он умер. Я плакал. Я вытащил его на берег и там похоронил; и теперь, прежде чем я продолжу, я оставляю человечеству этот отчет о его жертве. Я не могу проявить фотографии. У меня есть полевой проявочный набор моего собственного изобретения, но мне нужна вода, а я слишком слаб, чтобы принести ее. Моего драгоценного птеродактиля съедят морские птицы — со временем кости расчлениятся, и бури разбросают их по скалам и зароят в прибрежных песках. У меня заражение крови в ноге, где дьявол вцепился в меня. Яд не позволит мне выжить — так зачем же мне медлить и страдать?

По Вейганду.

Как я указал в самом начале, моя роль в этом повествовании ограничивается ролью историка. Я лишь привел относящиеся к делу документы.

Роберт Дункан Милн

ЯЙЦО ИГУАНОДОНА

Часть I

«ДОПОТОПНОЕ ЧУДОВИЩЕ БРОДИТ В ДЖУНГЛЯХ НОВОЙ ГВИНЕИ.

Шхуна «Эйлин», только что вернувшаяся из залива Папуа с грузом мускатных орехов и коры массой, сообщает о необыкновенном чудовище, замеченном экипажем в болотах, омывающих восточный берег залива. Оно было хорошо видно на расстоянии четырех миль от места, где стояла на якоре шхуна; животное продиралось сквозь камфарные деревья и саговые пальмы, по словам капитана Биггса, так же легко, «как свинья через картофельную грядку». Капитан говорит, что, насколько можно было судить на таком расстоянии, длина тела животного составляла от восьмидесяти до ста футов. Время от времени зверь поднимался на задние лапы, и тогда его голова оказывалась гораздо выше верхушек пальм. Капитан осмотрел его в бинокль и уверяет, что никогда не видел подобного животного, но по общим характеристикам сравнивает его с медведем.

Капитан Биггс — человек трезвый и надежный, не слишком склонный к моряцким «байкам», и, поскольку увиденное засвидетельствовано его командой из шести человек, мы воздержимся от комментариев. Вот шанс для наших местных Нимродов». — *Brisbane Courier*, 6 января 1882 г.

Цитируемая выше заметка содержалась в недавнем номере выходящей в Квинсленде (Австралия) газеты, который был прислан мне другом. Прочитав ее, я невольно воскликнул: «Ба! неужели все эти морские змеи, буджумы и снарки добрались и до здравомыслящих австралийцев? Ну и ну!»

Минуту спустя газетное сообщение вылетело у меня из головы. Я, вероятно, никогда больше не вспомнил бы о нем, но одно странное обстоятельство вновь вывело его на поверхность и придало ему достаточную весомость в моих глазах, чтобы сделать его, так сказать, основой следующего далее повествования.

На днях я случайно зашел с утра в Торговую библиотеку на Буш-стрит и, заметив нескольких дам, поднимавшихся по лестнице подвального этажа, решил из любопытства узнать, что там происходит. Войдя в зал, я обнаружил, что он превратился в своего рода музей, полный образчиков животного и минерального царств. Многие из них представляли собой такие искусные имитации и выглядели настолько естественно, что с биологической точки зрения обманули бы даже знатока. На полу группировались кости давно исчезнувших животных; рядом с ними лежали поразительной величины бивни, якобы являющиеся копиями оригиналов из европейских хранилищ. В центре, за ограждением, возвышался чудовищный и гигантский слон: табличка гласила, что он являлся точной копией мамонта, найденного во льду реки Лены, где хрустальный гроб хранил его в неприкосновенности Бог знает сколько лет. Существо двадцати шести футов в длину и шестнадцати футов в высоту заслуживает большего, чем беглого взгляда, и я стоял, рассматривая похожие на столбы ноги, мохнатую шкуру и огромные бивни и гадал, мог ли оригинал этой громадины весить сотню тонн. Меня вывел из задумчивости раздавшийся позади голос:

— Довольно большой зверь, сэр, но я видел крупнее.

Я машинально обернулся и посмотрел на говорившего. Загорелый, бородатый, обветренный человек лет пятидесяти, одетый как моряк, небрежно прислонился к ограждению и глядел на мамонта.

— Вы видели крупнее? Да что вы говорите! — равнодушно повторил я, поначалу смутно уловив смысл замечания.

— Да, — выразительней произнес незнакомец, — я видел крупнее. Мало того, в десять раз крупнее. Этот мамонт показался бы карликом рядом с тем зверем. Тот-то уже

младенцем был такого размера.

Я бросил на собеседника суровый взгляд.

— Послушайте, друг мой, — сказал я, — не знаю, за кого вы меня принимаете, но уверяю вас, от ваших рассказов будет мало толку. Возможно, я льщу себе, но я достаточно осведомлен о естественной истории и законах, регулирующих развитие животной жизни на поверхности нашей планеты, чтобы в них поверить.

Сделав это заявление, я помедлил, оценивая его эффект. Эффекта не было. Моряк просто посмотрел мне в лицо и сказал:

— Я вижу, сэр, что вы человек образованный, и будете ученым меня, и уж точно получше разбираетесь в книгах; но говорю вам, я видел зверя в десяток раз больше вот этого маммонта, как вас сейчас вижу, и видел, как он вылупилсь. Чистейшая правда, сэр!

Я внимательно и критически оглядел этого человека, чтобы по возможности определить, какую цель он мог преследовать, испытывая мою доверчивость, но ничего не сумел понять. Выражение его лица казалось искренним. Поэтому я решил сделать вид, что поверил ему, и вызвать его на откровенность.

— Будьте так добры, скажите, в какой части света обитало это странное существо? — спросил я.

— В Папуа, или, как говорят некоторые, в Новой Гвинее — на большом острове к северу от Австралии, может, вы о нем слышали. Насколько я знаю, зверь все еще там, — ответил он.

Внезапно мне вспомнилась только что процитированная заметка из австралийской газеты. Я не мог не связать ее со словами моряка. Возможно ли, подумал я, что в этих странных и причудливых историях о диких исполинских существах, обитающих в глухих дебрях, где редко ступала нога человека, есть зерно истины? Возможно ли, что в определенных условиях и при редком стечении обстоятельств некоторые заблудшие экземпляры давно вымерших видов могли выжить? Какой бы невероятной ни казалась эта идея, я все же вынужден был признать, что в ней нет ничего ни

логически, ни природно невероятного; итак, я решил выслушать, что может сообщить этот человек, и по крайней мере позабавиться его рассказом.

Расспросы помогли выяснить, что капитан Себрайт, плававший в данный момент лодчманом в бухте, проживал на Джесси-стрит, и я принял приглашение зайти к нему в тот же вечер и выслушать его рассказ, а также изучить некоторые имеющиеся у него документы, касающиеся этого дела.

Днем я встретил своего друга В., светило Академии наук. Он наградил меня улыбкой жалости и превосходства, но все же согласился пойти со мной вечером к капитану. Итак, мы явились на Джесси-стрит, и после обычных преамбул наш хозяин начал свой рассказ.

— Не знаю, бывали ли вы в Южных морях, джентльмены, но между нами говоря, там больше всяких странностей, чем в любом месте на свете, где побывал я. Взять растения, деревья, смешных птиц, забавных зверей: клянусь, нигде такого не найдете. Но самое странное, что я видел в смысле зверей, было на острове Папуа. Если у вас есть время, я расскажу вам, как это было, и тогда, я так прикидываю, вы поймете, что я не вру. Было это шестнадцать лет назад, может, чуть больше или меньше. Я служил тогда матросом на баркентине «Мэри Честер» из Веллингтона, Новая Зеландия. Мы шли с грузом угля в Сингапур. Дело было в октябре месяце, и капитан выбрал северный путь через Торресов пролив. Что ж, мы прекрасно добираемся до мыса Родни. Там на нас обрушился тайфун, и не успели мы свернуть паруса, как легли на бок. Пришлось спасаться вплавь. Пока мы переворачивались, одна из лодок соскользнула в воду, и мы с Беном Бакстером, боцманом, забрались в нее, а после помогли залезть мистеру Инсу, второму помощнику, и больше мы нигде не видели никого из команды. В лодке были весла, и мы направились к берегу, но ветер унес нас далеко в залив Папуа. Буря трепала нас, думаю, дня полтора, а потом мы завязли на илистой отмели и побрели к берегу.

Туземцы вышли посмотреть на нас, но как будто боялись. Потом они стали меньше шарахаться, и мы пошли с ними в нечто вроде деревни, которая стояла там у них яр-

дах в двухстах или трехстах от берега. В те времена никто ничего не знал о неграх, живших на Папуа. Тогда не было торговли ни с Австралией, ни с другими странами, потому что на островах к западу людям было гораздо легче добывать специи и птиц и не было нужды приезжать на Папуа. С северным побережьем острова велась некоторая торговля, но мы застряли далеко в юго-восточном углу, и тамошние отличались от людей, живших за тысячу миль, на другом конце острова, как негр от малайца. Ходили слухи, что они были людоедами, и мы сначала немного боялись, что у них закончилось свежее мясо, но они приняли нас по первому сорту, не сомневайтесь. С первого дня мы высматривали корабли и спрашивали их знаками, проходят ли там суда, а мистер Инс нарисовал корабль на листке из записной книжки, но они только качали головами и смеялись, и было понятно, что к ним не приходил еще ни один корабль. Лодку, должен вам сказать, смыло с отмели в первую же ночь; она застряла на коралловом рифе и мы ничего не могли с ней поделаться, а у туземцев не было никаких инструментов, пригодных для плотницких работ. Так что нам оставалось либо сидеть на месте, либо перебраться в другую часть острова.

К северу и востоку видны были одни заснеженные горы, а к югу не было ничего, кроме болот, илистых отмелей и лесов из камфарных деревьев и тому подобного. Идти на запад значило отдаляться от моря. Вот мы и решили остаться там, во всяком случае, на какое-то время.

Негры отвели нам хижину, сделанную из двух треугольных кусков циновки — это материал, из которого малайцы строят свои хижины. Ели мы то же, что они. Апельсинов, бананов и кокосовых орехов было вдоволь, а на мясо шли кенгуру и другая мелкая дичь, которую они могли заманить в ловушку или застрелить из лука. И не забывайте, что эти черные жили довольно комфортно для дикарей. Тогда был сезон дождей, и солнце стояло прямо над нашими головами. Мистер Инс, второй помощник, вырезал квадрант из куска доски складным ножом Бена Бакстера и сказал нам, что мы находимся где-то на 7° 30' южной широты и 145° 30' восточной долготы, то есть прямо в бухте залива Папуа. Мы

потерпели крушение двадцать третьего октября, и мистер Инс сказал, что для этой широты сейчас самый разгар лета, потому как солнце на следующие два месяца уйдет на юг, а следующее лето наступит примерно в середине февраля, когда солнце снова встанет в зенит. Так вот, джентльмены, эти дикари были самыми уродливыми людьми, которых вы когда-либо встречали. Толстые губы? О чем разговор? Носы, как трехногий расплющенный горшок, с двумя большими дырками внизу? Краска? Господи! Разрази меня гром, если они не выглядели шикарно. Краску накладывали, будто она ничего не стоит, да и не стоила; и мужчины и женщины не отставали друг от друга. Но они были самыми добросердечными людьми на свете, и если кто-нибудь скажет вам, что папуанцы — каннибалы, просто передайте этому человеку от меня, что он очень далек от истины, по крайней мере в смысле тех, среди которых мы жили; правда, говорят, ближе к северу сожрать тебя могут быстрее, чем акула.

Их хижины из кокосовой циновки защищают от дождя получше брезента. Сами можете судить, ведь из того же материала они делают свои горшки и ведра.

Что ж, джентльмены, где-то через месяц или около того мы начали кое-что усваивать из их языка. Можно было подумать, что мистер Инс, как человек образованный, хорошо выучит язык, но он оказался самым отсталым из нас. Я быстро запомнил большую часть грубых слов, и мог сказать «Как поживаете?» и «До свидания» и всякое такое. Но Бен Бакстер — самый невежественный моряк, какой когда-либо поднимался на палубу, тот самый Бен Бакстер, который ничего не знал и не мог написать собственное имя, хоть и был боцманом — изучил язык превосходно. Он был большим парнем, где-то шесть футов четыре дюйма, и соответственно широким в кости. Туземцы боялись его, бросались перед ним на колени и целовали его ноги. Но мистера Инса они ни во что не ставили, он был человеком малорослым и болезненным. Так вот, провели мы там, думаю, недель шесть, и однажды вечером Бен говорит нам в хижине:

— Ребята, — говорит, — я собираюсь жениться.

— Так я и думал, — говорю я. — Видел, как ты подкатывал к той широкобедрой скво с желтыми цацками. Так ты и вправду собрался жениться? Что ж, желаю удачи. Если хочешь, возьми меня в шаферы.

— Ну, Бен, — говорит мистер Инс, — я полагаю, мы должны извлечь из нашего пребывания здесь максимальную пользу. Нет никаких признаков корабля и, насколько я вижу, ни единого шанса на его появление. Когда закончится сезон дождей, я собираюсь пойти на юг вдоль предгорий. Я думал, что вы пойдете с нами, но если вы женитесь здесь, нам придется идти без вас.

Мистер Инс покашлял. Я мог сказать по его кашлю, что он уже никогда не пойдет ни на какой юг вдоль предгорий этого мира — чахотка далеко зашла, хотя он и не подозревал об этом.

— Ну, — говорит Бен, — насчет этого я ничего не знаю, сэр. Это же не обычная свадьба со священником, видите ли, и я не знаю, насколько обязывает такой брак.

— Вы не должны смотреть на это в подобном свете, Бен, — говорит мистер Инс — он всегда был немного религиозен. — Если церемония совершается в соответствии с обычаями людей, с которыми вы живете, вы обязаны соблюдать контракт.

— Ну, — говорит Бен, озадаченно почесывая голову, — я полагаю, если это так, то я худший мормон в Южных морях. Что ж, семь бед — один ответ: одной больше или меньше, не имеет значения.

На следующее утро, конечно же, Бен женился, и я расскажу вам, как это происходило. Не было никакой церемонии, о которой можно было бы говорить. Бен и скво стояли лицом друг к другу, и один из стариков — как я узнал позже, он был чем-то вроде верховного жреца — взял и поджарил банан, дал один конец Бену, а другой — скво, а затем сломал его пополам посерединке, и каждый из них съел свой кусок, и после этого их считали женатыми, точно их обвенчал любой священник в мире. И вам, джентльмены, не стоит думать, что те дикари были менее добродетельны, чем белые люди. Совсем наоборот. У каждого была только од-

на жена, и никаких разводов они не знали. Каждая пара жила в своей хижине, а снаружи в песке играли их негры-тята. Как я уже говорил, мы потерпели крушение двадцать третьего октября, а Бен Бакстер женился третьего декабря.

— Но, капитан, — вставил я, несколько утомившись от этой бессвязной истории и видя, как В. с трудом подавил зевок, — какое отношение брак Бена Бакстера имеет к чудовищу, о котором вы хотели нам рассказать?

-- Самое прямое, -- оживленно ответил капитан. — Не будь свадьбы Бена Бакстера, сейчас по папуанским болотам не рыскал бы никакой огромный зверь.

Это замечание положило конец моим возражениям относительно уместности рассказа. Смутно предполагая, что капитан к чему-то ведет и что все эти подробности были необходимы для понимания его истории, я решил терпеливо ждать.

-- Видите ли, -- продолжал капитан, -- скво, на которой Бен женился, была дочерью вождя, и благодаря этому браку Бен стал популярен, как никогда. Дикари считали его чем-то вроде бога. Должен вам сказать, что у них не было идеи высшего существа, и они не поклонялись ничему, что не могли увидеть, а Бену Бакстеру поклонялись, видя его прямо перед глазами. Ближе к середине декабря жители деревни начали делать большие приготовления к какому-то празднику. Все тащили припасы, готовили еду, заново красились, и из других деревень собралась целая шайка дикарей, человек восемьсот или тысяча. Все суетились, били в барабаны и металлические тарелки, и мы ждали, что будет дальше. К тому времени Бен поселился со своей женой в другой хижине, а мы с мистером Инсом остались вдвоем. Его кашель становился все хуже и хуже, и пятнадцатого декабря (дни мы отмечали зарубками на дереве) он умер. Мы с Беном Бакстером вырыли могилу и завернули его в циновки из кокосового волокна, а все дикари стояли вокруг и смотрели. Когда мы засыпали его песком, Бен Бакстер заплакал, и тогда все эти дикари начали реветь, как младенцы. Клянусь, вы никогда в жизни не слышали такого воя. Перед смертью мистер Инс отдал Бену Бакстеру свою булавку для галсту-

ка и кольцо, а мне часы и бумажник, потому что, как он сказал, у него не осталось в мире никаких родственников. Вот кое-какие его записи о месте, где мы оказались после крушения; вы, джентльмены, поймете их лучше, чем я.

С этими словами капитан вручил нам лист бумаги, очень мелко исписанный карандашом; некоторые слова стерлись от времени и ветхости.

В. взял рукопись, надел очки и, внимательно изучив ее минуту или две, прочел вслух следующее:

23 октября 1865 года. Бктина «Мэри Честер», капитан Уильям Эйрс; из Веллингтон в Сингапур, уголь; затонули у мыса Родни; вся команда погибла, кроме меня самого, Бакстера, боцмана, и Себрайта, матроса. 24 октября. — Пристали к берегу; туземцы добры и безобидны; сделал квадрант; координаты по имеющейся широте и приблизительно известной долготе — 7" 30' южной широты, 145" 30' восточной долготы, что дает северное побережье бухты залива Папуа... (здесь рукопись становится нечитаемой) ...своеобразные геологические формации; выходы на поверхность слоев юрского периода; меловые скалы, лейас и нижний оолит; голубоватые и сероватые слоистые глины; утесы с характерной полосчатостью; песчанистые мергели и глинистые известняки; кое-где железистые пласты... хвойные породы, араукарии; многочисленные саговники, *pterophyllum* и *crossozamia*; также эндогенные растения; *ximia Spiralis* (австралийский ананас)... как растительноядные, так и плотоядные одностворчатые моллюски, блюдечки и букцинумы; морские звезды, морские лилии, губки, кораллы... на суше залежи юрских окаменелостей; целые холмы костей гигантских динозавроподобных рептилий; особенно много костей ихтиозавров и игуанодонов; бедренные кости последних 11 на... футов... современная растительность и геологическое строение такие же, как в юрский период; самый замечательный регион; достоин научного исследования... 3 декабря. — Сегодня Бакстер женился на туземке; попробуем добраться

до мыса Родни, когда закончится сезон дождей; сильный кашель, очень слаб...»

— Я больше ничего не могу извлечь из этой рукописи, — сказал В. — Остальное либо стерто, либо размыто. Однако прочитанное убеждает меня в том, что автор тщательно отметил естественные особенности края, где он оказался, и что эти особенности в значительной степени отражают ситуацию юрского периода. Странно, — продолжал размышлять он, — что подобная область неизвестна научному миру. Она вполне оправдала бы проверку правительственной комиссией. Странно также, что она находится в единственном регионе, который является в большей степени *terra incognita*, чем даже внутренние районы Африки или Антарктиды. Мы знаем, что среди животного и растительного мира Австралии имеются многочисленные живые представители мезозоя, такие как араукарии, панданусы и некоторые виды моллюсков; это приводит нас к выводу, что остров Папуа, находящийся в той же части Земли, но в более тропическом регионе, может обладать такими же или даже более ярко выраженными зоологическими характеристиками. Должен признаться, что несколько обрывочные заметки, которые я только что прочитал, пробудили во мне новый интерес к рассказу капитана Себрайта. С его позволения я с большим удовольствием представлю их на рассмотрение Академии наук на нашем следующем заседании. Прошу вас, продолжайте, капитан Себрайт. Я весь в ожидании развязки вашей истории.

Втайне я был доволен таким поворотом дела. Моя репутация легковверного человека, вытекающая из этого визита, должна была существенно пошатнуться в свете мнения такого бесспорного научного авторитета, как В.

— Кажется, джентльмены, я остановился на том, как мы закопали мистера Инса в песок, — заговорил капитан. — Это было пятнадцатого декабря, в тот же день, когда он умер, так как тело не могло оставаться непохороненным в этом жарком климате. Приготовления туземцев, о которых я вам говорил, продолжались до двадцать первого декаб-

ря, а это, как вы знаете, самый длинный день в году к югу от экватора. Утром того дня я понял, что должно произойти нечто необычное, и на всякий случай держал глаза открытыми: говорю вам, этим дикарям нельзя доверять, когда они начинают праздновать, даже если в обычное время они довольно разумны. Примерно через час после восхода солнца главный жрец выходит из своей хижины, у которой вся толпа черных стояла и выла, и била в барабаны и всякие штуки, и вроде как говорит им речь и выстраивает их в перцессию. Впереди идут двенадцать или пятнадцать молодых девушек, и весь отряд начинает маршировать к большой роще кокосовых пальм, апельсиновых и железных деревьев примерно в четверти мили от деревни. Должен вам сказать, что мне, Бену Бакстеру и мистеру Инсу было очень любопытно узнать, что находится внутри этой рощи, потому как ее день и ночь охраняли вооруженные часовые, но охранники нас туда не пускали; а когда Бен Бакстер попытался однажды войти, они остановили его силой, и он страшно удивился и решил, что ему нечего там делать. После этого мы часто гадали и рассуждали о том, что за тайна прячется в этой роще; но, насколько мы могли видеть, ни один из дикарей не входил в нее, даже стража. Так вот, джентльмены, когда перцессия двинулась к роще, Бен стоит рядом со мной и говорит:

— Джим, — говорит он, — я собираюсь пойти за этими неграми. Я вижу, там в роще что-то будет происходить, и будь я проклят, если не узнаю, что это.

А я говорю:

— Не делай этого, Бен. Раз они не хотят, не нужно идти против них. Из этого не выйдет ничего хорошего.

Но Бен не стал меня слушать, а присоединился к перцессии, идя под руку со своей женой, а я, не желая оставаться в полном одиночестве, побрел за другими, но оставался поодаль. Когда мы подходим к роще, верховный жрец — это был старик, раскрашенный под дьявола — зовет много больших, сильных негров, и они гонят шедших впереди молодых девушек прямо в рощу. И прежде, чем они очутились среди деревьев, девушки завизжали, и закричали, и упали

на колени, и заплакали так, что сердце готово было разбиться; но эти негры стали толкать и подгонять их своими дубинками и наконечниками копий, а остальная толпа подняла вой и била в барабаны, так что казалось, будто весь ад разверзся.

Ну, джентльмены, мне не нравилось, конечно, что там творилось такое, но что я мог поделать? Если бы я решил что-нибудь сделать, меня тут же превратили бы в фарш. Через минуту или две они загнали всех девушек в рощу и множество дикарей стало перед ней на страже. Мы больше ничего не видели, но визг и вопли все не прекращались. Где-то через четверть часа крики утихли, а через пару минут вышел священник и дикари, и я увидел кровь на их руках и ногах, как будто они резали овец. Затем все вернулись в деревню, кроме охранников, которые остались у рощи, и стали пировать, петь и танцевать. Так продолжалось до утра. Я не хотел присоединяться к ним после того, что видел, и просто лежал в своей хижине, раздумывая, как бы вырваться оттуда и покинуть проклятое место. Тут в хижину приходит Бен Бакстер и говорит:

— Джим, — говорит он, — мы с тобой понимаем, что они убили всех тех молодых девушек, которых сегодня загнали в рощу. Не быть мне Беном Бакстером, если я не выясню, что прячется в этой роще; и если это какой-нибудь идол, а я думаю, что это так, я собираюсь разбить чертову штуку и положить этому конец.

— Что ж, Бен, — говорю я, потому как вижу, что он настроен решительно и возражать ему бесполезно, — будь осторожен и не рискуй больше надобности. Но если ты считаешь, что должен идти, я с тобой. Погибнем или нет — все лучше, чем сидеть в этой адской дыре.

Итак, когда стемнело и все дикари пировали и пели, мы с Беном тихонько выскользнули из хижины и направились к роще. Должен сказать вам, что эта роща занимала четыре акра земли, а с северной стороны ее прикрывал самый занятный утес. Он был около двухсот футов высотой, а его вершина наклонялась над рощей, так что солнце никогда, даже в самый ясный день, не проникало к деревьям под

ним. Мы с Беном вроде как обошли рощу кругом, скрываясь от охранников, а потом прокрались к деревьям вдоль подножия утеса. Думаю, эти охранники решили, что нет смысла торчать на холоде, когда в деревне так весело. В общем, мы с Беном проникли туда без всякого шума и очутились под прикрытием деревьев. Ну, мы поползли по траве, пока не достигли полянки посередине — примерно с четверть акра, насколько я мог судить. В центре ее был песчаный холм высотой около двадцати футов. На востоке возшел полумесяц, и мы подошли к кургану, и что, по-вашему, мы увидели? Провалиться мне на этом месте, если там не лежали мертвые тела всех этих девушек, которых загнали в рощу в то утро. Глотки у них были перерезаны, и они лежали повсюду вокруг насыпи и на самом холме, и песок был красным от крови бедняжек. Штук пять или шесть ленивых стервятников взмахнули крыльями и взлетели над деревьями, когда мы приблизились; боясь, что нас обнаружат, мы сразу же отскочили под деревья и стали ждать.

— Джим, — говорит через некоторое время Бен, — в этом кургане прячется какая-то тайна. Сходи-ка ты в хижину и принеси лопаты из железного дерева. Я собираюсь узнать, что там лежит.

Так что я очень осторожно выползаю из рощи, беру лопаты и несу их обратно Бену. Затем мы оба берем по лопате и идем к кургану. И пока мы идем, песок вроде как хрустит под ногами, и Бен нагибается, осматривает его и выкапывает лопатой ямку.

— Джим, — грустно говорит он, — чтоб мне помереть, если это место не сложено из человеческих костей. Сам посмотри, я ж не ослеп.

Я тоже посмотрел вниз, копнул и не нашел ничего, только кости, маленькие и большие. Судя по размеру поляны и глубине слоя костей — а мы, сколько ни копали, не могли добраться до дна — в этой роще убили тысячи и тысячи людей. И я говорю Бену:

— Бен, — говорю я, — этого достаточно, чтобы заставить человека содрогнуться, когда он подумает, сколько несчастных бедолаг были зарезаны здесь и превратились в кости.

— Да, это так, — говорит Бен. — Давай поторопимся, не то дикари схватят нас и устроят нам ад.

И вот мы пошли к кургану, и сперва убрали мертвые тела двенадцати молодых девушек; мы положили их одно рядом с другим, вроде как в порядке, а затем мы взяли лопаты и начали сгребать песок с насыпи, начиная с одной стороны у основания. Это была довольно тяжелая работа, потому как песок был больше похож на глину. Он был темный, тусклый и был насквозь пропитан кровью. Ну, ковыряемся мы минут десять и углубляемся фута на три-четыре, и тут я слышу, как что-то гремит, будто железо, и Бен говорит:

— Джим, — говорит он, — я наткнулся на что-то твердое.

Он снова тычет лопатой в песок и говорит:

— Да, что бы это ни было, оно очень твердое.

А потом я подхожу со своей лопатой, и мне кажется, что я наткнулся на какой-то кусок гутти-перки, потому как лопата отскочила от той штуки, а она немного расшаталась.

Тогда Бен говорит:

— Эта чертова штука большая. Давай копать сверху и убирать песок, пока до нее не доберемся.

Итак, мы оба взбираемся на вершину кургана и начинаем копать, как хорошие ребята. Через полчаса работы мы прокопали около шести футов песка, и наши лопаты снова ударились о твердое.

— Это верхушка, — говорит Бен, — а внизу, я думаю, дыра. Я отчищу с этой штуки все до последней песчинки, пусть это займет хоть месяц. Я должен узнать, что это такое.

Мы оба снова начали усердно копать, не говоря ни слова. Должно быть, мы работали очень тихо, потому что часовые так ничего и не услышали, хотя находились от нас не более чем в ста ярдах. Судя по луне, мы начали работу примерно в час, а закончили около пяти, когда на востоке уже начинало светать. И как вы думаете, что это было? Что ж, джентльмены, ничего забавнее я в жизни не видывал. Выглядело оно как круглый шар шириной футов двенадцать или четырнадцать, весь желто-коричневый и сморщенный, как шкуры нозрогов в Африке. Мы потыкали шар

лопатами, но нигде не осталось ни следа, такой он был толстый и твердый.

— Ну, — говорит Бен, вытирая лоб, — посмотрим. Интересно, что скажут дикари, когда узнают, что мы сделали. Красивенькому же богу они приносят в жертву девушек.

И он еще раз ударил ту штуку лопатой, да так сильно, что звук был слышен по всей роще, а в следующую минуту около пятидесяти дикарей прибежали со своими дубинами и копьями и подняли такой шум, какого вы в жизни не слышали.

Часть II

Как вылупился игуанодон

— Ну, когда они увидели, что мы сделали, и большой круглый шар, стоявший там, где раньше была куча песка, они застыли как ошеломленные, глядя друг на друга и на нас с Беном, а мы стояли там вроде как спокойно, опираясь на лопаты. Понятно было, что они не знали, как поступить, и они никогда не видели ничего подобного той штуке, так что мы просто ждали. Через несколько минут приходит верховный жрец с кучей негров из деревни, и все они начинают болтать на своем языке, указывая на меня, на Бена и на большой шар. Вскоре верховный жрец отходит в сторону, а они, продолжая бормотать, повернулись, и жрец сделал знак, и дикари взяли нас в круг и выглядели вроде как угрожающе. Тогда Бен говорит мне:

— Джим, эти черные задумали неладное, но первого же, кто нападет на меня, я порядком угощу, чтобы он раньше меня провалился в ад.

И он крепко сжал лопату из железного дерева, и я понял, что он не шутил.

— Хорошо, — говорю я, — думаю, заберем нескольких с собой, раз уж нам выпало умереть.

И в эту минуту жена Бена выбежала из-за деревьев, прорвалась через круг, встала рядом с Беном и начала болтать как сумасшедшая. Я не понял, что она говорила, но Бен все понял и рассказал мне позже, так что я передам вам суть. Правила этого места заключались в том, что дикарям под страхом смерти запрещалось входить в ту рощу, и главный жрец сказал, что мы должны умереть. Когда жена Бена прибежала и увидела, что случилось, она сказала Бену, что у него есть единственный шанс — нужно сделать то, что не сумеет сделать жрец. Бен грустно посмотрел на меня и сказал:

— Чем мне их поразить? Что, черт возьми, я могу сделать, Джим, что эти дикари не могут сделать сами? Жрец говорит, что эта штука — бог, и если я бог, я должен это доказать.

Понимаете, у этих дикарей еще засела где-то мысль, что Бен не был обычным человеком. Тогда я подумал и говорю:

— Что ты сделал с банкой дегтя, которая лежала в лодке, когда мы потерпели крушение?

— Полагаю, она еще там лежит, — отвечает Бен.

— Подожди, пока я не принесу ее, — говорю я.

Итак, после долгого спора они разрешили мне покинуть рощу. С полдюжины дикарей отправились со мной, чтобы проверить, не собираюсь ли я бежать. На берегу я нашел на дне лодки банку с дегтем; я взял ее и после нарвал охапку мангровых корней, что растут в воде, и когда набрал достаточно, пошел обратно в рощу, а дикари со мной. По дороге в рощу я потихоньку от дикарей мажу четыре мокрых корня дегтем; правда, дикари в любом случае не знали, что такое деготь. Когда мы возвращаемся, я даю корни Бену и говорю ему, что делать. Затем тихо жду, а Бен протягивает жрецу влажные мангровые корни — те, что без дегтя — и спрашивает, может ли тот их сжечь, а в то же время говорит, что свои сожжет без труда.

Я видел, что это застало жреца врасплох, потому как, держу пари, он был хотя и дикарем, но не дураком. Но он сделал хорошую мину и послал нескольких негров в деревню

за факелами. Они возвращаются с факелами и разводят на песке большой костер, а жрец берет мокрые мангровые корни и делает над ними пассы, бормочет и молится так же прилежно, как любой настоящий священник, которого я когда-либо видел, а затем берет из костра самую большую пылающую головню, и самый маленький корень мангрового дерева, какой он смог найти, и держит его пламени; но корень только шипит и брызгает, а он все держит его в пламени, но корень ничуть не загорается. Наконец, он отбрасывает головню, а негры, стоящие вокруг, мрачно смотрят, как бы говоря: «Что ты пытаешься сделать, старик? Разве ты мало прожил на свете и не знаешь, что мокрые мангровые корни не горят?» И старому жрецу вроде как стало стыдно перед людьми за то, что он не смог поджечь корень. Тогда Бен выходит вперед, улыбаясь, со своими смазанными дегтем корнями, и кланяется всей компании, и берет один из корней и подносит его к огню, как жрец. Конечно же, смола загорелась и вспыхнула, как трут. Готов поспорить, эти дикари сразу же поняли, кто сильнее, и все они опустились на колени и ударились лбами в песок перед Беном, и жрец тоже опустился на колени, подполз к Бену и поцеловал ему пальцы ног.

— Теперь, — говорит мне Бен, — мы подчинили себе дикарей, и я собираюсь покончить с этим божественным делом прямо сейчас.

Затем он кричит на их языке и приказывает им всем встать. И они встают на ноги, и вся шайка стоит, скрестив руки на груди, как мумии. Он посылает некоторых из них в деревню за веревками — эти дикари плели очень прочные канаты из кокосового волокна. И пока они отсутствовали, Бен говорит мне:

— Думаю, проще всего будет прекратить убийства, если мы уберем шар из рожи и срубим деревья.

— Ну, Бен, — говорю я, — ты теперь главный бог, и я думаю, тебе лучше так и сделать.

Итак, когда дикари вернулись с веревками, Бен заставил всю толпу ломать и рубить деревья своими топорами из железного дерева. Это была довольно тяжелая работа,

так как деревья были старыми, с толстыми стволами, но вскоре получилась достаточно широкая расчищенная дорожка. Я заметил одну вещь, джентльмены, а именно то, что в полдень шар оказался на самом краю тени от утеса; вы помните, что это был самый длинный день в году, и солнце находилось на самой южной точке от экватора; было легко увидеть, что солнечный свет никогда так долго не освещал шар, пока он лежал там. Я в тот момент не задумался об этом абсаятельстве, и только потом, когда увидел, что случилось, понял, что это объясняло тайну.

В общем, когда наступила ночь, Бен Бакстер и дикари покинули рощу и отправились спать в хижины, но многие из них остались в роще около этого шара, я полагаю, по привычке. На следующее утро мы все возвращаемся в рощу, и мы с Беном скручиваем много веревок в трехрядный трос, потому как не знаем, насколько тяжела чертова штука, и не хотим порвать веревки; делаем на конце петлю и набрасываем на шар, оставляя около сотни футов каната свободными. Затем мы берем с пятьдесят самых сильных дикарей и расставляем их по всей веревке, и Бен приказывает им тянуть. Тут верховный жрец и множество седых стариков падают на колени перед Беном, стоящим прямо перед шаром, и начинают говорить на своем языке. Тогда я их не понял, а после слышал, что они молились и умоляли Бена не двигать шар, потому как с ними могло случиться что-то ужасное. Они сказали, что никто не знает, как долго он там лежал, но в одном углу рощи была насыпь из гальки, и каждый год, когда молодых девушек приносили в жертву, главный жрец клал на холм еще один камешек. Прежде всего, мы с Беном пошли посмотреть на грудку гальки, которая представляла собой что-то вроде пирамиды около десяти футов высотой. Насколько я мог сосчитать, в ней было не меньше миллиона камешков.

— Так значит, — говорит Бен, увидев эту грудку гальки, — этот шар должен был лежать там за тысячи лет до Адама и Евы, иначе наш верховный жрец — самый отъявленный лжец, которого я когда-либо видел. Я думаю, вчера в эту кучу был брошен последний камешек, и шар сейчас рас-

прощается с рощей, или меня зовут не Бен Бакстер.

Итак, мы возвращаемся к шару, и Бен отталкивает жреца и стариков с дороги и дает команду тянуть. Но треклятая штука прочно засела в песке, а потом вдруг перевернулась, когда мы с Беном и еще около двадцати дикарей подтолкнули ее сзади. Конечно, канат соскользнул.

— Знаешь, Бен, — говорю я, — эту чертову штуку будет легче катить, чем тащить.

Итак, мы все встаем за шаром и начинаем катить его, как большой снежный ком, пока не выкатываем его из рощи прямо на открытую равнину перед деревней. И хотя эта штука была около четырнадцати футов в диаметре, она весила не менее пяти тонн.

Затем Бен говорит мне:

— Джим, я думаю, мы уже уладили это дело, но идею нужно поддерживать, и я собираюсь показать этим неграм разницу между настоящим живым богом и большим роговым шаром. Принеси, пожалуйста, тот табурет, который я смастерил, когда мы только поселились здесь.

Я принес табурет из хижины, а Бен вытащил складной нож и вырезал ступеньки в боку шара, чтобы взобраться на него: недостойно будет, сказал он, если бог станет карабкаться по гладкому боку шара, цепляясь зубами и ногтями. Когда он оказался наверху, я бросил ему табурет, он проделал четыре отверстия для ножек, вытер со лба пот и уселся. И когда дикари увидели, как Бен сидит на шаре — том самом шаре, который так долго пролежал под песком в роще, где его никто не видел, но все считали богом — они стали вопить, и кричать, и устроили самый невероятный барабанный бой. Затем они построили для Бена большую хижину из четырех слоев кокосовой циновки, вдвое больше любой другой хижины, и стали приносить ему лучшие фрукты и прочую еду, так что он мог целыми днями ничего не делать. И главный жрец пресмыкался перед ним, потому что все помнили, как он не смог поджечь мангровые корни, и он видел, что бесполезно противиться народному мнению. Каждое утро и вечер, в самое прохладное время дня, Бен забирался на шар, садился на табуретку и закури-

вал трубку — на острове росла трава, похожая на табак — и судил дикарей, если случалась драка или кража, и назначал виновным пятьдесят или сто ударов бамбуковой палкой.

Что ж, джентльмены, в следующие пять-шесть месяцев все шло по-старому, и ни один корабль не показывался вдали. Мы начали привыкать к такой жизни, и я понемногу научился совершенно свободно говорить на языке дикарей, и наконец, сам женился на довольно милой молодой девушке, в общем и целом. Шар мы выкатили из рощи двадцать второго декабря; там, как я уже сказал, солнце никогда не освещало его, поскольку он лежал в тени утеса; но после того, как мы установили его на открытом месте, солнце, конечно, освещало его весь день. Спускаясь сверху вечером, Бен говорил мне:

— Джим, ни один человек не смог бы подняться на этот шар посреди дня. Рог, или из чего он там сделан, разогревается до красна и жжется, как раскаленное железо.

И это было правдой, я сам чувствовал жар от шара.

Ну, наступил июль или август, там это зимний сезон, хотя солнце стоит почти так же высоко на севере; я не помню точную дату, но можете не сомневаться — все остальное помню ясно, как если бы это случилось вчера. Было очень душно и безветренно, и я весь день не выходил из хижины из-за жары. На закате я, как обычно, вышел прогуляться и увидел, что Бен с трубкой в зубах направился к шару, как у него было заведено. Он взобрался наверх по ступеням, прорезанным в боку, и уселся. Дикари стояли вокруг и разговаривали с Беном, как с судьей в зале суда. Я гулял, курил и не особо следил за тем, что происходит, так как видел одно и то же каждый вечер в течение нескольких месяцев. Вдруг я услышал, как один из дикарей закричал, оглянулся и увидел, что шар стал двигаться и качаться в разные стороны. Бен Бакстер сидел наверху с трубкой в зубах, бледный, как полотно, и глаза у него начали закатываться, а все тело вроде как окаменело. Меня самого парализовало, и я не мог пошевелиться, как и дикари. Думаю, шар дергался еще секунд пять, хотя в тот момент они показались месяцем, и все стояли и смотрели на него, не в силах ни говорить, ни

двигаться от удивления. Затем одна сторона треснула и распахнулась настежь, и оттуда выглянула голова, и это была самая ужасная голова, которую я когда-либо видел или думал увидеть. Он была плоской, как у ящерицы, фута четыре в длину. Два больших глаза величиной с суповые тарелки торчали примерно на полфута из лба, а на конце носа был бивень длиной около фута. Секунду спустя я услышал треск, и шар или скорлупа лопнул надвое, и на песок ступил огромный зверь. Его темно-коричневое тело было около двенадцати футов в длину и покрыто чешуей, как у крокодила. Передние ноги были короткими, а задние большими и сильными, и у него имелось по три острых когтя на каждой ступне. И у него был хвост, как у ящерицы, около десяти футов длиной, который извивался и скручивался при ходьбе. Когда шар лопнул, табурет, на котором сидел Бен Бакстер, упал вниз, и Бен упал вместе с ним и ударил зверя по затылку. Бен перевернулся и лежал на земле, как мертвый. А между тем, все дикари, что были в хижинах, выскочили, когда услышали громкий крик, и теперь смотрели, застыв неподвижно. Большой зверь постоял секунды три, огляделся кругом и, кажется, не мог сообразить, как ему поступить, а потом двинулся прочь, направляясь прямо к болотам и грязевым отмелям. Там все было покрыто саговыми и кокосовыми пальмами, и прочими зарослями, и всевозможными деревьями и кустами. Зверь прошел над телом Бена, но не заметил его, и мне показалось, что он был вроде как ошеломлен и испуган. И как только он двинулся, всех эти дикари до последнего ужасно завопили от страха и помчались в лес, а потом все они, мужчины, женщины и дети, скрылись из виду, и я остался наедине с Беном Бакстером и шаром. Не стану говорить, что я не испугался, но я видел, как зверь ушел, и понимал, что в ближайшее время мне ничто не грозит. Я подошел к Бену Бакстеру, нагнулся и перевернул его на спину — он лежал лицом вниз. После я попытался привести его в чувство, но был мертв, как камень. На его теле не было ни царапины, так как зверь, я это хорошо видел, не наступил на него ногой, иначе он был

бы раздавлен в лепешку. Так что я пришел к выводу, что Бен просто испугался до смерти.

Прошло три дня, прежде чем дикари вернулись в деревню, но и тогда они ходили повсюду очень медленно и осторожно. Вот и все, господа, что я могу вам рассказать.

— И вы когда-нибудь снова видели этого монстра? — спросил я.

— Сотни и сотни раз, — ответил капитан Себрайт. — После этого я прожил с дикарями девять лет, пока шхуна из Австралии случайно не подошла к заливу за мускатным орехом и специями, и я уплыл на ней.

— Каковы были свойства монстра? — спросил В. — Он когда-нибудь нападал на поселение или каким-либо образом досаждал людям?

— Я никогда не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь пострадал от него. Он держался в болотах и джунглях и никогда не беспокоил жителей деревни. В нем было двенадцать футов в длину, когда он вылупился из этого шара, или яйца, или как его еще назвать, а в последний раз, когда я его видел, он был около шестидесяти футов в длину и продирался сквозь большие лесные деревья, точно они были травой.

— И вы никогда не сообщали публике факты по делу — я имею в виду, вы никогда раньше не рассказывали эту историю, как сейчас рассказали ее нам? — помолчав, спросил я.

— Да, конечно, — улыбнулся капитан, — много-много раз. Но как вы думаете, поверили ли хоть одному моему слову? Нет и нет. Некоторые улыбались и принимали умный вид, будто хотели сказать: «Нас-то нечего кормить вашими байками», а другие злились и называли меня старым дураком; думаю, джентльмены, вы где-то посередине.

— Вам не нужна сейчас эта бумага, капитан Себрайт? — спросил В., беря со стола рукопись мистера Инса. — Если нет, я хотел бы одолжить ее в научных целях.

— Берите, сэр. Вернете, когда сможете, — ответил моряк, и мы без дальнейших разговоров надели шляпы, попрощались и ушли.

Мы дошли до квартиры В., и он расположился в мягком кресле.

— Это был самый необычный рассказ, — заметил он. — Мой разум отказывается в него поверить, и тем не менее, внутренняя логика рассказа его подтверждает. Будь эта история рассказана человеком умным и образованным, я отнесся бы к ней с большим подозрением; но кажется едва ли возможным, что этот невежественный моряк сумел бы так упорядочить факты и привести их в полное соответствие с реальной картиной того, что случилось бы, существуй предмет его рассказа на самом деле. Составленное вторым помощником описание геологических характеристик местности также показывает, что физические условия вполне подходили для рождения чудесного животного. Но идея яйца, зарытого в песок и дошедшего до нас из мезозоя...

— Пережившего сотни тысяч лет, — перебил я.

— И сохранившего все свои соки...

— И не созревшего задолго до этого из-за одной лишь недостаточной теплоты атмосферы...

— Нет, это нелепо!

В. подошел к книжному шкафу и взял с полки книгу.

— И все же, — осмелился заметить я, — жизненная сила природных зародышей почти бесконечна. Уничтожение видов — титаническая задача. По крайней мере, человеку это никогда не удавалось, и тем не менее он находится в вечной войне со всеми. Зерна, веками пролежавшие в засыпанных вулканическим пеплом подземельях Помпеи и в египетских пирамидах, прорастают с той же жизненной силой и энергией, что и зерна прошлогоднего урожая пшеницы; и можно ли сказать, что в определенных условиях яйцо животного не могло бы неопределенно долго сохранять жизненную силу? Можете ли вы утверждать, что такой случай физически невозможен?

— Нет, — задумчиво заметил В., — я не имею на это права. Здесь, — продолжал он, открывая том, — представлено

изображение того, как выглядел игуанодон, этот чудовищный динозавр мезозоя. Он реконструирован по нескольким костным фрагментам, найденным в глинах Уэлдена и в других родственных формациях. Давайте посмотрим, что говорится в сопроводительной статье и насколько это совпадает с рассказом капитана Себрайта.

В. стал перелистывать страницы, пока не нашел нужное место.

— Чудовище, — сказал он, — могло быть телеозавром, некоторые виды которого, как сообщает нам книга, имели длину до тридцати трех футов, три из которых были заняты головой животного. Челюсти, хорошо закрепленные за ушами, открывались на ширину шести футов, и своей похожей на пещеру пастью зверь был способен поглотить животное размером с быка. Или, возможно, мегалозавром, имевшим от тридцати восьми до сорока футов в длину, что полностью и наглядно описано в замечательном Бриджвотерском трактате доктора Бакленда. Однако Кьюве, исходя из размеров коракоидного отростка (отростка лопатки), предполагает, что *Megalosaurus Bucklandi* мог иметь около семидесяти футов в длину. Но ни у одного из этих животных не было на морде рога, и оба были плотоядными — два факта, которые расходятся с описанием капитана Себрайта. А, вот он — игуанодон. «Крупнее мегалозавра был игуанодон (или «игуанозубый»), который, как показывают наши исследования, должен быть объявлен самым гигантским из первобытных ящеров. Профессор Оуэн расходится с доктором Мантеллом в оценке длины животного, которая, согласно последнему, составляет от пятидесяти до шестидесяти футов. Сравнительные размеры костей игуанодона показывают, что он передвигался на высоких ногах, причем задние конечности были намного длиннее передних, а ступни короткие и массивные. Форма и расположение ног свидетельствуют, что это было наземное животное, а зубы доказывают, что оно было травоядным. На морде игуанодона имелся рог. Почти идеальный скелет был обнаружен Мантеллом в Тилгейтском лесу».

— Похоже, — заметил я, — что наши ученые существенно расходятся в своих оценках размеров этих животных. Вспомним старое изречение: «Кому решать, когда дотора расходятся во мнениях?» Капитан Себрайт и капитан австралийской шхуны (как писалось в «Брисбейн курьер») видели чудовище, и оба оценили его длину в восемьдесят футов. Я полагаю, что их свидетельства заслуживают не меньшего уважения, чем выводы пусть даже выдающихся авторитетов, сделанные на основе простого исследования костей.

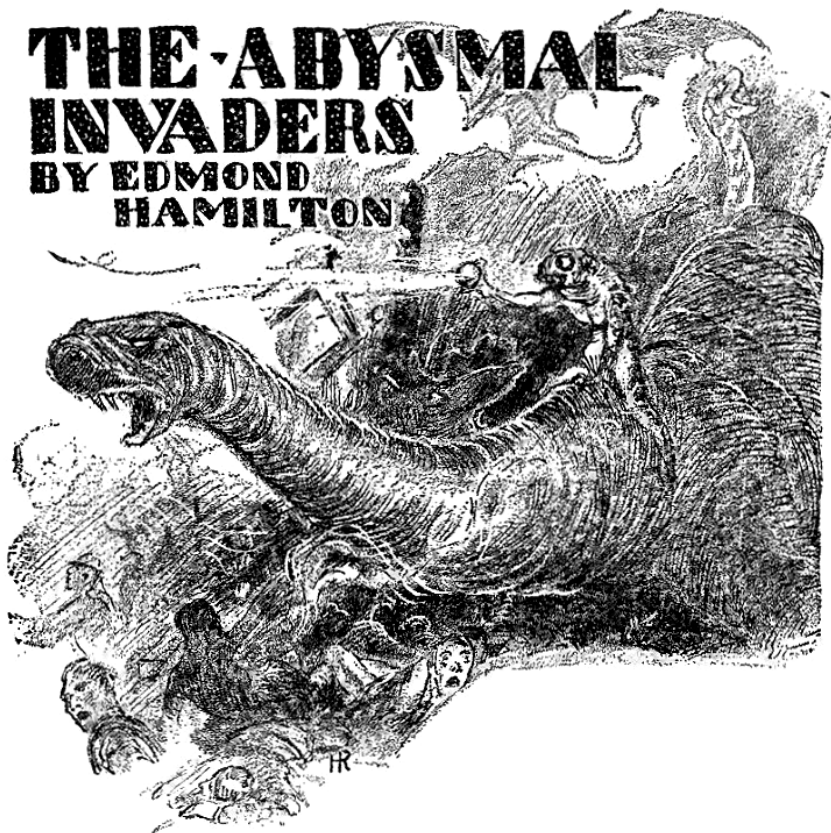
— Что ж, — задумчиво ответил В., — люди, не имеющие отношения к науке, а также не обученные точно оценивать размеры по отношению к расстояниям, более склонны ошибаться в сторону преувеличения, чем преуменьшения. Утверждение группы моряков о размере любого увиденного ими объекта не имело бы большого значения для формирования моего мнения. Но что *действительно* имеет значение, так это свидетельство капитана Себрайта о размерах яйца. Если мы принимаем указанный капитаном диаметр яйца — четырнадцать футов — мы необходимо должны принять и размер носителя яйца — от восьмидесяти до ста футов. *Ex pede Herculem* — размер яйца соответствует размеру животного. Свидетельство капитана безупречно, но не подтверждено. Самая существенная причина верить ему заключается во внутренней логике истории, подкрепленной убедительностью рассказчика. Тем временем я изложу факты перед Академией наук и буду ждать дальнейших отчетов в австралийских газетах.

Эдмонд Гамильтон

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

THE ABYSSAL INVADERS

BY EDMOND
HAMILTON

1

Большую часть этой истории, без сомнения, мы никогда не узнаем. Многое, касающееся ошеломляющего, смертоносного вторжения, обрушившегося на ничего не подозревающий мир, навсегда останется скрытым за темной завесой тайны, которая прячет от нас действия неизвестных сил. Теории, предположения, догадки — только с их помощью мы можем заполнить пробелы в наших знаниях, а они в данном случае бесполезны. В любом рассказе об этих событиях было бы предпочтительней полностью игнорировать их и ограничиться лишь известными фактами. И такой фактический рассказ неизбежно начнется с исчезновения док-

тора Мортонa и сенсационных обстоятельств, связанных с этим исчезновением.

Причину сенсации понять достаточно легко, поскольку доктор Мортон — доктор Уолтер Мортон — считался в то время самым выдающимся палеонтологом в мире. Проработав с десяток лет в замечательном музее Норткота в Чикаго, он достиг за эти годы вершин в избранной им области науки. Именно он нашел в пещере в Кентукки первый совершенный экземпляр ихтиорниса, редчайшей из мезозойских птиц; он полностью опроверг теорию эволюции динозавров своим блестящим сравнением характеристик зауроподов и птицетазовых; он был тем, кто обнаружил богатые залежи окаменелостей в Соленом ущелье Монтаны, раскопав там превосходные скелеты аллозавра и стегозавра, которые сделали собрание музея Норткота непревзойденным.

Такие достижения принесли бы славу любому, а в случае Мортонa слава эта подкреплялась еще и тем, что основную часть своей работы он выполнял в одиночку. Действительно, разведку он обычно проводил самостоятельно, прибегая к посторонней помощи только при раскопках найденного. В начале мая, опять-таки в полном одиночестве, он отправился в темный лабиринт болота Саттерс на поиски следов доисторической животной жизни, которые, по его мнению, могли там существовать.

Болото Саттерс занимало площадь примерно в дюжину квадратных миль и располагалось в сельской местности Иллинойса, в нескольких десятках миль к юго-западу от Чикаго и в нескольких милях к востоку от современного городка Бринтон. Странно было видеть по соседству с оживленным городком такое царство почти невероятного запустения, огромное, покрытое лесом переплетение вялых ручьев и стоячих озер. Лежащее в вечных сумерках под пологом увитых ползучими растениями деревьев, оно представляло собой смешение зеленой воды, коварных зыбучих песков, упавших стволов и рассыпанных кое-где кочек. Большинству ученых, несомненно, болото показалось бы недостаточно перспективным для палеонтологического исследования, так как в

этом районе никогда не обнаруживались доисторические окаменелости. Мортон, однако, просто заявил в своей спокойной манере, что намерен провести разведку болота — и отбыл без дальнейших объяснений.

Приехав в Бринтон совершенно один, он поселился в отеле и сразу же погрузился в работу. Каждое утро на рассвете он отправлялся на огромное болото в грубом твидовом костюме и сапогах до колен, вооруженный длинным и тонким стальным шупом. Жителям Бринтона он, должно быть, казался загадочной фигурой, так как они всегда избегали болота, но через несколько дней люди привыкли к доктору и больше не обращали внимания на его передвижения. И вдруг, через неделю после его прибытия, разразилась сенсация: Мортон исчез.

В тот день доктор, как обычно, вышел на рассвете, и один фермер, направлявшийся в Бринтон, мельком видел, как он приближался к западному краю болота. В течение этого дня о нем больше ничего не было слышно, но у Мортонна была привычка задерживаться на болоте до темноты, так что вечером никто не стал о нем беспокоиться. Только на следующее утро некоторые бринтонские знакомые доктора осознали, что он отсутствует уже сутки, и начали обсуждать его исчезновение между собой.

Их сомнения и тревога возросли до такой степени, что незадолго до полудня двое из них отправились на болото в надежде найти какие-нибудь следы Мортонна. Прошло несколько часов, прежде чем они вернулись, а вернувшись, они принесли с собой историю, которая распространилась по городу, как пламя, и заставила провода между Бринтоном и Чикаго гудеть от сообщений, летящих в редакции крупнейших газет.

Эти двое, по их словам, оставили свою машину на краю болота и углубились в трясину более чем на милю. Они не нашли никаких следов пропавшего ученого, но внезапно наткнулись на некоторые вещи, столь же необъяснимые, как отсутствие Мортонна. Это были огромные полосы разрушения, проложенные какой-то силой через поросшее лесом болото, широкие тропы, деревья на которых были повале-

ны и раздавлены, как будто по ним прошло какое-то гигантское существо или существа. На кочках и участках твердой земли они обнаружили странные большие следы, которые не могли быть оставлены никаким мыслимым живым существом, но иначе никак не могли быть объяснены. Гигантские и пятипалые, следы эти глубоко уходили в мягкую землю, размером же были в целый квадратный ярд. Везде, где поваленные деревья отмечали просеки, также обнаружились колоссальные следы. По-видимому, они вели внутрь, к центру болота. Двое мужчин некоторое время оторопело смотрели на них, а затем, не решаясь углубляться дальше в мрачные дебри болота, поспешили вернуться в Бринтон со своей историей.

За считанные минуты эта история облетела весь городок, а через несколько часов ее выкрикивали мальчишки-газетчики на улицах Чикаго. Исчезновение такого известного ученого, как Мортон, и само по себе было бы поразительным, но в сочетании с таинственными явлениями на болоте стало сенсацией. К вечеру более десятка репортеров и фотографов прибыли в Бринтон в поисках дальнейших подробностей. С ними в качестве представителя музея Норткота приехал молодой Эдвард Роуэн, главный ассистент Мортон.

В тот вечер Роуэн и репортеры застали маленький городок в состоянии смятения. Единственной темой оживленных разговоров был феномен болота. Как они узнали, жители решили организовать поисковую партию, которая должна была на следующее утро прочесать болото из конца в конец в надежде найти пропавшего ученого. Молодой Роуэн немедленно вызвался добровольцем и был принят.

И все-таки для жителей Бринтона исчезновение ученого было чем-то почти второстепенным по сравнению со странными следами и тропинками, обнаруженными на болоте. Исчезновение Мортон, если на то пошло, могло быть вызвано тем, что он угодил в зыбучие пески, но никакими природными силами нельзя было объяснить полосы поваленных деревьев и гигантские следы. Ни одно животное Земли не способно было бы оставить эти следы и тропы, но

в таком случае, откуда они взялись? Может быть, это был всего лишь розыгрыш, чья-то мистификация?

Ярко освещенные улицы города до поздней ночи являли необычное зрелище. Горожане толпились, порой горячо спорили, иногда обменивались шутками по поводу болота с проходящими мимо друзьями. И в самом деле, большинство воспринимало эту историю скорее как чью-то тщательно продуманную шалость, чем что-либо другое, но в пестрой толпе также ощущался невысказанный восторг, некая странная гордость. Что бы ни стояло за этим, случившееся, по крайней мере, принесло Бринтону славу. Сенсационное известие побежит по проводам на севере, юге, востоке и западе. Утром об этом прочитает вся страна. Утром также обыщут болото и все прояснится. Утром...

Так звучали речи и мысли тех, кто был на улицах в ту ночь. И нам кажется странным, что люди на улицах Бринтона могли в ту ночь так говорить и так думать. Действительно, кажется невероятным, что никто из них не подозревал, какой темный ужас из давно умерших эпох уже тогда стоял за их маленькой тайной, какая могучая, непреодолимая, колоссальная угроза готова была обрушиться сквозь ночь на маленький городок огромной лавиной разрушения и смерти.

2

Рассказ молодого Роуэна дает наиболее ясную картину пришествия ужаса в Бринтон. Есть и другие свидетельства, ибо, хотя выживших в том ужасе было немного, большинство из них изложили пережитое на бумаге; однако по большей части их рассказы слишком жутки и бессвязны, чтобы представлять собой какую-либо реальную ценность. Роуэн, с другой стороны, не только видел происходившее не хуже или лучше других, но и ярко описал свои впечатления.

Его рассказ начинается с уже описанных событий: исчезновения доктора Мортонна и его собственного приезда в

Бринтон. В Бринтоне он оказался вечером и, договорившись сопровождать поисковый отряд на болото следующим утром, вышел на улицы, которые все еще были заполнены толпами гуляющих, обсуждающими сенсацию дня. Владельцы магазинов воспользовались непривычным скоплением народа, и витрины вдоль улиц заманчиво сверкали, в то время как несколько охрипших мальчишек-газетчиков продавали последние выпуски ежедневной чикагской газеты, где были опубликованы сенсационные новости. С час или больше Роуэн прогуливался по улицам, а затем, позевывая, начал пробираться обратно к своему отелю сквозь редющую толпу. Он как раз подошел к двери и вдруг остановился.

Откуда-то издалека, с восточного конца улицы, донесся внезапный пронзительный крик, ужасающий вопль, который был повторен вдалеке десятком голосов, а затем сменился глухим ревом. Роуэн отступил на улицу, оглядывая ее вдоль и поперек в сиянии подвесных фонарей. Несколько групп людей на тротуаре также остановились и стали смотреть вместе с ним в ту сторону, откуда донеслись крики.

Через мгновение он увидел скопище фигур, бегущих к нему вверх по длинной улице, небольшую смятенную толпу, издававшую смесь хриплых криков и визга. Толпа на секунду расступилась, и сквозь нее с ревом пронесся переполненный автомобиль, с огромной скоростью промчавшийся по улице мимо изумленного Роуэна и тех, кто его окружал. И теперь он одновременно услышал дикий звон колоколов на юге и далекий грохот, слабо доносившийся с востока. С каждым мгновением шум вокруг него усиливался, весь город пробуждался, и в окнах со всех сторон вспыхивали огни.

К тому времени люди вокруг заразились паникой и тоже поспешили прочь, на запад. Роуэн продолжал стоять на месте, пока первые спасавшиеся с восточной стороны не набежали на него. Тогда он протянул руку и выхватил из толпы одного из них, потрепанного мужчину средних лет с искаженным паникой лицом.

— В чем дело? — воскликнул он, стараясь, чтобы его слышали сквозь оглушительный, нарастающий шум. — Что

происходит?

Человек, которого он держал, проорал что-то неразборчивое ему на ухо и в то же время отчаянно вырвался из его хватки, торопясь дальше. В нескольких сотнях футов вниз по улице основная часть толпы теперь мчалась к Роуэну, и за этой толпой он увидел в ярком свете уличных фонарей причину панического бегства.

Издалека к нему с грохотом приближалось гигантское существо, в которое его глаза отказывались верить, титаническое, темное создание, чья чудовищная, громоподобная поступь сотрясала саму землю. Колоссальная темная туша в сотню футов в длину и треть того же в высоту опиралась на четыре массивных ноги и сужалась сзади к огромному хвосту, неся перед собой длинную гибкую шею, которая заканчивалась маленькой головой рептилии. Высоко на могучей изогнутой спине огромного существа сидело какое-то создание поменьше, которое он смог лишь смутно разглядеть. Дальше по улице громыхало еще с полдюжины таких же чудовищ, огромных, невероятных, и все они неслись на безумно вопящую толпу, убегающую от них. На один безумный миг перед глазами Роуэна все закружилось. Он устался на чудовище, а затем громко закричал.

— Бронтозавры! — вопил он, совершенно не сознавая, что и сам находится в опасности.

Бронтозавры! Монстры времен рассвета Земли, с грохотом разгуливающие по городу двадцатого века! Могучие динозавры мезозойской эры, самые ужасные создания, когда-либо появлявшиеся на этой планете, преодолели разрыв в миллионы лет и прорвались в мирный городок! Роуэн засмыкнулся, пока они с грохотом неслись к нему, услышал могучий, гортанный рев, когда они настигли убегающую толпу, а затем увидел, как они начали топтать эту толпу, словно быки муравьев, давя людей гигантскими ногами, уничтожая их взмахами огромных хвостов, грохоча и обрушиваясь на бегущих.

Теперь они были в нескольких ярдах от него, и он обнаружил, что, шатаясь, отступает с улицы в щель между двумя зданиями. В следующее мгновение огромные монстры

с грохотом пронеслись мимо, их гигантская поступь сотрясала землю под ним, и в этот момент он ясно увидел существ, которые сидели на их спинах. Они были маленькими и походили на людей, но также и на ящериц, их тела были покрыты зеленой чешуей, конечности вооружены острыми когтями; головы толстые, конические и лишенные черт, за исключением больших, темных, похожих на диски глаз и широких клыкастых ртов. И когда они с грохотом проносились мимо на своих исполинских скакунах, он увидел, как одно из существ подняло руку с зажатым в ней белым шаром; из шара вырвался луч бледного и слабого света и ударил в здания справа и слева, и те вспыхнули сплошными массами пламени, когда бледный луч коснулся их.

Огромные существа пролетели мимо Роуэна, и с дальнего конца улицы донеслись их ревущие вопли, пронизанные резкими, полными агонии криками крошечных бегущих человеческих фигурок. Пламя вокруг рвалось вверх мощными гудящими завесами, а за ними он увидел одного из колоссальных бронтозавров, вставшего на дыбы у стены здания, увидел, как стены этого здания рушатся под весом огромного зверя. Справа и слева по всему городу раздавались другие мощные удары, слышен был непрерывный громоподобный шум, низкий и ужасный рев динозавров, крушивших город, крики их жертв, растоптанных гигантскими ногами, шипение мерцающих балок, гул горящего пламени. Ниже по улице слышался топот других огромных бронтозавров, мчавшихся вверх и мимо укрытия Роуэна, гигантским галопом устремляясь в атаку.

За ними появилась единственная темная, величественная тень, почти такая же огромная рептилия, чьи титанические лапы сверкали могучими когтями, а широко раскрытая пасть обнажала огромные клыки. Она подавалась вперед быстрыми гигантскими прыжками, как какая-то колоссальная жаба, ее маленькие глаза сверкали в свете пламени горящих зданий. Через мгновение она мощными прыжками пронеслась мимо Роуэна, и он мельком увидел, как дальше по улице она набросилась на несколько уцелевших маленьких фигурок, которые с криками бежали в поисках

укрытия, невообразимо быстрая и похожая на кошку в своих неудержимых движениях. Увидев это, Роуэн почувствовал, что разум покидает его.

— Боже! — прошептал он. — Тираннозавр!

Он скорчился там, на краю улицы, здания вокруг него превратились в бурю ревущего пламени, в то время как вдоль этой огненной полосы в город с грохотом врывались с востока существа давно умершей эпохи, могучие звери юности Земли, вымершие миллионы лет назад. Роуэн впоследствии так и не смог вспомнить все, что он видел и слышал в те минуты. Другие бронтозавры с ревом проносились мимо с ящероподобными существами на спине, чьи бледные лучи метались и жалили, описывая громадные круги огненного разрушения; тираннозавры скользили быстрыми и могучими прыжками, вытаскивая жертв из-под обломков на обочинах улицы, раздирая их когтями и кружась, как гигантские кошки; другие колоссальные рептилии с могучими, изогнутыми спинами, бронированными большими торчащими пластинами, гремели на бегу, как гигантские тараны из плоти и костей, врезались в здания и проходили сквозь стены, будто сквозь бумагу — то были огромные стегозавры, которые с громаханием мчались за другими ящерами, разносящими уничтожение и смерть по всему городу; затем мимо проскакали громадные, напоминавшие носорогов трицератопсы: не ведая преград, они неслись вперед с опущенными головами, насаживая всех попадавшихся по пути на три своих ужасных рога.

Все это Роуэн видел смутно, как будто с большого расстояния, в то время как в его ушах пульсировал оглушительный рев уничтожаемого города, крики, вопли, шипение и громкое взрыкивание, гудение пламени и грохот падающих стен. Огромная волна разрушения, масса атакующих монстров, пронеслась мимо и теперь катилась по городу на запад, но Роуэн все еще был не в силах пошевелиться. Затем позади него раздался нарастающий рев быстро разгорающегося пламени: стены, между которыми он прятался, начали гореть, и к нему потянулись маленькие язычки красного огня. Тогда Роуэн наконец поднялся на ноги и, пошатываясь,

вышел на улицу.

Уличные фонари исчезли, когда столбы упали и кабели оборвались под натиском огромных динозавров, но все вокруг было ярко освещено светом пылающих зданий. На севере, юге и западе город горел, громадные языки сумрачного пламени с ревом вставали в десятках мест, и при свете этих далеких пожаров Роуэн мельком увидел множество исполинских темных фигур, которые все еще крушили улицы и стены, заметил игру багровых лучей и слышал тоненькие крики тех, кто все еще спасался от могучих, ревущих динозавров. Мгновение он неподвижно стоял в центре улицы, а затем над ним раздалось шелестение и хлопанье колоссальных крыльев, и он поднял глаза и увидел громадную темную форму, стремительно пикирующую на него.

В одно мгновение он охватил взглядом это существо, со-рокафутовый размах его огромных крыльев, похожих на крылья летучей мыши, огромную голову рептилии, наклоненную к нему, сверкающие белые клыки и красные глаза, горящие в свете пламени, и так же мгновенно узнал в нем птеродактиля, летающего монстра мертвых эпох. На нем восседало одно из чешуйчатых, темноглазых ящероподобных созданий; оно поднимало в руке белый шар, пока его ручной дракон пикировал вниз к Роуэну.

В следующий миг Роуэн резко отскочил в сторону. Огромный птеродактиль пронесся над ним на высоте нескольких футов; луч бледного света, мерцая, упал с поднятого существом шара и ударил в землю рядом с Роуэном, задев и опалив его плечо и расколов тротуар своим яростным жаром. Гигантская тварь пролетела мимо и, хлопая крыльями, направилась на запад; позади и выше нее летели другие такие же могучие воздушные рептилии, управляемые похожими на ящериц существами; птеродактили то и дело ныряли вниз, и бледные лучи сеяли огонь и смерть.

Внезапно Роуэн понял, что бежит по улице на восток, ошеломленный и ослепший от ужаса, между рядами пылающих зданий, по раздавленным человеческим останкам. Он пробежал вдоль всей улицы, миновал последние здания и безумно, бесцельно понесся все дальше и дальше в ночь. Рев

пламени и оглушительный грохот позади него постепенно стихали, но он не оглядывался назад, а слепо мчался сквозь темноту, плача и заламывая руки, спотыкаясь и шатаясь.

3

Роуэн не смог бы сказать, сколько времени прошло, прежде чем туман ужаса, застилавший его мозг, наконец рассеялся, как долго он, спотыкаясь, вслепую брел сквозь ночь. В конце концов он вновь начал воспринимать окружающее и обнаружил, что стоит по колено в воде и грязи в густом лесу, чьи темные деревья образовывали над ним огромный купол сплетенной листвы. У подножия их тянулось заболоченное пространство с мелкими водоемами и податливым песком. Далеко позади в небе слабо мерцал красноватый отблеск, видимый сквозь просветы в листве над головой, и когда глаза Роуэна уловили этот багровый отблеск, внезапное воспоминание всплыло в его пораженном сознании.

— Боже! — прошептал он. И снова, одно-единственное слово: — Боже!

Несколько минут он простоял, не обращая ни на что внимания. Его мысли были заняты жуткой и немыслимой атакой, что обрушилась вечером на Бринтон, ужасными динозаврами и их странными всадниками, налетевшими на город. Откуда взялись эти гигантские чудовища-рептилии, подобных которым Земля не видела сотни миллионов лет? И кем были те ящероподобные существа, которые ехали на них верхом и направляли их, разнося по всему городу огненную смерть своими бледными лучами?

Мысли Роуэна внезапно обратились к его собственному бедственному положению, и он быстро осмотрелся. Густой лес, грязь и стоячая вода, запах гниющей растительности — он тут же понял, где находится.

— Болото! — прошептал он. — Я бежал из города на вос-

ток, и это...

На мгновение он помедлил, оглядываясь на багровый свет в небе позади, затем повернулся и двинулся вперед. Его ноги с плеском погружались в застоявшиеся, покрытых пеной лужи, а в какую-то минуту под ним оказался предательский песок, но он в панике высвободился и стал дальше карабкаться по поваленным деревьям, через гребни и насыпи твердой земли, сквозь густые заросли колючей травы и шиповника. Несколько минут он пролежал на кочке, тяжело дыша и глядя сквозь переплетенные ветви вверх, туда, где сияющие, неизменные созвездия безмятежно поблескивали на небе. После он поднялся и продолжил путь, сознавая только желание очутиться как можно дальше от ада смертельного ужаса, в который превратился Бринтон.

Внезапно он вышел из чащи на широкую просеку или тропу, прорубленную в этом лесу какой-то огромной силой; деревья и кустарники были здесь повалены и раздавлены в щепки. Роуэн с удивлением ступил на эту широкую полосу разрушений и увидел, что она тянется на восток и запад, очевидно, пересекая болото. Затем в его сознании всплыло воспоминание о тех огромных тропах и поваленных деревьях, которые люди, искавшие Мортон, обнаружили у края болота. Неужели это...

Не успел он задуматься об этом, как с востока вдруг донесся глухой топот. Земля под ним задрожала, раскаты грома быстро приближались. Охваченный страхом, он отпрянул в заросли на краю широкой тропы, и в следующий миг на востоке вдоль появилась могучая фигура, несущаяся к нему по тропе и смутно видимая в свете звезд. Это был бронтозавр; одно из ящероподобных существ восседало у него на спине у основания огромной шеи. Зверь с грохотом промчался по тропе на запад гигантскими, сотрясающими землю шагами.

За ним последовал другой, и еще, и еще, пока громахание их мощной поступи не затихло на западе, когда все четыре бронтозавра галопом поскакали к Бринтону. Роуэн уставился им вслед. Внезапная мысль овладела им, и он снова выбрался из укрытия и решительно двинулся на восток,

в глубь болота, следуя по большой тропе динозавров.

Он обнаружил, что тропа была хорошо утоптанной и ровной и, похоже, вела прямо на восток, в самое сердце болота. Пробираясь вперед, он начал различать далеко впереди белое сияние, которое слабо просачивалось сквозь ряды близко стоящих деревьев. Роуэн продолжал подкрадываться к нему, а затем, когда сияние начало усиливаться, сошел с тропы и снова скользнул в укрытие леса, все более осторожно продвигаясь вперед по гниющей, застоявшейся жиже между деревьями к источнику бледного света.

До его слуха донесся непрерывный глухой рев, после свистящий, пронзительный звук, который напоминал сильные порывы ветра и становился все громче по мере его приближения. Сквозь деревья Роуэн увидел широкое открытое пространство, освещенное белым сиянием, и, опустившись на колени, бесшумно пополз дальше. Наконец он достиг самого края прогалины и залег, скорчившись в слизи за толстым стволом и напряженно вглядываясь вперед.

Перед ним лежал большой плоский холм из твердой земли, возвышавшийся на несколько футов над илистой поверхностью болота. Холм был приблизительно квадратной формы и имел не менее тысячи футов в поперечнике. Он был совершенно голым и безлесным: вся растительность, по-видимому, была с него удалена; этот курган освещался единственным шаром, высоко подвешенным на тонком металлическом стержне и испускавшим сверкающий белый свет. В центре широкой плоской поверхности зияла огромная яма, занимавшая половину площади кургана, громадная круглая шахта диаметром в несколько сотен футов. Ее гладкие стенки поблескивали, как будто были облицованы сталью. Со своего места Роуэн мог видеть только круглое устье колоссальной шахты и несколько футов ее уходящих вниз стенок; он понял, однако, что именно из этой могучей ямы с ревом вырывался непрекращающийся поток воздуха. Затем его внимание переключилось с огромной ямы на существ, стоявших у ее края.

На дальнем краю огромной шахты из земли поднималась странная конструкция из блестящего металла. Три ко-

лонки поддерживали пластину с рядами блестящих тумблеров и одним большим циферблатом или колесом. Рядом с этой конструкцией стояла кучка невероятных, похожих на ящериц темноглазых существ, покрытых зеленой чешуей, которых Роуэн мельком видел во время нападения на Бринтон. Они стояли по другую сторону громадной шахты, и одно или двое из них смотрели вниз, в темноту.

И теперь, перекрывая яростный вой ветра из ямы, до Роуэна в его укрытии донесся другой звук, слабый, низкий рев, который быстро становился более громким. Он увидел, как люди-ящерицы на краю ямы зашевелились, посмотрели вниз, а затем из глубин гигантской шахты внезапно поднялась огромная круглая металлическая платформа, мощная, похожая на диск четырехсот футов в поперечнике; она почти заполнила устье огромной ямы и была отделена от ее краев крошечным круглым зазором в ярд или меньше. Колоссальная платформа все медленнее и медленнее выплывала из темных глубин шахты, и Роуэн увидел, что на ней стоят два гигантских ревущих бронтозавра и еще около полдюжины людей-ящеров. Огромный диск со своей громадной ношей плавно поднялся до уровня краев шахты, и весь этот непредставимый вес повис над бездной. С мгновение он висел там, и в этот момент ящеролюди быстро вышли на насыпь, гоня перед собой двух бронтозавров. Пустая платформа задержалась еще на секунду, а затем начала плавно опускаться вниз, быстро набирая скорость и исчезая из виду в темных глубинах гигантской шахты.

Роуэн ахнул. Из каких неведомых глубин появилась эта могучая платформа с колоссальными бронтозаврами, движущаяся вверх и вниз по гигантской шахте? Ящеролюди садились теперь в любопытные седлообразные сиденья, прикрепленные к бокам громадных зверей. Роуэн услышал, как они издали скрежещущие звуки, после чего два динозавра послушно двинулись с холма на широкую протоптанную тропу, которая вела через болото на запад, в сторону Бринтона. Мгновение спустя два огромных зверя и их всадники с грохотом пронеслись по тропе и исчезли, в то время как на холме остались только трое ящеролюдей, разговаривав-

ших между собой низкими, скрипучими голосами.

Роуэн наблюдал за ними еще несколько минут, а затем один из них снова указал вниз, в шахту, и через мгновение наверх снова всплыла огромная дисковая платформа, но на сей раз пустая. Она плавно поднялась к краю устья шахты, недвижно зависла там и после вновь скрылась из виду. Роуэн понял, что движение платформы, очевидно, совершалось автоматически. Затем все его внимание сосредоточилось на трех ящеролюдях, которые направились к широкой тропе, ведущей на запад от кургана.

Один из них, как ему показалось, указал на запад, где в небе все еще дрожали красные отблески света горящего Бринтона. Вскоре все трое исчезли на тропинке, очевидно, в поисках лучшего места для обзора. Сквозь вой ветра из ямы до Роуэна доносились издалека их резкие, похожие на шипение голоса. Несколько минут он выжидал, глядя на опустевший холм, а затем быстро выбрался из своего укрытия и бесшумно поднялся по кургану к краю огромной ямы. Здесь он напряженно наклонился вперед, глядя вниз.

Ветер оглушительно ревел и с безумной яростью налетал на него, вырываясь из темных глубин шахты. Роуэн ничего не мог разглядеть: шахту заполняла насыщенная и безжизненная чернота, лишенная малейшей искры света. Однако по мере того, как проходили секунды и его глаза все больше привыкали к темноте, он скорее почувствовал, чем увидел дрожание света далеко внизу, колеблющийся, мерцающий огонек, который загорелся всего на мгновение и исчез. Снизу что-то начало быстро подниматься к нему, чуть поблескивая в белом свете, льющемся сверху. Платформа!

Внезапно за спиной Роуэна послышался резкий шорох. Он быстро обернулся и замер. На западном краю кургана стоял один из чешуйчатых ящеролюдей. Его глаза, в которых не было ничего человеческого, глядели на Роуэна. С тропы доносился пронзительный скрип голосов двух других, но первый молчал, уставившись прямо на него. Затем, невероятно быстрым движением, он прыгнул вперед.

Роуэн вскрикнул и почувствовал, как его схватили и швырнули на землю мощные когтистые лапы. Противни-

ки закружились у края ямы в яростной схватке. Роуэн услышал хриплый крик схватившего его существа, услышал и крики двух других, которые бросились на помощь. Две борющиеся фигуры оказались теперь на самом краю огромной шахты, перекатываясь и извиваясь, и краем глаза Роуэн заметил, как из глубин этой шахты поднялась и неподвижно замерла у устья рядом с ним могучая платформа.

Шатаясь, он поднялся на ноги; враг все еще держал его, и он отчаянно отбивался кулаками. Двое других ящеролюдей взбежали на холм и ринулись в битву. Роуэн отчаянно задержался, чувствуя, как вместе с существом зашатался на краю пропасти, а затем они, все еще извиваясь и нанося друг другу удары, упали на огромный диск, который на мгновение завис на краю ямы рядом с ними, и этот диск все быстрее понес их сцепившиеся в смертельной схватке тела в темноту гигантской шахты, в бушующий оглушительный ветер, вниз, вниз, вниз...

4

Роуэн не знал, как долго продолжалась его схватка с ящерообразным врагом. Извиваясь, вертясь, нанося удары, они перекатывались по огромному диску. Чувствуя, как его сопротивление начало ослабевать под натиском мощных мышц существа, Роуэн вложил всю свою энергию в последнее усилие. Вцепившись в чешуйчатый корпус существа левой рукой, он обхватил его коническую голову правой и со всей силы откинул ее назад. Последовал миг напряженного усилия, неистовое биение существа в его хватке, а затем приглушенный треск, как от ломающихся костей. Существо обмякло и замерло. Роуэн, тяжело дыша, приподнялся на коленях.

Вокруг него ревели оглушительные потоки восходящего и нисходящего ветра, а в нескольких футах от него гладкая металлическая стена огромной шахты с невероятной скоростью уходила вверх. С высоты на него падал бледный

свет, маленький круг белого сияния, который быстро сжимался, уменьшаясь по мере того, как диск падал вниз. Через мгновение он превратился в искорку света, а затем полностью исчез. Теперь Роуэна окружала только тьма — тьма и оглушительный рев бушующих ветров.

Он подполз к краю огромного диска и глянул вниз через низкий защитный поручень, напрягая зрение в темноте. Было ясно видно, что внизу действительно мерцал свет, как он и заметил сверху, и это крошечное пятно дрожащего красного света с приближением диска быстро становилось ярче и росло в размерах. Сжавшись на краю огромной спускающейся платформы, Роуэн смотрел вниз, а сильный ветер отбрасывал назад его волосы и силился сбросить его самого с несущегося диска. Освещенное пятно быстро расширялось, пока не покрыло всю шахту далеко внизу малиновым, дрожащим сиянием.

В этот момент Роуэну показалось, что летящая вниз дисковая платформа немного замедлила свою огромную скорость. Он подумал, что блестящие стены вокруг поднимаются уже не так быстро, и едва эта мысль пришла ему в голову, огромный диск вылетел из темноты шахты в сияние зловещего малинового света, в гигантское, похожее на каверну пространство, которое в ту минуту показалось ему безграничным.

Над ним сомкнулся изогнутый скальный свод, в котором зиял черный круг — отверстие шахты, откуда сейчас плавно спускался диск. На целую милю ниже лежал пол могучей пещеры, простиравшейся на многие мили во все стороны, колоссальный подземный мир, освещенный багровым, колеблющимся сиянием. Ошеломленные глаза Роуэна разглядели вдалеке титанические отвесные скалы из серого камня, образовывавшие стены огромной пещеры, простиравшиеся от пола до каменного свода. Его глаза скользнули по ним и остановились на ослепительном источнике багрового света, заливавшего весь этот пещерный мир.

В серой стене справа от него, на расстоянии нескольких миль, виднелось большое, похожее на расщелину отверстие под сводом, через которое изливался могучий поток пы-

лающего жидкого огня, колоссальная Ниагара расплавленного пламени, чье багровое, пылающее сияние отбрасывало дрожащий отблеск, зловеще освещавший всю огромную пещеру. На протяжении тысяч футов огромный поток бушующего пламени низвергался вниз, стекая у основания утеса в канал из серого камня, который нес эту реку живого пламени в центральный каменный бассейн того же диаметра, что и большая шахта наверху; круглое огненное озеро располагалось прямо под отверстием шахты и плавно опускающимся диском. По берегам его стояли какие-то странные, тупоносые машины.

А за ним и вокруг него, на фундаменте громадной пещеры, простирались массы огромных зданий, серых, могучих и древних на вид, которые напоминали гигантские серые кубы и громоздились друг на друге аккуратными геометрическими формами. Их квадратные массы были прорезаны широкими улицами, и по этим улицам передвигались огромные толпы больших и меньших существ — могучие динозавры и ящеролюди. Далеко в стороне у стен высились массивные здания, и над ними тут и там парили гигантские птеродактили с ящероподобными наездниками на спинах; другие перелетали с места на место на своих огромных хлопающих крыльях.

Роуэн, остолбенев, ошеломленно уставился на эту картину, скорчившись на краю диска, а затем внезапно почувствовал яростный и нарастающий жар. Увидев, что диск падает прямо к огненному озеру внизу, он со страхом отшатнулся от края.

Вниз, вниз — теперь огромный диск опускался все медленнее, пока наконец не завис неподвижно всего в пятидесяти футах над поверхностью расплавленного огненного озера; диск висел теперь на одном уровне с полом пещеры и краями каменной чаши, служившей озеру ложем.

Всего мгновение он парил там, и в это мгновение Роуэн успел увидеть, что на краю чаши диск поджидало с полдюжины ящеролюдей. Они заметили его, скорчившегося на краю диска, и двое из них молниеносно прыгнули на платформу, протянув к пришельцу белые шары. Роуэн отшат-

нулся, ожидая удара теплового луча, но вместо этого кто-то схватил его за плечо и рывком стащил с платформы на край бассейна как раз в тот момент, когда огромный диск начал подниматься. В зловещем свете Роуэн увидел, как он снова плавно поплыл вверх к черному круглому отверстию шахты в скальном своде и быстро исчез из виду внутри нее, устремляясь вверх в своем бесконечном автоматическом движении.

Один из похитителей внезапно дернул его за руку, он обернулся, и существо указало на гигантские серые здания, в то же время подталкивая его вперед. Роуэн медленно направился к зданиям. По бокам от него шли двое ящеролов-дей со смертоносными белыми шарами наготове.

Покинув просторную каменную площадь с огненным озером, они вошли в одну из широких улиц, прорезавших массы городских строений. Шагая по этой улице в сопровождении двух охранников, Роуэн почти забыл о собственных бедах: настолько интересна была открывшаяся перед его глазами панорама, меняющееся зрелище созданий вре-мен юности мира, завораживающее взор палеонтолога.

По улицам текли массы ящероловдей, несущих инструменты или оружие; они спешили куда-то на когтистых ла-пах или ехали верхом на огромных бронтозаврах, которые величественно шагали по центру улицы, в то время как толпы пешеходов занимали обочины. Тут и там можно бы-ло видеть и других динозавров, почти таких же огромных, с грузами или всадниками на спинах. Эти звери-рептилии служили расе ящериц. Тираннозавры пробегали своей бы-строй, подпрыгивающей походкой; самые свирепые и ужас-ные из всех динозавров, они, как и все остальные, остава-лись слугами зеленых чешуйчатых ящероловдей. Были там и аллозавры, похожие на уменьшенные копии великих ти-раннозавров; стегозавры в могучих доспехах и трицератоп-сы с громадными рогами, и над всем шелестели крылья ог-ромных птеродактилей.

Пока они шли дальше по улице, почти не привлекая вни-мания спешащих ящероподобных существ, Роуэн отметил про себя, что двери массивных серых зданий, выходящие

на улицу, были огромных размеров, от сорока до пятидесяти футов в высоту; время от времени он видел, как через один из этих открытых дверных проемов входил или выходил гигантский динозавр, подчиняясь приказам ящероподобного хозяина. Неожиданно охранники заставили его свернуть в одно из зданий, и он оказался в колоссальном коридоре с серой крышей, высотой около пятидесяти футов и почти такой же ширины.

Тут и там в этом огромном и длинном коридоре виднелись открытые двери, и охранники резко втокнули Роуэна в одно из помещений. Здесь за металлическим блоком, очень похожим на стол без ножек, сидели еще три ящероподобных создания.

Охранники Роуэна заговорили с ними своими резкими голосами. Последовало мгновение тишины, а затем резкое приказание одного из троих. Роуэна немедленно вывели из комнаты и повели по коридору к двери поменьше, запертой на засов. Похитители повозились и отперли засов, затем открыли дверь, опустив ее в щель в полу, и жестом пригласили Роуэна войти внутрь, не сводя с него белых шаров.

В отчаянии он шагнул внутрь, дверь скользнула вверх и закрылась за ним, и через мгновение снаружи с лязгом задвинулся засов. Роуэн медленно повернулся и застыл, как вкопанный. С другого конца комнаты на него смотрела одинокая фигура, и когда его глаза разглядели этого человека, у него вырвался крик:

— Мортон!

5

Мгновение другой смотрел на него, не говоря ни слова. Эта изможденная, небритая фигура совершенно не походила на аккуратного маленького ученого, которого помнил Роуэн. Затем Мортон пересек комнату, протягивая к нему руки.

— Роуэн! — хрипло воскликнул он. — Боже милостивый, ты здесь, Роуэн!

Его черты мгновенно исказились в тревоге.

— Они выступили, Роуэн? — спросил он. — Эти твари — эти существа — они начали свою атаку?

— Да, — сказал ассистент. — Несколько часов назад они напали на Бринтон. Я приехал... когда вы исчезли там, на болоте.

Он поспешно рассказал о нападении на Бринтон, о своем собственном безумном бегстве в болото, спуске в шахту и пленении. Мортон молчал, его лицо превратилось в маску. Наконец, он заговорил — точнее, зашептал:

— Они начали. Напали на Бринтон — и теперь атакуют всю землю. И я, который мог бы предупредить, оказался в плену...

— Они схватили вас на болоте? — быстро спросил Роуэн. Ученый кивнул.

— Они забрали меня оттуда, не дав ни единого шанса сбежать. И заперли здесь...

Вы знаете, Роуэн, почему я отправился в Бринтон, на болото. До нас, если помните, доходили слухи о больших костях и скелетах, покоящихся в иле. За неделю исследований я обнаружил, что слухи были правдивы, так как в разных местах по краям болота я находил большие фрагменты костей, которые могли принадлежать только динозаврам. Затем, через неделю после того, как я начал свои поиски, произошло вот что.

Я работал со своим щупом примерно в миле от края болота, когда внезапно раздался отдаленный треск деревьев, и я увидел гигантскую тушу грифельного цвета, катящуюся через лес ко мне. Не успел я оправиться от изумления, как на меня набросился огромный бронтозавр, на котором сидел один из ящероловцов. Гигантский динозавр мезозойской эры в болоте современного Иллинойса! Не успел я прийти в себя, как из-за него выступил другой, и в одно мгновение я оказался пленником ящерообразных существ. Они связали меня по рукам и ногам, снова сели на огромных бронтозавров и повезли меня к холму в центре болота, в котором

зияло отверстие гигантской шахты. Вверх и вниз по шахте бесконечно движется огромная дисковая платформа, и на ней они спустили меня в этот пещерный мир, в этот серый город и в это здание. Здесь, для начала, меня допросили трое из них, занимавшие, как мне показалось, ответственные должности.

В течение нескольких часов эти трое допрашивали меня, разговаривая со мной своими скрипучими голосами и пытаясь разъяснить мне элементарные слова-звуки их странного языка. Я обнаружил, что этот язык является фонетическим, но с помощью жестов и рисунков мы смогли достичь приблизительного обмена идеями. Отчасти благодаря их собственным вопросам, отчасти благодаря тому, что я увидел в большой пещере снаружи, я пришел к пониманию того, кем и чем были эти загадочные существа и откуда они произошли.

Я узнал, что их история восходит к эпохе, умершей сотни миллионов лет назад. Они — представители мезозойской эры, того периода истории Земли, который мы называем эпохой рептилий. В то время расы млекопитающих едва начали возникать, а расы больших и меньших рептилий и ящеров были правителями всей земли. И точно так же, как человек, существо с доминирующим интеллектом, развиваясь позднее из рас млекопитающих, эти ящеролюди, обладавшие господствующим интеллектом своего времени, развились из рас рептилий. Они в огромном количестве расселились по территории нынешней Северной Африки, являвшейся наиболее пригодной для жизни частью Земли в мезозойскую эпоху. Они построили странные города, бесконечно усовершенствовали свои знания и науку и научились побеждать и покорять великих рептилоидных созданий, кишевших тогда на земле. Рептилии стали их слугами. Огромные бронтозавры, более послушные, чем остальные, использовались в качестве верховых и вьючных животных; более свирепые тираннозавры и аллозавры были их боевыми машинами; верхом на могучих птеродактилях они взмывали в воздух и летали над поверхностью земли. Поистине велика была их сила, и благодаря этой силе и своим слу-

гам-великанам они стали бесспорными властелинами всех пригодных для жизни районов Земли.

Наконец, однако, произошло великое сотрясение Земли, ознаменовавшее конец мезозойской эры, тот огромный мировой катаклизм, в результате которого континенты погрузились под воду, а новые земли поднялись из глубин океанов. В результате этих могучих конвульсий и землетрясений города ящеролюдей были повержены и уничтожены, и весь их мир перестал существовать. Тогда они поняли, что должны найти какое-нибудь убежище или погибнуть, и поэтому они разработали план спуска в одно из огромных подземных пространств, которые лежат на глубине десятков миль в недрах Земли. Задолго до катастрофы они обнаружили, что внутри земной коры имеются две большие пещеры, и вот они прорыли шахту к одной из них и спустились в нее.

Исследовав пещеру, они нашли ее достаточно большой, чтобы вместить все их количество, и вполне пригодной для жизни. Она постоянно освещалась багровым светом, поскольку расплавленные огни сердца земли вплотную подходили к стенам пещеры, и через отверстие в стене вечно лилась бушующая Ниагара расплавленного металла и пламени, титанический водопад живого огня, чье пылающее сияние освещает весь этот подземный мир. Под этим огненным водопадом люди-ящерицы построили канал, отведя его в большой каменный бассейн, находящийся прямо под отверстием их шахты в своде пещеры, и из этого бассейна расплавленный огонь постепенно просачивался в расщелины под пещерой.

От этого расплавленного озера, естественно, с ревом поднимался чрезвычайно мощный поток нагретого воздуха, и, установив вокруг озера кольцо отражателей, они смогли сконцентрировать всю циклоническую мощь этих ветров в единое целое — направленный воздушный поток, идущий прямо вверх через шахту и способный поднимать титанические грузы вверх по этой шахте; точно так же циклон, представляющий собой сконцентрированный ветер, будет подниматься и кружить вокруг больших зданий. И этот ужасающий, устремляющийся вверх поток они использовали, что-

бы поднимать вверх по шахте свою огромную дисковую платформу. Проекторы внизу были расположены так, что сила потока автоматически уменьшалась, когда диск достигал верхней точки, что позволяло ему снова опускаться на дно пещеры, к огненному озеру, затем вновь подниматься наверх — словом, они создали постоянно действующий, автоматический, никогда не останавливающийся лифт, на котором толпы ящеролюдей и их динозавров смогли спуститься в этот подземный мир.

Они взяли с собой только часть своих слуг-динозавров, оставив остальных погибать наверху. Их кости я и нашел в болоте. Когда это было сделано, они плотно закрыли отверстие большой шахты и демонтировали ставшую ненужной дисковую платформу. Затем их орды принялись за работу, чтобы заново отстроить свои города в новом подземном мире. Высоко над ними поверхность земли корчилась, уничтожая всех динозавров, но пещерный мир ящеролюдей не был затронут катаклизмом, как они и предвидели, и в нем они продолжали безмятежно жить.

В конце концов поверхность Земли успокоилась, но они не стали покидать свой подземный мир и подниматься наверх: их город находился в безопасной, теплой атмосфере могучей пещеры, и у них не было желания покидать его. Итак, они продолжали жить в этой пещере, в то время как в верхнем мире расцвела раса млекопитающих, заменив собой великих рептилий. С течением веков человек возвысился до господства над всеми животными и основал свои города там, где когда-то стояли города ящеролюдей. Громадное болото скрыло устье шахты, и на всей Земле никто не подозревал о расах, обитавших в подземном мире.

Так проходили века, и так могло бы продолжаться до скончания времен, но люди-ящерицы в своей подземной обители снова столкнулись с необходимостью действовать. Как я уже говорил, расплавленный огонь сердца земли вплотную подходил к стенам их пещеры, вырываясь наружу в одном месте тем потоком пламени, что освещал этот мир. Теперь расплавленные языки пламени, подталкиваемые конвульсиями далеко внизу, начали со все большей и боль-

шей силой давить на стены, грозя прорваться сквозь них и охватить весь пещерный мир великим катаклизмом уничтожающего огня, мгновенно погубив все живое в нем. Это был лишь вопрос времени. Они знали, что должны покинуть пещеру до того, как это произойдет и поэтому решили еще раз рискнуть и вернуться на поверхность Земли. Итак, они снова установили на место огромную платформу-диск, и та вновь начала безостановочно двигаться по шахте. Первая группа поднялась наверх и открыла устье шахты, а затем начала исследовать болото верхом на своих огромных бронтозаврах. Это они захватили меня в плен. Они увидели, что на поверхности Земли теперь обосновались новые разумные существа, люди, и что один из их городов стоит рядом с самым болотом. По этой причине они намеревались сперва послать ударный отряд, который уничтожит этот город, уничтожит Бринтон, чтобы предотвратить любое возможное вмешательство со стороны горожан. Затем этот передовой отряд должен был вернуться в шахту, оставив у входа охрану, и собрать всех ящеролюдей и стада динозавров, чтобы вихрем пронестись по земле, завоевав и уничтожив мир, который мы знаем. Помимо динозавров, у них есть переносные проекторы тепловых лучей, эти белые шары, в которых они могут конденсировать и сгущать тепловые вибрации, удерживая эти вибрации статичными и выпуская их по желанию в виде концентрированного луча.

Итак, они вышли из шахты и атаковали Бринтон, и теперь, когда это было осуществлено, их передовой отряд вернется сюда, собирая все орды ящеролюдей для решающего нападения. Я думаю, что эта атака состоится в течение нескольких часов. Их орды хлынут вверх по шахте и распространятся по Земле. Наверху, в устье шахты, они установили большой переключатель. Он включится, когда все они покинут пещеру и окажутся в безопасности наверху, и выпустит здесь, внизу, концентрированные лучи, которые взорвут стены и позволят потокам огня ворваться в пещеру. Они боятся, что в противном случае плененный огонь вырвется наружу в результате какого-нибудь могущественного катаклизма и разрушит всю Землю. Выпустить огонь в пещеру,

пока они находятся в ней, означало бы, конечно, уничтожить самих себя; но если это будет сделано с помощью переключателя после того, как все они окажутся на поверхности, им самим не будет причинено никакого вреда.

Как мы видим, пока что весь их план выполняется, и в течение нескольких часов их орды поднимутся по шахте и распространятся по Земле. И что тогда? Чем помогут силы человека? Какие войска могут выстоять против грохочущих гигантских динозавров? Какое оружие можно выставить против смертоносных тепловых лучей? Какие самолеты способны сражаться со стаями кружащих, пикирующих птеродактилей и лучами их наездников-ящериц? Человеку и всему человеческому миру грозит только быстрое уничтожение, когда орды ящеролюдей и их гигантских зверей со страшной силой обрушатся на него.

Голос Мортоната затих. Он сидел неподвижно, окидывая темную маленькую комнату странным взглядом. Из большого коридора снаружи доносились скрипучие голоса проходящих людей-ящериц, время от времени слышался громоподобный топот одного из огромных динозавров, но в комнате царила тишина. Ученый и его ассистент смотрели друг на друга. Наконец Роуэн с усилием заговорил.

— Значит, они собираются захватить всю Землю, — повторил он, — и хотят уничтожить мир человека. А у нас нет шансов спастись, вернуться на поверхность...

Мортон с внезапной решимостью поднял голову.

— Шанс все еще есть, — сказал он. — Если бы мы только сумели выбраться отсюда, добраться до диска и подняться наверх! И мы должны это сделать как можно скорее — ибо скоро, я знаю, их орды поднимутся по шахте и обрушат сверху огонь на эту пещеру, уничтожив нас, если только не убьют нас раньше. Скоро, я думаю, они придут, чтобы отвести тебя на допрос; иначе, если бы они не собирались этого делать, они убили бы тебя на месте. И когда они придут... слушай, вот мой план...

Мортон быстро изложил свой план Роуэну, и каким бы диким этот план ни казался, он был принят как единственный шанс на спасение. Некоторое время они молча сидели

в темноте. Тишина и темнота мучили Роуэна. Он знал, что на поверхности, наверху, быстро разнесется весть об ужасном нападении на Бринтон, распространяя страх и панику по всему миру. И скоро, вот-вот должна была начаться безжалостная атака людей-ящеров и их орд динозавров. Если им не удастся сбежать...

Проходили часы, и снаружи, из гигантского коридора, доносились непрерывные звуки торопливых шагов ящеролюдей и динозавров. Затем издалека донесся громкий рев и хор хриплых криков, а также грохот множества гигантских ног, проходящих мимо здания, где они сидели в заточении.

— Передовой отряд! — прошептал Мортон. — Они вернулись из Бринтона и сейчас все соберутся за городом, готовясь к всеобщей атаке.

Снаружи, в коридоре, звуки стихли, почти прекратились. В мире наверху близится закат, — подумал Роуэн и на мгновение заколебался: не окажется ли безрезультатным отчаянный план, о котором они с Мртоном договорились? Затем, словно в ответ на его мысли, снаружи, в коридоре, послышались шаги и лязг засова.

Мортон и Роуэн мгновенно вскочили на ноги и сразу же привели в действие свой план. Прыгнув друг к другу, они мигом сцепились в схватке, яростно хватая один другого, нанося удары руками и ногами, катаясь по полу, падая и поднимаясь. Роуэн мельком увидел, как дверь скользнула вниз и открылась, увидел двух людей-ящериц, входящих с направленными на них белыми шарами, но не остановился, как и Мортон.

Будто сцепившись в смертельной борьбе, двое мужчин продолжали раскачиваться и извиваться в притворной ярости. Раздался отрывистый приказ ящеролюдей, но они не обратили на него внимания, все еще норовя вцепиться друг другу в горло. Была отдана еще одна команда, которую они также проигнорировали, и затем произошло то, на что они надеялись. Первый из ящеролюдей подскочил к ним, схватил Роуэна за руку когтистой лапой и оттащил его от Мортон. И как только он это сделал, Роуэн мгновенно повер-

нулся и прыгнул на него, не позволяя врагу поднять смертоносный белый шар.

Он увидел, как Мортон прыгнул на другое существо; затем все остальное исчезло и он вслепую закружился по маленькой комнате с рептилоидным существом в руках. Левой рукой он удерживал когтистую лапу, сжимавшую белый шар, не давая существу поднять его, но вскоре почувствовал, что существо начинает одолевать: сила мышц под его чешуйчатой шкурой была огромной. Собрав все силы, он вцепился в существо, в держащую шар лапу, а затем услышал крик Мортон и увидел, как второе чешуйчатое существо швырнуло его товарища на пол и прыгнуло к двери. В следующее мгновение его собственная хватка ослабла, его противник вырвался и, в свою очередь, метнулся к двери.

Краем глаза Роуэн увидел их, отшатнувшись назад, а после почувствовал в своей руке что-то круглое. Это был белый шар, который он яростно вырвал из лап своего противника. Последним инстинктивным движением он поднял его и швырнул в тех двоих, что стояли у двери. Шар ударился о стену рядом с ними и, казалось, раскололся; мелькнула огромная вспышка бледного света, порыв жаркого воздуха опалил Роуэна, и два ящероподобных существа упали на пол двумя обугленными бесформенными грудями. Разрушение шара и высвобождение его конденсированных тепловых колебаний уничтожили их.

Мортон мгновенно вскочил на ноги, и они вдвоем, пошатываясь, вышли из комнаты в огромный сумрачный коридор снаружи. Какое-то мгновение они бежали по нему, но внезапно остановились. Впереди послышался звук грузных шагов, и какая-то огромная черная громада вдруг заслонила квадрат багрового света в конце коридора. Затем они ясно разглядели огромное существо — гигантского бронтозавра. Тот на мгновение остановился в сотне футов дальше по коридору, рассматривая их маленькими сверкающими глазами рептилии, затем поднял свою могучую шею и с громким, хриплым ревом ринулся прямо на них.

Роуэн стоял неподвижно, ошеломленный, видя, словно в каком-то кошмарном сне, огромную змеиную шею и голову и гигантские топочущие лапы колоссального зверя; в его ушах звучал низкий рев приближающегося монстра. Внезапно Мортон прыгнул вперед и очутился рядом с ним, издав высокий, резкий крик, от которого грохочущий бронтозавр вдруг замедлил бег и остановился. Он стоял всего в двадцати футах от людей, подозрительно разглядывая их, и Мортон быстро повернулся к своему ассистенту.

— Скорее, Роуэн! — крикнул он. — Я слышал, как ящеролюди направляют своих тварей этим криком. Думаю, он задержит этого, пока мы не пройдем мимо!

Вместе они побежали по коридору к гигантскому бронтозавру, который, казалось, в замешательстве разглядывал их своими маленькими глазками. Его голова раскачивалась взад и вперед на гибкой шее, пока они приближались к нему. Теперь они оказались рядом с огромным зверем, протискиваясь между его громадным телом и стеной коридора; близость к этой могучей туше вселяла в них благоговейный трепет. Когда они пробежали мимо, огромный зверь наполовину повернулся, наполовину шагнул к ним, но Мортон повторил свой странный высокий крик, и он снова остановился. В следующий миг Роуэн впервые за несколько секунд вздохнул свободно — они миновали бронтозавра и помчались дальше по коридору.

У выхода они замедлили шаг, крадась вперед более осторожно, и выглянули на большую, залитую багровым светом улицу. Широкий проспект казался совершенно пустынным. Они выскочили на него, направляясь к центральной площади, где находилось огненное озеро и шахта с диском-подъемником. Внезапно Мортон повернулся и указал назад. Вдалеке темнела огромная масса громадных фигур — толпа могучих динозавров и ящероподобных наездников, которая быстро приближалась по проспекту.

— Они уже здесь! — крикнул Мортон. — Они собрались...

они готовы... они собираются подняться наверх... скорее!

Наступающая орда издавала низкий, гигантский рев, и по всему великому серому городу ей отвечали другие скопища динозавров и ящеролодей, движущиеся к центральной площади и огромному озеру пламени. Мортон и Роуэн резко повернулись и бешено помчались вверх по широкому и пустому проспекту к озеру и диску, который был их единственной надеждой на спасение.

Они бежали, пошатываясь, все дальше и дальше, пока, наконец, не оказались между последними серыми зданиями улицы. Затем они выскочили на широкую пустую площадь и подбежали к краю центрального огненного бассейна. Высоко над собой Роуэн видел темный расширяющийся круг, который опускался из круглого черного отверстия в скальном своде далеко вверх и быстро приближался к озеру огня. Вдруг он закричал: на пустую площадь прямо напротив них вышло с полдюжины ящероподобных созданий, которые увидели двух бегущих людей и, издавая хриплые крики, прыгнули к ним по краю пылающего озера.

Могучий диск плавно опускался и наконец повис на одном уровне с площадью, над языками огня. Мортон бросился на диск через двухфутовый промежуток. Но когда Роуэн тоже прыгнул вперед, бегущие ящеролоди нагнали его, и один из них прыгнул вместе с ним на поднимающийся диск и оттащил его назад. Он отчаянно цеплялся за край огромного диска, пока могучая платформа плавно поднималась вверх; в то же время он и ящерочеловек головокружительно раскачивались над пылающим озером, нанося друг другу удары свободными руками.

Роуэн чувствовал, как его несет вверх со все возрастающей скоростью, слышал рев ветра в ушах и видел бушующее озеро огня внизу; затем он почувствовал, как силы покидают его под ударами человека-ящерицы, который вцепился в диск одной когтистой лапой и бил другой. Рука Роуэна уже готова была выпустить край диска, но сверху последовал молниеносный удар, и чешуйчатое зеленое тело его противника, вращаясь, полетело вниз, в пламя, вырвавшись из его захвата. И когда ослабевшие пальцы Роуэна раз-

жались, чья-то рука схватила его сверху за запястье. Один миг напряженного усилия, и Мортон вытащил его на поверхность диска. Он лежал, тяжело дыша.

Всего мгновение он пролежал так, затем подполз вместе с Мртоном к краю диска и вместе с ним посмотрел на серый город, лежащий теперь далеко внизу. Они увидели, как на площадь хлынула огромная масса гигантских динозавров и ящероподобных существ; толпы их в вихревом движении приближались теперь к площади со всех широких и разветвляющихся улиц города. В следующую секунду город скрылся из виду, и диск плавно устремился вверх, в темноту колоссальной шахты, мчась в грохоте заключенных в ней ветров. Перекрывая бушующий ветер, Роуэн прокричал на ухо спутнику:

— Они собрались там, внизу! Когда диск снова пойдет вниз, они поднимутся с ним вслед за нами! У нас есть лишь несколько минут...

— Переключатель! — прокричал в ответ Мортон. — Если мы успеем повернуть то колесо наверху...

Роуэн ахнул. Переключатель! Тот переключатель, который ящеролюди собирались использовать после того, как все они покинут свой пещерный мир! Он выпустит в пещеру огни, лижущие ее стены, и это уничтожит ящеролюдей и их гигантские орды рептилий. Если только получится...

Внезапно он схватил Мортон за руку и безмолвно указал вверх. Далеко над ними мерцала искра бледно-белого света; она превратилась в точку, а затем в маленький бледный круг, к которому с огромной скоростью устремился их диск. Круг белого света расширился, и платформа начала понемногу замедлять скорость; блестящие металлические стены, уходящие вниз, стали двигаться медленнее. Огромный диск продолжал подниматься и наконец повис на одном уровне с устьем шахты в свете подвешенного шара.

Роуэн знал, что на земле снова была ночь, но ослепительный блеск белого шара над головой ярко освещал все вокруг. Как только диск остановился, он и Мортон бросились с него на поверхность насыпи. Когда огромный диск начал вновь погружаться в шахту, они убедились, что их пры-

жок прошел незамеченным — на насыпи виднелись лишь полдюжины фигур ящеролодей, вооруженных белыми тепловыми шарами; они бездельничали и болтали у трехногого распределительного щита на другом краю. Ящеролоди даже не повернулись, когда громадный диск достиг устья шахты и начал опускаться обратно. Просидев секунду на корточках, Мортон что-то шепнул Роуэну, и тот, повинаясь этому шепоту, медленно сполз с насыпи в укрытие окаймлявшего ее темного леса. Там он начал крадучись пробираться между деревьями. На насыпи он видел Мортонна, ползущего, как змея, по краю огромной шахты к распределительному щиту. Шли минуты, пока они подкрадывались с разных сторон, минуты, которые показались Роуэну вечностью, а затем он достиг края насыпи у щита и собрался с силами для рывка к нему. Но в этот момент его обнаружили. Раздался резкий крик одного из ящеролодей, охранявших механизм, и мгновенно двое из них прыгнули к нему через насыпь.

Роуэн вскочил на ноги, но прежде, чем он смог выбраться на поверхность кургана, его сбили с ног и отбросили назад в болото две чешуйчатые фигуры. Он услышал еще один крик, мельком увидел, как другие стражники на холме прыгнули к Мортону, который начал подниматься на ноги; затем хриплые крики его противников, оглушительный шум ветра из шахты, его собственное прерывистое дыхание — все это внезапно заглушил звук, который донесся до его слуха подобно грому рокового часа. То был глубокий, горловой рев, звучащий слабо, как будто издалека, но быстро становящийся более громким и близким, рвущийся вверх по шахте с поднимающегося диска!

— Мортон! — закричал он. — Мортон!

Он увидел, как Мортон отскочил в сторону от бежавших к нему охранников и бросился к распределительному щиту и колесу-переключателю. Роуэна отбросило назад, когда двое противников выпустили его и с неистовыми криками кинулись обратно на насыпь. В тот же миг гигантский диск снова завис у входа в шахту, переполненный ящеролодьями и полудюжиной огромных тираннозавров. Чудовища, об-

нажив сверкающие клыки, прыгнули к Мортону, и от множества ящеролюдей на диске и на насыпи к нему устремились лучи бледного света. Но за секунду до того, как эти смертоносные лучи были выпущены, Мортон схватился за огромное колесо и повернул его одним быстрым движением. В следующее мгновение механизм и Мортон рядом с ним исчезли во вспышке ослепительного пламени, но издав далеко тотчас донесся грандиозный грохот и треск, затем оглушительный взрыв, словно расколовший мир на части, и земля под Роуэном заходила ходуном. Из шахты вырвался огромный поток багрового пламени, расплавленная волна внезапно освобожденных морей жидкого огня внизу, уничтожившая паривший в шахте огромный диск и пролившая огненный смертоносный дождь на все, что было на насыпи. Искры с шипением падали в воду и тину вокруг Роуэна. Затем раздался еще один громоподобный взрыв, и сам холм, казалось, задрожал и рухнул вслед за стенами огромной шахты, а после перед Роуэном осталась только громадная дымящаяся выемка в земле, в которой не было никаких признаков жизни.

Несколько минут Роуэн смотрел на эту яму, не в силах поверить в чудо, произошедшее у него на глазах. Ящеролюди и все их полчища динозавров были в последний момент отброшены назад, уничтожены в своем пещерном мире с помощью собственного переключателя и расплавленных огненных морей земного сердца, сердца, которое рука Мортон освободила от них. Роуэн не верил своим глазам и не мог найти слов, мог только безмолвно протянуть руки к дымящейся яме перед собой.

И затем он внезапно осознал, что плачет....

7

Прошло несколько часов, прежде чем Роуэн, спотыкаясь, выбрался наконец из громадного болота и направился на запад через холмистые поля к Бринтону. Позади него из-

за горизонта пробивался первый бледный свет зари, а поля вокруг были покрыты туманом и казались призрачными в этом усиливающемся свете. Затем, устало поднявшись на гребень небольшого возвышения, он остановился, вглядываясь вперед.

Вдалеке перед ним лежали руины Бринтона, огромная масса недвижных почерневших обломков, откуда не доносилось ни звука жизни. Было так тихо, все было так окутано невыразимой тишиной и безмолвием смерти, что Роуэн, стоящий там, казался себе последним живым существом в мире, последний живым человеком.

И все же он знал, что это было не так. За пределами разрушенного города, в других городах за горизонтом, по всей поверхности земли, люди бежали, охваченные паникой толпы в страхе искали спасения от того ужаса, что захватчики из бездны обрушили на мир. Но скоро все закончится. Скоро эти охваченные страхом толпы двинутся назад, вернутся, узнают, как эти темные захватчики были отброшены, уничтожены, как все будущее их расы было разрушено одним человеком. Скоро...

Роуэн смотрел на безмолвный, разрушенный город, и его губы шевелились.

— Ты сделал это один, Мортон! — шептал он. — Ты — один!

И пока он стоял там, бледный свет вокруг него изменился, стал ярче, а из-за его спины вырвались длинные золотистые лучи. Под воздействием их волшебной алхимии весь мир, казалось, внезапно преобразился из серого в сияюще-золотой. Но Роуэн не обернулся, не пошевелился, все так же неподвижно стоя на гребне и глядя на запад, черная, одинокая маленькая фигурка на фоне великолепия восходящего солнца.

Алан Коннелл

ЦАРСТВО РЕПТИЛИЙ

Глава I

Подопытный кролик

Кейн вскочил и пылко уставился на меня.

— Сотни различных фактов, — сказал он, — доказывают теорию, что человек эволюционировал из низших форм. Я не понимаю, почему ты закрываешь на это глаза и настаиваешь на том, что наши предки были мгновенно сотворены из ничего.

— С меня и этого довольно, — ответил я. — Я буду придерживаться религии — ты можешь заниматься наукой.

— Религия? — спросил Кейн. — Через двадцать лет...

— Почему мы не можем вооружиться и тем, и другим? — прервал я его и процитировал Уильяма Каррута: — «Кому-то — Эволюция, кому-то — сам Господь».

— О, заткнись! — сказал Кейн со своим обычным неуважением к поэзии, особенно когда последняя служит для поддержки доводов в споре. Он пересек комнату и вышел. Я слышал, как он спустился по лестнице и громко захлопнул за собой входную дверь. Я улыбнулся.

Кейн Сандерс — какой-то мой дальний родственник, и мы встретились, когда он написал мне, спрашивая, не могу ли я дать ему работу. Я пригласил его приехать. Он мне понравился тогда — и с тех пор стал нравиться еще больше.

Он остался, чтобы присматривать за деловой стороной моей жизни — которая далека от сложностей, так как сводится к сухой переписке с пресытившимися издателями. Издатели сыты мной по горло, поскольку в последнее время я был поглощен другими интересами и мои рассказы скатились от обычной убогости к чему-то совершенно неприличному.

За два года сотрудничества с Сандерсом я обнаружил в этом всецело приятном человеке только один недостаток, и он не имел большого значения. Он слишком любил споры. Я тоже этим грешу, и противоречить ему стало для меня привычкой и традицией. Однажды это могло бы закончиться плохо, но один из нас всегда был способен увидеть смешную сторону происходящего до того, как мы заходили слишком далеко.

В тот вечер я не обратил особого внимания на уход Сандерса. Я подумал, что он, должно быть, утрюмо побрел по дороге к пляжу и очень скоро вернется в своем обычном приподнятом настроении.

Я был прав в первом предположении, но ошибся во втором.

Ранним утром я проснулся и вспомнил, что не слышал, как возвратился Сандерс. Я встал и прошел по коридору к его комнате. Открыв дверь, я услышал внизу щелчок входной двери. Я подождал, и вскоре по лестнице поднялся мужчина. Сначала я его не узнал. Одежда плотно облегала его широкое тело, туфли были без шнурков. Затем я увидел, что это был Сандерс.

Его подбородок и щеки поросли грубо подстриженной щетиной. Думаю, именно это показалось мне в тот момент самым фантастическим — уходя из дому, Сандерс был идеально выбрит. Теперь его лицо было покрыто клочками недавно удаленной черной бороды!

Я заметил и другие невероятные перемены. Он выглядел более загорелым, чем когда-либо. Он всегда был широкоплечим, но теперь казался сверхчеловечески развитым физически. Когда он подошел ближе, я увидел, что его волосы были длиннее обычного.

Он приветствовал меня слабой улыбкой, взял за руку и увлек в свою комнату. Когда он включил свет, смутно видимые детали его преобразования резко выделились. Надеюсь, мне больше не придется испытать такое потрясение. Я почувствовал, как кровь отхлынула от моих щек и лицо стало мертвенно-бледным.

Сандерс посмотрел на меня странным взглядом.

— Ты помнишь наши споры об эволюции и Боге?

Я кивнул.

— У меня есть ужасное подозрение, что мы оба были неправы, — сказал он. — Известно ли тебе, — внезапно продолжил он, — что миллионы лет назад было время, когда рептилии правили сушей, морем и воздухом?

Не дожидаясь моего ответа, он достал из кармана сверток и развернул коричневую бумагу.

В ярком свете передо мной лежало покрытое черной чешуей пятипалое нечто, отвратительно напоминавшее лапу рептилии. Она была аккуратно отрезана у сочленения, и в согнутых морщинистых пальцах таилось смутное воспоминание о какой-то безымянной угрозе.

Самое же фантастическое заключалось в том, что на каждом из этих пальцев было кольцо с синим драгоценным камнем!

— Фулу, эмиссар Луады, — пробормотал Сандерс, будто разговаривая сам с собой. — Интересно, что он сейчас думает?

— Кейн! — воскликнул я. — Что...

Он оттолкнул черную лапу.

— Извини, — сказал он. — Послушай, я тебе все расскажу.

Он помедлил и раздраженно добавил:

— Эта одежда душит меня.

Затем он снял пиджак и рубашку и сел на кровать в странной позе, подтянув колени к груди. И пока я тупо раз-

глядывал его коричневую кожу, он начал рассказывать мне следующее.

* * *

Выйдя из дома, Сандерс побрел по тропинке к дороге с мыслью дойти пешком до Салабека. Но наступили сумерки, и он в нерешительности замедлил шаг на бетоне. Он услышал звук подъезжающей машины и увидел, как ее фары вынырнули из-за поворота. Он отступил в сторону, чтобы пропустить ее, но она остановилась, медленно поползла вперед и снова остановилась, как будто в сомнении.

Вскоре кто-то вышел и обошел автомобиль, встав между фарами. Сандерс почувствовал на себе пристальный взгляд незнакомца и отвернулся, покраснев и чувствуя себя неловко. Чужой голос остановил его.

— Одну минутку — вы не возражаете?

— Ну? — сказал Сандерс и повернулся лицом к незнакомцу. Тот был невысокого роста, хрупкого телосложения и свободно одет. Над белым лбом вздымались растрепанные седые волосы.

Его блестящие глаза изучили Сандерса с головы до ног, и, почувствовав беспокойство молодого человека, он сказал:

— Прошу прощения. Мне нужна помощь.

— Почему? — спросил Сандерс. — Что-то не так с вашей машиной?

— Да, да! Моя машина...

— Тогда мне жаль, — сказал Сандерс. — Я ничем не могу...

— Я уверен, что это какая-то мелочь, — перебил его незнакомец. — Я бы хотел, чтобы вы посмотрели.

После этой категорической просьбы Сандерсу оставалось лишь подойти к незнакомцу. Тот поднял крышку двигателя.

— Там — я думаю, поломка там, — сказал он, указывая на зажигание. — Я подержу фонарик, пока вы будете смот-

реть.

Позже Сандерсу показалось смешным, что он выступил в роли механика этого человека — человека, который, вероятно, больше любого другого в мире знал о машинах, от простейшей системы шкивов до сложнейших электрических устройств.

Несколько минут он возился в желтом свете, затем выпрямился.

— Я ничего не вижу, — начал он — и осекся.

Лицо незнакомца выражало какую-то особенную напряженность. Взгляд Сандерса невольно переместился на заднее сиденье, где виднелись два смутных лица. Происходящее казалось все более странным; с его губ готов был слететь вопрос, но что-то вынырнуло из темноты и накрыло его лицо. Он задохнулся и начал падать.

Какое-то время — как долго, он не мог оценить — его окутывала тяжелая серость. Внезапно серый покров исчез. Несколько минут он не двигался, затем открыл глаза. Он лежал на кровати в скудно обставленной комнате. Над ним стояли три человека. Одним был водитель автомобиля, второго он принял за японца. Третьим был худощавый светловолосый юноша, в глазах которого было нечто большее, чем просто гениальность.

В неловком молчании все трое смотрели на него сверху вниз. Затем первый мужчина сказал двум другим:

— Хорошо. Идите и приготовьте все. Я поговорю с ним.

Когда эти двое вышли из комнаты, Сандерс предпринял попытку встать — тщетную, как оказалось, так как он был прикован к кровати наручниками.

— Освободите меня! — потребовал он. — Что...

Незнакомец жестом остановил его:

— Нельзя терять время. Послушайте, мои спутники и я — те, кого вы могли бы назвать учеными-экспериментаторами. Сегодня вечером мы ехали в Салабек в поисках кандидата для одного из наших экспериментов. Я увидел вас. Я сразу понял, что вы человек именно того типа, который

нам нужен. Поэтому я увез вас. Согласитесь участвовать добровольно, и мы вам хорошо заплатим. В противном случае...

— Убирайтесь к дьяволу! — сказал Сандерс, тяжело опускаясь на кровать.

— Так и думал, что вы не согласитесь. Но мы все равно вас используем. Теперь слушайте еще внимательнее.

Хуан, тот молодой парень, ненормальный. Я полагаю, вы слышали о математических гениях и людях с фантастической памятью. Интеллект Хуана, откровенно говоря — ошибка природы. Подобный мозг должен был возникнуть в будущем, через сотни лет. Я не думаю, что он когда-либо читал хоть один труд по высшей математике, но благодаря одной только силе рассуждений он знает больше, чем все математические гиганты мира, вместе взятые.

Мы с Такашаи обнаружили его. Мы стали его партнерами, так как осознали его возможности и — будем откровенны — хотели разделить славу, которая неизбежно должна прийти к нему. Хуан пока не беспокоится о зарабатывании денег.

Когда мы начали развивать его таланты, он настоял на том, чтобы нашей первой важной работой стало создание аппарата для перемещения объектов по линиям времени. Хуан стремился подтвердить некоторые чудовищные теории, которые он сформировал на основе изучения палеонтологических данных. Под руководством Хуана Такашаи и я построили этот аппарат.

Мы уже проверили его на кирпичях и морских свинках — перенесли их по искусственным временным линиям как в прошлое, так и в будущее. Теперь Хуану не терпится разобратся с его ужасными идеями о происхождении человека. Я полагаю, он отправился бы сам, но его присутствие необходимо у аппарата.

Прикованный наручниками к кровати, Кейн Сандерс задумался о странностях судьбы, забросившей его в логово этих безумцев. Затем он в упор взглянул на незнакомца и сказал:

— Вы сумасшедший.

Похититель склонился над ним.

— Я не сумасшедший, — отчетливо произнес он. — Скажите мне, что подумал бы о современной науке человек со- того года нашей эры? Разве она не показалась бы ему обычной магией? Точно так же мы с вами смотрим на планы и идеи Хуана. По сравнению с ним мы все равно что дети. Его мыслительные процессы практически непредставимы.

В комнату вошел японец.

— Все готово, Карлайл, — сказал он. — Хуану не терпится.

Карлайл достал резко пахнущий платок и прижал его к ноздрям Сандерса, оставив пленника в полубессознательном состоянии.

— Мне жаль, — сказал он, — но это необходимо, поскольку я не могу убедить вас, что мы всего лишь чрезмерно увлеченные своей работой ученые.

Сандерса отнесли в ярко освещенное помещение и положили на металлический стол. Он ошеломленно огляделся, чувствуя уколы сомнения. С потолка свисал полукольцами гигантский кабель питания. В дальних углах странно гудели зеленые полированные механизмы. Ближе, вокруг него, виднелись блестящие сплетения медных проводов и гигантские серебристые сосуды. Если эти люди безумны, подумал Сандерс, их безумие приняло самую необыкновенную форму.

Он почувствовал прикосновение рук. На нем застегнули пояс.

— Вода, еда, автоматический пистолет и боеприпасы, — объяснил Карлайл и отошел помочь Такашай, возившемуся с механизмами в углу. Хуан, молчаливый и отчужденный, занял свое место перед пультом управления, выглядевшим жизненно важным элементом всей конструкции. Карлайл вновь подошел к Сандерсу.

— Когда вы в следующий раз откроете глаза, — сказал он, — вы окажетесь где-то в конце мезозоя, эпохи рептилий, в нескольких миллионах лет в прошлом. Но я предупреждаю вас, не бойтесь. Помните, что вы вооружены — и есть Хуан, который заберет вас назад, когда решит, что у

вас было достаточно времени изучить этот мир.

Хуан повернулся, помедлил и сказал с сомнением:

— Я бы попросил вас заметить, какая там имеется жизнь.

— Да, — сказал Карлайл и пожал Сандерсу руку. — Я и впрямь я сумасшедший, раз навязываю вам это, — продолжал он, — но я ничего не могу с собой поделать.

И он отошел от стола.

Глава II

Комната ужаса

Сандерс упал и больно ударился плечом. Его глаза быстро обежали огромную мрачную комнату. Сквозь полуоткрытые окон далеко слева от него лился белый лунный свет.

Он не знал, где находится. Ему и в голову не приходило, что фантастические предсказания Карлайла могут сбыться, и он задавался вопросом, куда подевались три его похитителя.

Он подошел к одному из лишенных стекол окон, выглянул наружу и испытал первое ужасающее сомнение. Под ним было тусклый скат крыши, затем пояс тьмы, затем стена неприступной толщины, которая резко поднималась, отсекая заросли джунглей.

О таком необузданном великолепии и гигантских размерах он и помыслить не мог. Растения, родственные папоротникам, но несравненно более огромные, вздымали свои перья на сотни футов в ночное небо, нависая высоко над зданием и, казалось, едва не касаясь луны. Это была странная луна, большая и окрашенная в зеленый цвет, но ее особенности были незначительны рядом с леденящим ужасом колоссального леса — леденящим, несмотря на теплый тропический бриз, который овеивал его лицо.

Из темного леса доносились противоестественные крики, рев и мычание. Сандерс отвернулся от окна, поспешил обратно через комнату, наткнулся на что-то, что стало не-

устойчиво покачиваться. Его глаза быстро привыкли к полумраку, и он устался на этот предмет.

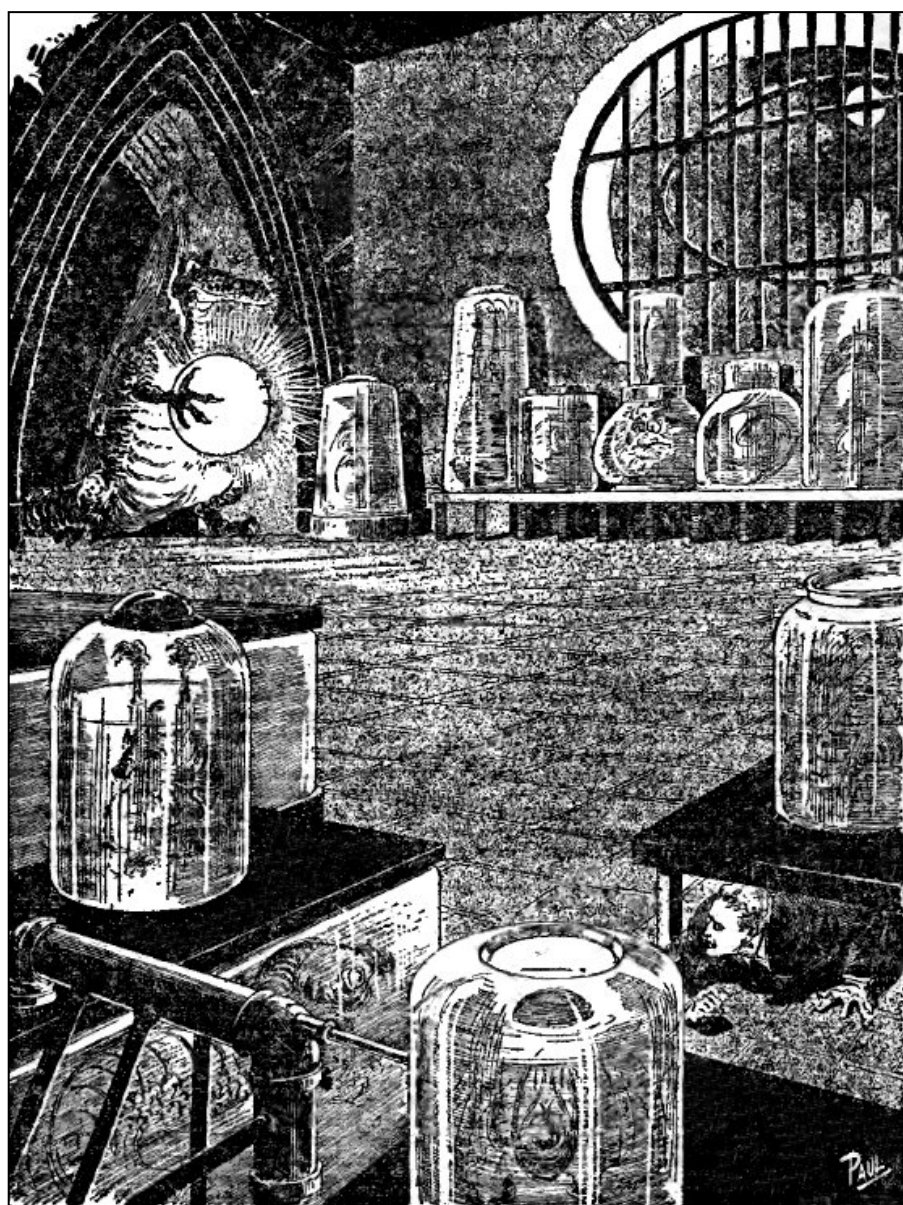
Это был стеклянный шар на тонких ножках — и в нем безмозгло шевелилось нечто большое, мокрое, мягкое и бесформенное. Оно поднималось и опускалось, издавая кошмарные звуки — словно что-то всасывало и причмокивало при этом.

Охваченный безмолвным, но от того не менее реальным ужасом, Сандерс стал осматривать жуткую комнату. Каждый шаг открывал все новые ужасы, заключенные в прозрачных сосудах. Светящиеся глаза, утопленные в белых перепончатых мешках кожи, с неотступным вниманием следили за каждым его движением. Там были существа, которые плавали, как бабочки, в янтарной жидкости — желеобразные, пульсирующие существа; были изуродованные формы, безжизненно плавающие в жидкостях своих сосудов. Столы были заставлены приборами и контейнерами, на которые он не осмеливался смотреть. Там была невыразимая смерть и жизнь безумней самого странного сна.

В нишу одной из стен была вделана полка с сосудами, наполненными странно пахнущими химикатами, и когда Сандерс на ощупь пробирался вдоль нее, ему показалось, что он услышал где-то в здании тихое шарканье. Он наугад заторопился вперед, пока не коснулся чего-то похожего на прутья клетки. Он заглянул между прутьями и при виде существа, которое злобно смотрело на него изнутри — раскачивающегося обезьяноподобного существа с надутыми губами, незрячими глазами и изуродованными конечностями — невольно издал хриплый крик.

Почти одновременно ему показалось, что далекое шарканье приобрело более быстрый и определенный ритм. Повинуясь непреодолимому инстинкту самосохранения, он нырнул в тень скамейки.

Несколько минут он просидел там на корточках, прислушиваясь к шарканью и царапанью безымянных ног, спешивших к его укрытию. Инстинкт подсказывал ему, что какое нечеловеческое существо ни владело бы этой комнатой ужаса, внимание его привлеч неосторожный возглас.

И снова, несмотря на тропическую теплоту ночи, ему стало холодно.

Дальняя стена слабо осветилась, и вскоре он различил очертания высокого дверного проема с овальной аркой; в нем, где-то глубоко в темноте, подпрыгивало пятно света. Оно приблизилось, достигло проема, остановилось на мгновение.

Свет проник в комнату, распространяя ровное белое сияние. Сандерс увидел прозрачную сферу, заполненную каким-то фосфоресцирующим веществом. С двух сторон на поверхности ее виднелись черные пятна.

Сфера приблизилась к Сандерсу. Он почувствовал, как кровь застучала у него в висках.

Шар держало существо, похожее на мифическое воплощение дьявола! Его маслянисто-зеленая голова с игольчатыми клыками нависала прямо над светящейся сферой, адские красные глаза метались из стороны в сторону в поисках незваного гостя.

Там, где у людей находятся плечи, выступали бугры, наводившие Сандерса на мысль о сложенных крыльях. Тело и шаркающие ноги были невидимы. Когтистые лапы силуэтом обрисовывались на поверхности шара, который чудовище держало перед собой.

Оно бродило взад и вперед, как воплощенный демон, с подозрением засовывая свою длинную отвратительную морду в углы, останавливаясь и светя своим диковинным фонарем под скамейки и даже выглядывая из окон, будто подзревая незваного гостя в поспешном бегстве.

Сандерсу невероятно повезло: хотя дьявольская тварь и остановилась рядом с ним, она в конце концов прошла мимо. Убедившись, что все в порядке, существо покинуло комнату вместе со своим светильником и зашаркало по коридору.

Прошло немало времени, прежде чем Сандерс пошевелился, поднялся на ноги и ощупью добрался до двери. В коридорах он вскоре заблудился и брел наугад в непроглядной темноте, потеряв всякое чувство направления. Порой какие-то звуки, доносившиеся из других помещений, застав-

ляли его останавливаться, как загнанное животное, но в основном все было тихо.

Наконец, с утасаживающей надеждой и в полном унынии, он сел, прислонившись спиной к стене, и стал смотреть в темноту, пока его веки не отяжелели.

Он внезапно проснулся при свете дня и с трудом встал на ноги. В обе стороны тянулся коридор. Он был ярко и прихотливо раскрашен; оттенки сливались и переходили один в другой так неуловимо, что он не мог определить точное место перехода.

Сон вернул Кейну Сандерсу силы и прояснил его сознание. Теперь он знал, что все это не было ни сновидением, ни игрой воображения. Сомнений больше не было — волшебный аппарат Хуана отбросил его назад через века, в доисторическое прошлое.

Осознание этого, свободное от ужасов ночи, принесло ему неизмеримое облегчение и решимость проложить себе путь в новом мире. Он обладал разумом и силой, а на бедре висело оружие. И наконец, ему было обещано, что Хуан снова перекинет мост через пропасть времени и вернет его к реальности двадцатого века.

Он выпил воды и съел немного концентрированной пищи из сумки на поясе. Не успел он закончить завтрак, как услышал шипение и шелест, похожий на хлопанье крыльев. Далеко в коридоре он увидел приближающуюся фигуру. Сандерс со всей осторожностью двинулся в противоположном направлении, пока не добрался до продолговатого занавеса, искусно укрепленного на стене.

Он вовремя спрятался за ним: секундой позже мимо него промчалось существо. Оно слегка напоминало гигантскую ящерицу, а клыкастая морда была если не той же, что Сандерс увидел в комнате ужасов, то по крайней мере в точности ее копировала.

При свете дня существо утратило свой сверхъестественный и дьявольский облик. Оно все еще выглядело отвратительным, но лишь как рептилия. Существо передвигалось

на шелестящих кожистых крыльях, а его гибкое тело было облачено в голубую шелковую мантию. На уродливом лбу красовалась диадема, украшенная драгоценными камнями. Когти сверкали самоцветами.

Столкнувшись с опасностями главных коридоров, Сандерс направился по боковому проходу, который был скрыт занавесом. Он подошел к другой занавешенной двери, поколебался, затем осторожно приоткрыл ее.

Комната за драпировкой отличалась такой же фантастической раскраской, что и коридоры. С потолка свисало на золотых цепях несколько кушеток в форме каноэ, и на каждой из них развалилось отвратительное чудовище, похожее на летающую ящерицу из коридора. Эти, однако, были поменьше и, очевидно, женского пола.

Их морды были отталкивающими, с плоскими зубастыми мордами и маленькими красными глазками. Они держали в когтях полированные металлические пластины и постоянно любовались своими ужасными отражениями. Их торсы были туго завернуты в дорогие ткани, на гладкие черепя были натянуты тюрбаны или шляпки.

Вокруг этих чудовищ суетились более мелкие существа, принадлежащие к другому виду рептилий. Они были раздеты и, очевидно, являлись рабами. Некоторые держали сосуды, из которых опрыскивали своих хозяек струями духов.

Вскоре одно из чудовищ приподнялось на качающейся кушетке и завело что-то похожее на песню — хотя Сандерсу еще не доводилось слышать музыку, состоящую из подобной смеси отрывистого шипения и визга.

По окончании песни рабы восторженно захлопали своими атрофированными крыльями и мелодию подхватил другой монстр. Сандерс повернулся, но зацепился ногой за драпировку, растянув дрожащее полотно.

Он замер. Пение прекратилось! Он раздвинул занавес и увидел, что все ящерицы уставились на него.

На бегу он услышал пронзительный визг и хлопанье неуклюжих крыльев. Надеясь скрыться, он побежал по главному коридору. Вскоре он понял, что его преследуют, и поспея еще быстрее под топот своих ботинок на тяжелой по-

дошве.

Последнее оказалось фатальным: один из летающих ящеров, привлеченный шумом, выскочил из бокового прохода и бросился на него прежде, чем он смог дотянуться до пистолета на поясе. Костлявые лапы впились в руки Сандерса и удерживали его, пока не появились еще три монстра.

Ящер с украшенным драгоценными камнями обручем на лбу пробормотал несколько резких слов. Сандерс стоял неподвижно, отчужденно, сжав губы. Чудовище повторило вопрос, затем устремило на него свои багровые глаза — и он получил первое представление о сверхъестественной силе передачи мыслей, которой обладали эти существа.

В его голове постепенно обрели форму два вопроса.

— Как тебе удалось сбежать? Почему ты ослушался?

Сандерс не пытался ответить.

В бесконечном мысленном повторении ему был навязан еще один вопрос:

— Кому ты принадлежишь?

Сандерс снова промолчал. Его собеседник отпустил своих товарищей, затем крепко схватил его за обе руки. Сандерс оказался под хлопающими крыльями похитителя, который пронес его по большому коридору в комнату.

Это была та самая комната, в которой Сандерс пережил ужасный опыт прошлой ночью — комната, служившая, как ему предстояло узнать, творческой лабораторией ученых-рептилий Луады.

Глава III

Тайна ямы

В желтом свете дня комната выглядела не так ужасно, но в ее ящероподобных владельцах все еще чувствовалось дыхание нечестивой тайны. Они склонялись с блестящими ножами над причудливыми извращениями человеческих тел, расprostертыми на столах перед ними. Кровь стекала

с этих столов в маленькие желоба, которые несли ее к окрашенным в коричневый цвет стокам в полу.

На стенах висели пергаменты с изображениями анатомических сечений; некоторые внутренние структуры показались Сандерсу диковинными.

При появлении похитителя и пленника чудовища оторвались от работы и уставились на Сандерса. И снова он осознал мысленные вопросы: «Почему ты ослушался?», а затем: «Кому ты принадлежишь?»

Когда ответа не последовало, одно из существ отдало приказ. Тот, кто держал Сандерса, что-то прошипел, вонзил когти в одежду пленника и сорвал с него все до нитки, даже наклонился, чтобы сорвать с него обувь. Это произошло так быстро, что пальцы Сандерса не успели дотянуться до пистолета, который исчез вместе с поясом.

Рептилии с шипящими криками устремились вперед. Визжа от фанатичного ликования, они собственнически вцепились в него когтями. Сандерс уловил их внезапный и беспорядочный мысленный спор.

— Первоклассный экземпляр. Он, должно быть, из моей ямы.

— Нет, — вмешался другой. — У тебя нет ничего настолько хорошего. Я уверен, что он сбежал из моей ямы.

— Он не принадлежит ни одному из вас, — перебил третий. — Я работал над особенно хорошим образчиком. Я уверен, что это тот самый.

Самый крупный из монстров вышел вперед и схватил Сандерса.

— Похоже, никто из вас не знает, кому он принадлежит. Поэтому он отправится в мою яму, где ему, вероятно, в любом случае самое место.

Сандерса провели по проходам между столами, мимо отвратительных созданий в стеклянных сосудах. У стола в конце комнаты ученый-ящер открыл металлический люк в полу и толкнул пленника вниз.

Сандерс раз или два перевернулся, упал на скат и понеся по наклонной плоскости сквозь темноту. Впереди появилось светлое пятно, увеличилось, и он вдруг оказался в

горячем солнечном свете. Его тюрьмой была яма без крыши, окруженная с четырех сторон стенами высотой в двадцать футов.

Позади него, над склоном нижней кровли, виднелись окна лаборатории. Дальняя стена отгораживала гигантский папоротниковый лес. Зелень высилась над ней до яркого неба, где горело яркое солнце.

Отступив немного назад и отвернувшись от джунглей, Сандерс мог видеть смешение мраморных куполов и гранитных башенок, составлявших великий город-дворец рептилий. Эта яма была одним из многих обнесенных стенами квадратов, выступающих из основного корпуса дворца.

Сандерс был здесь не единственным заключенным. Вокруг он видел группы существ обоих полов, а половая принадлежность некоторых и вовсе вызывала сомнения. Почти все они были покрыты шерстью, как обезьяны, и все, кто не был полностью обнажен, носили лишь скудные полоски ткани.

Все они были людьми, что приводило в замешательство, а некоторые — практически безволосые и более вменяемого телосложения — выглядели сравнительно разумными. На многих видны были следы недавних ран, и Сандерс невольно подумал о телах, лежавших на столах в лаборатории.

Один из мужчин прокричал Сандерсу несколько слов. Они были странно похожи на речь рептилий. Сандерс не пытался ответить, а в каком-то отстраненном изумлении прислонился к стене.

Он думал о Хуане, который должен был вернуть его о назад через невообразимые столетия — о Хуане и его научном поиске. Несомненно, он собрал уже много материала о городе рептилий, но пока не понимал смысл этого странно искаженного мира, в котором ящероподобные чудовища господствовали над жалким человечеством.

Сандерс горько улыбнулся. Есть ли хоть какая-то вероятность, что он когда-либо сможет представить такой материал Хуану? Не логичнее ли предположить, что четыре стены и клочок тропического неба останутся всем, что он увидит до

конца своей жизни?

День переходил в сумерки. Несколько рабов-рептилий поменьше размером беспорядочно летали над головой и сбрасывали в яму куски мяса. Сандерс немного пожевал, размышляя о том, что лучше ему будет привыкнуть к такой еде.

Той ночью он беспокойно спал на холодной земле. Ему снилось, что все вновь стало нормальным, но раз за разом он просыпался в безнадежной реальности.

Сидя в тени стены в знойную жару следующего утра, он коротал время, мастера грубую набедренную повязку из мохнатых полосок кожи, оставшихся от вчерашней трапезы.

Тем временем человек, обратившийся к нему накануне, присел перед ним на корточки и снова заговорил с ним. На сей раз Сандерс убедился, что язык его был идентичен языку рептилий, хотя и с минимумом шипящих интонаций.

Сандерс с чувством превосходства оглядел этого человека с нависшими бровями. Затем он улыбнулся — в этом новом мире он сам был глупее младенца. Он принял дружбу с Ну-Азом, как назвался его собеседник, подарив тому кусок мяса из числа сброшенных утром в яму.

Дружеские отношения позволили ему в последующие дни освоить новый язык. С появлением первых признаков взаимопонимания Ну-Аз засыпал Сандерса недоуменными вопросами.

— Кто ты такой? — спросил он. — Тебе не место в этой яме.

— Я не понимаю, — ответил Сандерс. — Мне не место ни в какой яме.

Ну-Аз подозрительно отстранился, и Сандерс понял, что неправильно подошел к делу. Он с запинками продолжал, решив прибегнуть к уловке.

— Я ничего не могу вспомнить. Я упал и ушиб голову. Возможно, если бы ты рассказал мне немного, все встало бы на место.

Ну-Аз колебался, но счел его историю правдой.

— Ты в яме Ло-Ло, величайшего из ученых-эволюционистов. И ты и все мы — объекты его экспериментов. У

каждого из ученых есть такая яма. И в Луаде много ученых.

— Что такое Луада? — спросил Сандерс.

— Вижу, твоя травма была серьезной, — сказал Ну-Аз. Луада — это дворец и владения Лу-Ада, императора правящих рептилий. Мне говорили, что за великими морями и лесами есть другие дворцы и другие императоры, но я в этих вещах не уверен.

— Где живут твои люди?

Этот вопрос озадачил Ну-Аза.

— Вот мой народ, — сказал он, указывая на зверообразных существ вокруг. — Эти и те, что в других ямах.

— Но где живут остальные представители вашей расы? — настаивал Сандерс. — Люди, от которых вас увезли, когда захватили в плен?

— Других нет. Меня никогда не брали в плен.

— Ты хочешь сказать, что рептилии убили их всех?

— Других нет, — терпеливо повторил Ну-Аз. — Рептилии царят повсюду. Мы, обитатели ям, — единственные представители новой расы. Снаружи их нет. Ты, я и другие из ям были созданы учеными.

Холодок пробежал по спине Сандерса. В его голове смутно зашевелились нечестивые теории, и он подумал о загадочных пустых ветвях эволюционного древа, построенного учеными двадцатого века.

Великий страх перед этой ужасной тайной прошлого охватил его, и он не осмелился задавать дальнейшие вопросы. Он посмотрел на колоссальный папоротниковый лес, на тенистые зеленые проходы в его глубинах.

— Джунгли были бы к нам добрее, чем рептилии, — сказал он. — Мы с тобой могли бы легко сбежать, взобравшись на стену.

Ну-Аз встревожился.

— Неправильно думать об этом. Ученые запретили покидать ямы. Ты ведь знаешь, что мы должны стать их новыми рабами вместо зорийцев, которых невозможно заполучить в достаточном количестве.

Вероятно, речь шла о рептилиях меньшего размера, что

прислуживали самкам луаданцев, подумал Сандерс. Видимо, их не хватало, чтобы выполнять все необходимые работы по прядению тканей и сбору пищи, так что должна была появиться новая раса рабов.

— Может быть, покидать ямы неправильно, но это то, что я собираюсь сделать. Ты со мной?

В глазах Ну-Аза появилось мечтательное выражение.

— Я с тобой, — сказал он. — Но в соседней яме есть молодая девушка, которая мне нужна. Она должна пойти с нами.

Они дождались наступления темноты. Затем Ну-Аз взобрался на стену. Сандерс двигался медленнее, осторожно нащупывая небольшие щели и выступы. Когда он оказался на расстоянии вытянутой руки, Ну-Аз наклонился и втащил его наверх. Темное тепло леса окутало их, и они услышали шевеление невидимых животных в его дальних уголках.

Ну-Аз был встревожен и колебался, но Сандерс подтолкнул его вперед. Они прошли вдоль стены, и Ну-Аз спустился в темноту следующей ямы. Сандерс ждал. Он слышал шорох, шепчущие голоса. По другой стороне стены, обращенной к джунглям, скользнуло что-то громадное — но что это было, Сандерс определить не мог.

Ну-Аз вернулся на стену. Рядом с ним была длинноволосая чернобровая девушка, которая в ужасе цеплялась за его руку. На ней была полоска жесткой кожи, что придавало ей определенное бессознательное превосходство над Ну-Азом, который был обнажен.

Все трое поползли дальше вдоль стены к переплетению толстых лиан.

— Здесь мы можем подняться, — сказал Ну-Аз. — Заберемся на верхушки деревьев. Там мы будем в безопасности.

Он подтолкнул девушку, и она ухватилась за лианы и начала ловко карабкаться вверх. За ней последовал Ну-Аз, а затем Сандерс.

Глава IV

Первобытные джунгли

Они карабкались все выше и выше по эластичным лианам, и вскоре Сандерс стал завидовать мускульной энергии Ну-Аза и девушки: они взбирались вверх без усталости и, казалось, без всяких усилий. В сотне футов от земли ему пришлось продеть ногу сквозь петлю лианы и отдохнуть. После этого он повторял тот же маневр через каждые пятьдесят футов.

Во время этих моментов отдыха он в полной мере осознал присутствие ползучей, шуршащей жизни, словно наполнявшей джунгли. Он ничего не видел, но в скольжении и лазании этих невидимых существ начал ощущать большую опасность, чем мог себе ранее представить. Он начал подниматься быстрее.

Лианы заканчивались ковром паразитической поросли, покрывавшей верхушки деревьев. Здесь он нашел Ну-Аза и девушку — они лежали на этой поросли, укрывшись большими листьями. Он последовал их примеру, улегся на податливую подстилку из ползучих растений и заснул.

Следующий день и те, что последовали за ним, слились для Кейна Сандерса в один. В сопровождении Ну-Аза и девушки Юзуль он бродил по верхушкам этого гигантского папоротникового леса, ел необычные орехи и фрукты, находил воду в маленьких дуплах деревьев. Но все это казалось экзотическим кошмаром, слишком далеким от реальности, чтобы произвести на него серьезное впечатление.

Некоторые вещи, конечно, поразили его до глубины души. Однажды он спустился из зарослей огромных листьев и лиан наверху и там, под собой, увидел землю, а по ней в визжащей смертельной схватке катались два рогатых и бронированных зверя. Была кровь, отвратительный рев и сотрясающий землю гром, когда монстры снова и снова бросались друг на друга, сминая растения и вздымая фонтаны зелени.

Сандерс наблюдал за схваткой с пересохшим ртом. Наконец одно из чудовищ отступило, встряхнулось и неуклюже скрылось из виду. Он начал медленно взбираться обратно в безопасную верхнюю зону. Теперь Сандерс понимал, что большая часть истории этих рассветных эпох была безвозвратно утеряна палеонтологами двадцатого века. Он видел много реставраций доисторических гигантов мезозойской эры, но они даже приближались по размерам к существам, чье сражение он только что наблюдал.

В густой чаще сада на верхушках деревьев он обнаружил Юзуль в состоянии паники. Ну-Аз неуклюже пытался утешить ее.

— Она говорит, что что-то, — он взмахнул руками, тщетно пытаясь описать это нечто, — преследовало ее.

— Не волнуйся, — сказал Сандерс. — Все чудовища живут на земле. Это единственная безопасная часть джунглей.

Но он ошибался. Той ночью он внезапно проснулся в своем естественном гамаке из листьев и лиан, услышав шорох. Что-то скользило мимо. И пока он лежал там, глядя в темноту, невообразимо огромное цилиндрическое тело закачалось и приподнялось перед его глазами, и два зеленых раскосых глаза на мгновение повернулись, рассматривая его. Потом чудовище исчезло.

На следующее утро Сандерс сделал себе грубое копьё из крепкого шестифутового зубца, который он оторвал от одного из колючих папоротников. Юзуль и Ну-Аз вооружились такими же копьями. Сандерс больше не чувствовал себя в безопасности на верхушках деревьев.

Ближе к полудню он отправился за желтыми ягодами — своим любимым лакомством. Поиски привели его на средние террасы, где в расщелинах гигантских стволов папоротников росли ягоды — одни из многих паразитов в этих джунглях.

Он спустился вниз с легкой грацией циркового гимнаста, скользя по лианам, как паук по паутине. Там, где листва была менее спутанной, он бесстрашно переходил по огромным естественным мостам от дерева к дереву, не обра-

щая внимания на зеленые глубины внизу.

На одном из таких мостов он опустился на колени, чтобы дотянуться до желтых ягод, и почувствовал, как задрожал огромный сук. Подняв глаза, он увидел извивающееся существо,двигающееся по воздуху к нему.

Это была змея, но змея двухсот футов в длину, а толщина ее огромного вздымающегося тела составляла не менее шести футов.

Одно мгновение Сандерс смотрел на блестящие приближающиеся кольца. Затем он повернулся и побежал. В нескольких десятках шагов, оглянувшись на скользящего к нему монстра, он понял всю бесполезность бегства. Он свернул к краю ветки, прыгнул в пространство, зацепился за пучок лиан и с лихорадочной скоростью заскользил вниз. Он поднял глаза. С ветки наверху свешивалась голова невероятной змеи. Раскосые зеленые глаза на миг остановились на убегающей добыче, и огромная лопатообразная голова опустилась вниз со скоростью стрелы.

Ноги Сандерса коснулись другого сука, но поросль мха на нем разошлась под ногами, и он упал лицом вниз. Когда он поднялся на ноги, голова змеи почти нависла над ним. Дальнейшее бегство было лишено смысла.

Он не боялся яда, потому что такое чудовище не нуждалось в дополнительном оружии, но один укус этих гигантских челюстей разрубил бы его тело пополам. Он выставил копьё и, когда голова змеи опустилась к нему, вонзил острие в изумрудный глаз. Затем, в то короткое мгновение, когда монстр отпрянул, он бросился вниз с ветки.

В тридцати футах внизу спутанная масса листьев и ползучих растений подхватила и удержала его. Он лежал неподвижно, не шевеля ни единым мускулом, пока над головой корчился и бушевал царь змей. Наконец тот прекратил свои бешеные метания и умчался в другую часть леса.

Снова воцарилась тишина. Вспотевший от жары и волнения Сандерс возобновил поиски еды. Поев, он поспешил обратно к Ну-Азу и Юзуль и сказал им, что пора искать новый дом.

Они шли по верхушкам леса весь остаток того дня и

весь следующий, стараясь уйти как можно дальше от места обитания гигантского змея, хотя Сандерс начал думать, что бегство бесполезно. У него возникло тревожное убеждение, что они выживают в этих джунглях скорее благодаря удаче, нежели чему-либо другому.

Однажды во время своих долгих странствий они вышли к границе доисторического леса и увидели белые буруны и просторную синеву океана или громадного озера. Почти час Сандерс простоял на ветке гигантского дерева, глядя на сверкающие воды, как будто в любой момент ожидал, что к берегу подплывет какое-нибудь странное судно забытой эпохи.

Но никто не появился, и вскоре он почувствовал, как в него начало просачиваться одиночество этих пустынных волн. Он вернулся к Ну-Азу и Юзуль. Старая и горькая обида на Хуана вновь подняла голову. Надежда умирала. Теперь он чувствовал, что обречен провести остаток своих дней в этом древнем мире, обнаженный и вечно убегающий от опасностей, о масштабах которых он мог только догадываться.

— Утром мы снова двинемся дальше, — сказал он Ну-Азу.

Ну-Аз согласился, но это странствие было не тем, о чем он мечтал. Сейчас, когда Юзуль была рядом с ним, в нем крепло желание постоянства и стабильности — желание найти постоянное убежище.

Они шли по лесу, миля за милей, рассвет за рассветом, ночь за ночью. Юзуль начала жаловаться на беспокойное, бесцельное блуждание.

— Останьтесь со мной еще на один день, — сказал Сандерс, который не желал расставаться со своими товарищами и находил не менее отвратительной мысль о том, чтобы где-то осесть и наблюдать за их попытками наладить домашнее хозяйство.

Утром они снова выступили в путь. В послеполуденной прохладе Сандерс спустился на нижние террасы деревьев и увидел нечто, что заставило его замереть на месте.

По недавно протоптанной тропе брела вереница при-

мерно из двадцати обнаженных человеческих существ, каждое из которых несло плетеную корзину, наполненную свежесобранными фруктами. На мгновение Сандерс охватили сомнения, но затем он догадался, что эти волосатые существа происходили из ям Луады.

Вскоре это подтвердилось: вслед за носильщиками появились две рептилии. Они сложили крылья и ступали на неуклюжих ногах. Каждая была вооружена длинной дубинка, но было очевидно, что они полагались не столько на силу, сколько на укоренившееся послушание своих рабов.

Судя по тому, что корзины рабов были загружены, они возвращались в Луаду. Сандерс обогнал их и вскоре заметил в разрыве густой зелени впереди гранитную поверхность. Его опасения оправдались: беглецы невольно вернулись к городу рептилий!

Сандерс вскарабкался к верхушкам самых высоких деревьев, заполз на выступающую ветку папоротника и посмотрел вниз на куполообразные крыши Луады. Как раз в этот момент на высоком балконе появилось несколько рабов-рептилий с большими корзинами мяса. С кусками мяса в когтях они стали летать над ямами, роняя свою ношу с пронзительными криками. Пришло время кормления.

Один из рабов подлетел вплотную к Сандерсу и устался прямо на него. Он отпрянул и поспешил прочь в поисках Ну-Аза. Тот растянулся на большом листе и грелся на солнце.

— Мы рядом с Луадой, — сказал Сандерс.

Ну-Аз вскочил на ноги. Юзуль выглядывала из-за спины своего господина.

— Нам лучше двигаться дальше, — посоветовал Сандерс. — Было бы небезопасно оставаться так близко.

— Да, — согласился Ну-Аз.

Юзуль взвизгнула и указала вверх.

Над ними, чуть позади, парили три луаданца!

В мгновение ока Сандерс понял, что летающий раб доложил о нем своим хозяевам.

— Вниз! — крикнул он. — Вниз, на нижние террасы!

Но было слишком поздно. Рептилии опустились на огром-

ный лист папоротника. Одна из них, одетая с прихотливой роскошью и усыпанная драгоценными камнями, выступила вперед.

— Мы нашли тебя. Но Лу-Ад милосерден, и хотя наказанием за неповиновение всегда была смерть, мне, Фулу, поручено сказать тебе, что ты не будешь наказан, если вернешься со мной в Луаду без сопротивления.

Сандерс с трудом разобрал искаженные слова.

— Мы не собираемся возвращаться, — сказал он.

— Если мне придется тебя заставить, — заявил Фулу, — ты будешь наказан смертью за свое сопротивление.

Он сделал знак своим спутникам. Они бросились вперед с молниеносной быстротой рептилий, схватили Ну-Аза и Юзуль и понесли их, вырывающихся, прочь в направлении Луады.

Фулу двинулся на Сандерса.

— Назад, — сказал тот и начал отступать.

— Не пытайся сбежать, — предупредил Фулу. — Ты странный экземпляр. Ты проявляешь новые черты непослушания, которым я не могу найти объяснения, и я намерен тщательно изучить тебя, когда ты вернешься в Луаду. Ступай со мной добровольно. Я не хочу, чтобы тебя убили. Смотри, двух других схватили и уже унесли в Луаду. С твоей стороны глупо сопротивляться.

— Я никогда не вернусь, — сказал Сандерс.

— Ты должен! — закричал Фулу и прыгнул на него, расправив крылья и выпустив когти.

Все спуталось и произошло одновременно. Сандерс увидел, как ящер с малиновыми глазами прыгнул к нему. В то же мгновение он ощутил головокружение, и в воздухе вокруг него загорелись голубые потрескивающие искры. Он почувствовал, как когтистая лапа Фулу сомкнулась на его запястье, а затем потерял сознание.

Он лежал на холодном столе.

В его ушах стоял затихающий гул огромной машины, угасание огромной мощи. Над ним склонились три лица — и внезапно он вспомнил и понял. Это были лица Карлайла, Хуана и Такашай.

И, как непосредственное напоминание о случившемся, его руку сжимала отрубленная лапа Фулу!

— Вы вернулись, — сказал Такашай, — и эксперимент удался.

— Да, — сказал Сандерс с тенью улыбки. — Успех.

Глава V

Человек из рептилии

Закончив свой рассказ, Сандерс засунул руки в карманы позаимствованных у ученых брюк и спустил ноги на пол.

— Ты мне не веришь? — спросил он.

Я смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Конечно, — возразил я. — Да, конечно, верю. Но во всем этом так много...

— Да, — перебил он меня, — здесь много необъяснимого. Ты хочешь задать вопросы? Что ж, давай.

Я мысленно перебрал многие вещи, которые ставили меня в тупик, а затем решил начать с самого начала.

— Ты путешествовал во времени?

— Да. Точнее говоря, скорость времени была для меня изменена. Хуан рассказал мне кое-что об этом, и я постараюсь изложить тебе все, что могу вспомнить.

Время — это не константа. Хуан рассказал мне о практическом эксперименте, проведенном около пятнадцати лет назад, который определенно это доказывает. Возможно, ты этого не знаешь, но простой атом натрия — лучшие часы, чем можно купить в любом магазине. Когда его электроны возбуждены, он испускает электромагнитные волны с частотой что-то около пятисот девяти с половиной миллионов колебаний в секунду — и это одинаково для любого атома натрия, независимо от того, какие особенности состояния и окружения воздействуют на него.

Сейчас в хромосфере Солнца много испаренного натрия, и спектроскопический анализ этого вещества показывает,

что его атомы вибрируют с *меньшей скоростью*, чем атомы натрия на Земле. Иными словами, время — как мера физических изменений — на Солнце течет медленнее.

Таков был основной принцип Хуана. Время — это не константа. Затем он пошел дальше, чтобы выяснить, из чего на самом деле состоит время, и решение заключалось в том, что разница в солнечном и земном времени может быть объяснена разницей в массе. То есть, при наличии большего, чем у Земли, гравитационного поля время течет медленнее. Точно так же, в маленьком мире время движется быстрее.

— Я все еще не понимаю, как Хуан нашел тебя в огромном мире морей и джунглей, — сказал я.

— Хуану не требовалось находить меня — эта часть задачи решалась буквально автоматически. Видишь ли, я и моя одежда были единственными инородными элементами, единственными вещами, которые не принадлежали к той конкретной точке мира...

— Но как... — начал я.

— Погоди. Представь себе лабораторию Хуана. Прошло пятнадцать минут после моего ухода в мезозой. Хуан занят моим возвращением. Исходя из соотношения времени и гравитационного потенциала между Землей и Солнцем, а также из мощности гравитационного поля, которое он мог бы создать, не разрушая пространство, он вычислил, что мое путешествие в прошлое займет около трех часов.

Отправив меня, он больше не интересуется этой частью моей жизни. Он выбирает точку на мировой линии — представляющей собой путь тела как в пространстве, так и во времени — точку на месяц раньше той, в которую он послал меня. Затем он создает еще два гравитационных поля и проецирует внутреннее в эту точку.

Там оно вступило со мной в контакт, и в пределах его затормаживающего влияния время текло медленно, в то время как снаружи пролетали целые тысячелетия земного времени, в конце концов достигнув тысяча девятьсот пятидесятого года и лаборатории Хуана. Если бы я был в сознании и наблюдал за циферблатом, для меня это было бы все-

го лишь четырехчасовым путешествием.

— Четыре часа? — спросил я. — Но ты говорил о трех?

— Это немного озадачило Хуана. Он предположил, что часть гравитационного поля, должно быть, закрепилась на моей одежде, находящейся где-то в Луаде — уменьшив таким образом мощность моего поля и растянув путешествие до четырех часов.

Интересно, где сейчас эта одежда? Миниатюрное поле еще может доставить ее в лабораторию через день или два. Или, поскольку Хуан отключил машину, она, вероятно, закончила свой путь в ледниковом периоде!

— Подумать только, что последние остатки этой почти невообразимой цивилизации рептилий, должно быть, давным-давно исчезли с лица Земли! — сказал я.

— Не все, — напомнил мне Сандерс. — Вспомни коготь Фулу. Думаю, он считает, что ему повезло, раз поле не снегло ему голову. Во всяком случае, это неправильный взгляд. Это так странно... Прошое, настоящее и будущее словно существуют одновременно, как катушка киноплетки, развернутая вдоль дороги.

Только при движении вдоль пленки возникает иллюзия движения в ней и представление о времени. Тем не менее, прошое, настоящее и будущее — все это присутствует одновременно, хотя люди в фильме должны следовать наменченному для них пути. Если бы только эти люди могли освободиться от пленки — хотя, конечно, это всего лишь образы, — перед ними открылась бы вся панорама времени. Я думаю, что со мной было что-то подобное.

— Есть кое-что еще, — сказал я. — Эти рептилии были разумными — как люди.

— Как люди, — повторил Сандерс, будто в этих словах заключался какой-то тайный смысл. — Да, Хуан считает, что цивилизация Луады была последней попыткой природы вручить рептилиям скипетр мирового господства.

Одной из главных основ выживания является создание племени, и именно поэтому может случиться, что нашей планетой будут править муравьи. Но когда луаданцы начали баловаться в своих лабораториях, они разрушили все пла-

ны природы и бессознательно вызвали собственное падение.

— Кстати, — спросил я, — ты выяснил, откуда взялись Ну-Аз, Юзуль и другие?

Сандерс сердито вскочил.

— Неужели ты упустил весь смысл — всю правду об этом? Вспомни слова Ну-Аза: «Нас создали луаданцы». Теперь ты понимаешь? *Человеческая раса была создана в лабораториях Луады!*

— Это чистое безумие, — сказал я, с трудом сдерживая возмущение. — Они не могли создать жизнь.

— Почему нет? Жизнь — это всего лишь химический курьез. И это не решение, как его видит Хуан. Ученые Луады экспериментировали с *зародышевыми клетками, взятыми из собственных тел*, проводя извращенный и спланированный эктогенез. Так было положено начало человеку и его эволюции. Как видишь, Хуан не так уж далек от общепринятой теории происхождения человека от рептилий. Он просто восстановил главное связующее звено.

— Я отказываюсь верить, — сказал я. — Это слишком фантастично и отвратительно. Тебя ввели в заблуждение.

— Я молю небеса, чтобы так оно и было — хотя все это согласуется с тем, что Хуан предполагал до эксперимента.

— Это кое-что мне напомнило, — внезапно сказал я. — Эти люди — ты должен знать, где они. Я позвоню в полицейское управление, и их заберут для...

— Нет, — сказал Сандерс, слабо улыбаясь при виде моего волнения, — ты не сделаешь ничего подобного. Видишь ли, я с ними договорился. Завтра я возвращаюсь в папоротниковые джунгли и Луаду, чтобы раз и навсегда узнать правду.

* * *

И он ушел, как и обещал.

И пока я пишу заключение к рассказу Сандерса, мой ра-

зум играет с его невероятными теориями. Рептилии — человек — а дальше насекомые.

И кто знает, какие непротоплазменные циклы злобных монструозностей сменялись в первобытном иле и тумане остывающей Земли за эоны до того, как природа задумалась о рептилиях? Кто может предположить, какие антропоморфные формы будут блуждать в бессмертной ночи этой планеты, когда наше солнце превратится в тлеющий уголек, а рептилия, человек и насекомое — в забытый сон?

Иногда, в моменты сомнений, я завидую Сандерсу, потому что ему дано это знать.

Роберт Артур

МОГИЛА ВРЕМЕНИ

THRILLING

WONDER

STORIES

15¢

NOV.

**A THRILLING
PUBLICATION**

FEATURING

THE DAY TO COME

**A Complete Novel of
Earth's Last Stand**

By DON TRACY

THE TOMB OF TIME

A Novelet of Magic Life

By ROBERT ARTHUR

THE WHITE BROOD

A Spaceways Novelet

By HAL K. WELLS

Жизнь может идти только вперед. Природа никогда не позволяет прошлому ожить снова или форме жизни, которую она убила, восстать из мертвых.

Д-р Стек Даволио, «Прогресс жизни»

Глава I

Окаменелости на продажу

Джонни Марлоу не сразу сообразил, что кто-то уже в третий раз звонит во входную дверь. Он был очень занят, так как одновременно думал о Дженис Эймс и покрывал лаком окаменевшие кости сеймурии.

Сеймурия, коротконогое насекомоядное размером с терьера, умерла около двухсот миллионов лет назад в Техасе, даже не подозревая, что в конце концов окажется в подвале Музея окаменелостей Никеринга.

Джонни Марлоу очень интересовался сеймурией, а точнее тем, что от нее осталось: судя по некоторым особенностям скелета, данная сеймурия была старше любого другого найденного экземпляра.

О, если бы этот факт подтвердился! Старый Гаррисон Дж. Никеринг, прославившийся от побережья до побережья маниакальной страстью к ископаемым, вероятно, закатил бы семь приступов восторга и выписал Джонни Марлоу премию, а может, и прибавку к жалованью и, не исключено — хотя и маловероятно — отпуск. Все это предоставило бы Джонни долгожданную возможность жениться на Дженис Эймс, племяннице и секретарше старого Никеринга, и уделить немного внимания будущему, а не только прошлому жизни на Матери-Земле.

Но еще вопрос, как старый Г. Н., этот властный тиран, взрывной характер которого и Везувию дал бы сто очков впе-

ред, отнесется к идее их брака...

Звонок прервал приятные мечты о Дженис, о совместных экспедициях по поиску окаменелостей и о месте главы кафедры палеонтологии здесь, в Кост-колледже. Джонни неохотно отложил кисть и побрел навстречу.

За запертыми дверями здания миссионерского типа нетерпеливо переминался с ноги на ногу высокий, широкоплечий, загорелый до медного цвета мужчина. Джонни отпер дверь и едва успел заметить удлиненные черты решительного лица, темные горящие глаза и черную как смоль бороду, как высокий незнакомец протиснулся мимо него, держа в каждой руке по огромному фибровому чемодану.

— Скажите этому старому воришке окаменелостей Никерингу, что пришел Стек Даволио и что я могу уделить ему только час, — распорядился вошедший, останавливаясь в вестибюле музея. — Кстати, видел ли он во вчерашней газете сообщение о том, что Саймонсон из Бостона раздобыл второй экземпляр компсогната?

— Компсогнат! — воскликнул Джонни. — Динозавр величиной с кошку? Не знаю. Может быть. Вчера он был в ярости и ходил вокруг, фыркая на все наши экспонаты. Я надеялся порадовать его новой сеймурией раннего пермского периода, доктор Даволио, но...

— Зовите меня Стек, — велел тот. — Человеческой расе осталось не более ста тысяч лет — всего один день по сравнению с тем, что было у великих ящеров, — и мы не можем тратить их на титулы. Просто сообщите Никерингу, что я подвигаюсь.

Легко неся свои тяжелые чемоданы, высокий мужчина направился к лестнице. Джонни Марлоу, благоговейно следивший взглядом за легендарной фигурой ученого, палеонтолога, охотника за ископаемыми и падшего гения, опозорившего себя в глазах научного мира, позвонил своему боссу и передал ему сообщение.

— Передайте этому подлому мошеннику Даволио, что я не желаю его видеть! — Рев в трубке чуть не сокрушил барабанные перепонки Джонни. — Вышвырните его вон. Вызо-

вите полицию! Скажите ему, что я прикажу его арестовать. Тот череп «Бирманского человека», что он мне продал...

Джонни поспешно повесил трубку. Когда Никеринг заводил речь о черепе «Бирманского человека», который оказался всего лишь черепной коробкой обезьяны, страдавшей какой-то разновидностью обезьяньей гидроцефалии, все вокруг опасно разбежались.

Предчувствуя жестокое столкновение, Джонни помчался к лестнице. Стек Даволио был для Никеринга тем же, чем красный флаг для быка. О Даволио ничего не было слышно последние три года, и другие палеонтологи считали его мертвым. Именно из этого колледжа, спонсировавшего палеонтологический факультет и музей, Даволио был с позором уволен десять лет назад.

Джонни часто жалел о том, что увольнение Даволио — тот якобы прикарманил крупную сумму из средств, выделенных Никерингом на поиск ископаемых в Гоби — так неудачно совпало с публикацией его книги «Прогресс жизни». Конечно, Даволио отзывался о всех своих современниках-ученых как о кучке замшелых очкастых ретроградов, но книга его была здоровой и даже блестящей. Однако благодаря язвительному тону и недавней дискредитации автора как мошенника она не вызвала ничего, кроме насмешек, и Даволио впал в ярость. Он винил Никеринга в своем увольнении, в обрушившихся на него обвинениях. Несмотря на свой несомненный гений, Даволио не смог найти другую работу и стал путешественником и охотником за ископаемыми, сделавшим несколько удивительных находок в дальних уголках земного шара.

Но и в этих путешествиях в неизвестность он не сумел сохранить свои руки чистыми. Доходили отвратительные слухи о его жестокости по отношению к туземцам и даже убийствах. Постепенно выяснилось, что некоторые из самых поразительных его находок были подделками. Его последней мистификацией был череп «Бирманского человека», который он продал Никерингу через посредника за непомерно высокую цену.

Так что, когда Даволио исчез из виду, общий вердикт

был — «скатертью дорога». Но теперь, когда этот человек, по всей видимости, воскрес из мертвых...

Тем не менее, когда Джонни Марлоу ворвался в кабинет Никеринга, никакого буйства не совершалось. Дженис Эймс, как всегда невозмутимая и милая, стояла позади приземистого седовласого миллионера, с интересом разглядывая охотника за ископаемыми, а сам Никеринг, облокотившись на свой стол из окаменелого дерева, мрачно смотрел на Даволио.

— Три! — пролаял он. — Я даю вам три минуты, чтобы убраться отсюда, прежде чем я вызову полицию!

Дженис и Джонни обменялись быстрыми влюбленными взглядами. Затем, с облегчением заключив, что все относительно спокойно, молодой палеонтолог сосредоточился на Даволио.

Тот, наклонившись, открыл один из своих фибровых чемоданов и достал небольшую коробку с откидной крышкой. Поставив ее на стол, он откинул крышку.

— Взгляните, — пригласил он с учтивым мурлыканьем в голосе, — а потом поговорим о вызове полиции.

Никеринг посмотрел, и помимо воли его лохматая грива волос цвета перца с солью ошетичилась, как наэлектризованная.

— Компсогнат! — закричал он. — Идеальный скелет! И выглядит свежим, как вчерашние куриные косточки. Я в это не верю!

Джонни и Дженис уставились через его плечо на крошечный скелет динозавра в коробке. Компсогнат, динозавр не больше кролика!

— Нет! — задохнулся Джонни. — Мистер Никеринг! Тираннозавр! Это тираннозавр рекс! Во всех деталях, кроме размера!

Густые брови Даволио приподнялись в сардоническом веселье.

— Умный у вас помощник, Никеринг, — похвалил он. — Он прав. Сам старый тиран. Под личным руководством Стека Даволио.

— Тираннозавр! — проревел взволнованный миллионер.

— Невозможно! Кто когда-нибудь слышал о таком маленьком тираннозавре? Даволио, вы зашли слишком далеко с вашими фальшивыми окаменелостями!

Продолжая свою гневную речь, он все же потянулся за большим увеличительным стеклом. Постепенно его слова замерли в тишине. Наконец он отложил лупу в сторону.

— Что ж, — сказал он приглушенным тоном, — это подлинник. Я имею в виду, это настоящий скелет. Но я не поверю, что это тираннозавр.

Лицо Даволио потемнело. Он пожал плечами.

— Какая разница? — спросил он. — Это уникам, что бы это ни было. Он вам нужен?

— Конечно же нужен, черт бы вас побрал! — В коллекционерском азарте Никеринг, казалось, забыл о своей ненависти к собеседнику. — Откуда он взялся?

— Если вы настаиваете, я скажу вам, — с мягкой вкрадчивостью ответил охотник за ископаемыми. — Из верхнеюрских формаций в Колорадо.

На мгновение могло показаться, что Никеринг взорвется от этого уклончивого ответа. Но он придержал язык, с голодной жадностью глядя на чемоданы Даволио.

— Что еще у вас есть? — осведомился он.

Даволио достал еще две коробки, похожие на первую, поставил их на стол и открыл. Все трое молча, с выражением изумления и недоверия на лицах, уставились на скелеты внутри.

— Аллозавр и трицератропс! — снова взревел Никеринг. — И они не больше кошек! Я этого не понимаю, Даволио. Здесь какая-то тайна, а я не люблю тайны! *Откуда взялись эти кости?*

Стек Даволио вздохнул и одну за другой закрыл коробки.

— Вижу, мне придется вылететь вечерним рейсом на восток и потолковать с Саймонсоном, — заметил он. — Что поделаешь, раз уж бизнес вас не интересует...

— Постойте, черт возьми! — взъярился миллионер. — Мы заключим сделку, и вы это знаете. Тайну я разгадаю позже. А сейчас скажите-ка, сколько?

Охотник за ископаемыми ухмыльнулся и поставил коробки на стол.

— Я рискну, — предложил он. — Вы заплатите мне все наличные, которые есть у вас в сейфе. Независимо от суммы, я не буду просить больше.

Никеринг прикусил губу, маленькие глазки сверкнули. Затем он сдался, как будто опасаясь, что Даволио все еще намеревался куда-то увезти эти три чрезвычайно захватывающих скелета. Он кивнул, и Джонни открыл маленький сейф, где Никеринг хранил наличные для покупки появляющихся на рынке образцов. Затем он подал Никерингу кассовый ящик, и тот высыпал содержимое на стол.

— Вот, — прорычал он. — Но как вы догадались, что я только что снял в банке деньги? Я бы дорого дал, чтобы узнать.

Даволио пересчитал деньги и с довольным видом рассовал их по карманам.

— Пятьдесят тысяч, — заметил он. — Примерно на это я и рассчитывал. А за ответ вам платить не придется. Вчера я прочитал заметку о Саймонсоне. Я знал, что вы тоже ее увидите и позеленеете от зависти. Первым делом вы помчались в банк и сняли деньги, мечтая заключить любую выгодную сделку и снова получить преимущество над Саймонсоном. У вас, коллекционеров, средний умственный возраст — шесть лет. Иначе вы не были бы коллекционерами.

Лицо Никеринга залилось краской, но он воздержался от комментариев.

— Только что я услышал чертовски забавный звук, — проворчал он вместо этого. — И он донесся из того чемодана, который вы еще не открывали. Что у вас там?

Брови Даволио насмешливо приподнялись.

— Если я покажу вам, вы не поверите, и даже если поверите, вы слишком скупы, чтобы заплатить мою цену, — ответил он. — Однако...

Он подошел к окну и закрыл его. Затем извлек из левого кармана пару кожаных перчаток и надел их. Из правого кармана Даволио достал странный кристалл из цветного стекла. Он положил его на стол, и кристалл залил столеш-

ницу потусторонним переливающимся сиянием. Только тогда он отпер чемодан, открыл его, сунул руки внутрь, немного порылся в чемодане и выудил нечто, изо всех сил пытавшееся вырваться у него из рук. Это нечто он поместил прямо перед нетерпеливым взглядом Никеринга и отступил назад.

Глаза Джонни, Дженис и их работодателя вылезли из орбит. Они затаили дыхание.

Глава II

Ожившее прошлое

Существо на полированной поверхности стола было примерно двух футов длиной от носа до кончика хвоста. Туловище составляло не более трети от этой длины. Длинная и утончающаяся шея заканчивалась крошечной головкой, которая была разделена зияющей пастью; зубы на челюстях росли лишь спереди. Хвост переходил в тонкий хлыст. Серо-зеленая шкура была бугристой и толстой. Существо посматривало на них крошечными глазками, полуприкрытыми пленкой.

— Бронтозавр! — захлебнулся Никеринг. Дженис и Джонни только ахнули. — Живой бронтозавр, и меньше собаки! Дженис! Позвони остальным. Скажи им, что они должны немедленно прийти сюда и увидеть это!

Дженис сняла трубку внутреннего телефона. Тем временем Никеринг восторгался существом, которое теперь шарило носом по полированной столешнице в поисках еды. Краем глаза Джонни Марлоу краем глаза заметил, что Стек Даволио стоял в стороне со странной скрытной улыбкой на лице, но, поглощенный бронтозавром, не придавал этому никакого значения.

Дверь отворилась, и вошли Пикермен и Дональдсон — оставшиеся сотрудники отдела палеонтологии. Они ничем не походили друг на друга, кроме одного: запутанного вы-

ражения лиц людей, ожидавших какой-то взбучки.

При виде существа на столе Никеринга глаза их зажглись недоверием.

— Бронтозавр! — ахнул Пикерман.

— Живой бронтозавр! — эхом повторил Дональдсон. — Н-н-но...

Никто не ждал, пока он закончит: Даволио снова полез в свой чемодан.

— И, — любезно сказал он, — вот живой тираннозавр, не менее маленький, такой же живой трицератопс и живой птеранодон, самый причудливый из всех птеродактилей! Смотрите, чтобы он не вцепился вам в волосы.

Гордый, как фокусник, извлекающий животных из воздуха, Даволио поместил существ на стол. Крошечный тираннозавр тотчас приподнялся на своих мощных задних конечностях и свирепо огляделся, молотя передними лапами воздух. Трицератопс, величиной с крупную крысу, первым привлёк его внимание.

Третью часть тела трицератопса занимала голова, и эта голова была защищена большим костяным щитом. Щит расходился оборкой, плотно закрывая шею. Из костяного воротника торчали вперед трехгранные рога, острые, как ножи. Еще один рог, поменьше, возвышался на морде.

Тираннозавр выпрямился, издав хриплый крик, который эхом разнесся по комнате, как свист сирены, и бросился к трицератопсу, рискуя угодить на острые рога в попытке добраться до незащищенного позвоночного столба. Но Даволио успел вмешаться.

Рука в перчатке схватила разъяренного динозавра за шею и оттащила его от добычи. Тираннозавр хлестал хвостом и выпускал пронзительные свистящие вопли протеста.

— Нет, мальчик! — строго сказал Даволио. — Если ты голоден, попробуй это.

Он достал из чемодана и бросил на стол сырую отбивную. Динозавр поставил на нее заднюю лапу и начал рвать мясо на большие куски, жадно проглатывая их и глядя на столпившихся людей с диким вызовом.

— Приятный малый, — ухмыльнулся Даволио. — А те-

перь... осторожнее!

Никеринг пригнулся, услышав его восклицание. Птеродактиль пронесся мимо лица миллионера, промахнувшись на долю дюйма. Фантастическое существо с огромными щелкающими челюстями и невероятным костяным наростом, торчащим прямо из затылка и уравнивающим эти челюсти, поднялось выше, описало круг, дважды обогнуло голову Даволио и опустилось на его вытянутую руку.

— Он не хотел причинить вам вред, — усмехнулся охотник за ископаемыми. — Наверное, принял ваш нос за спелое яблоко. Вот что ему действительно нравится.

Он поставил птеродактиля на стол и вытащил из чемодана кочан салата. Разломив его на три части, он раздал еду всем травоядным экземплярам. Дружелюбно, как и подобало их мягкому, кроткому нраву, они принялись жевать зеленый корм.

— Даволио! — произнес Гаррисон Никеринг хриплым шепотом, наконец обретя дар речи. — *Откуда взялись эти существа?*

— Да! — вставил Пикерман, возбужденно взъерошивая волосы. — Откуда, скажите, откуда, во имя небес? И что это за сияющий кристалл на столе?

Загорелый путешественник закурил сигарету и выпустил из ноздрей струйку дыма.

— Может быть, я поймал их в мышеловки на задворках чужого сарая, — заявил он.

В глазах Даволио горел огонек дикой насмешки. Джонни Марлоу нахмурился, пытаясь понять, что мог замыслить Стек Даволио — внезапно он проникся убежденностью, что визит охотника за ископаемыми преследовал какую-то пока еще тайную цель.

— Или, может быть, они мне приснились, — продолжал Даволио, в то время как остальные непонимающе смотрели на него. — Или, возможно, я проснулся на Рождество и обнаружил, что Санта-Клаус оставил их у меня в чулке. А может, их вообще не существует. Потому что они не должны существовать, знаете ли. Если природа однажды уничтожила какой-либо вид, она никогда не позволит ему вос-

креснуть. И этих она совершенно определенно уничтожила, по своим собственным причинам, несколько эонов назад. Вместе с огромным количеством других рептилий, многие из которых не оставили нам даже костей.

— Я знаю это так же хорошо, как и вы! — взорвался Никеринг. — Вот почему я хочу знать, откуда взялись эти существа! Скажите мне это, скажите, как случилось, что они живы, когда по всем законам природы должны быть мертвы, и можете назвать свою собственную цену.

— Ах! — выдохнул Даволио. — Как это мило с вашей стороны. Я назову цену. И цена эта — ничего.

— Ничего? — На мгновение Никеринг, казалось, остолбенел. — Я не понимаю.

— Ничего! — с ударением повторил охотник за ископаемыми. В его голосе появились новые нотки, которые заставили остальных вдруг заметить темный, тлеющий огонек, который Джонни уже видел в его глазах. — Они не продаются!

— Не продаются! — в отчаянии вскричал миллионер. — Прекратите шутить! Назовите свою цену! Не хотите, так я сам назову. Четверть миллиона!

Стек Даволио протянул руку и начал одного за другим возвращать животных в чемодан.

— Полмиллиона! — проревел Никеринг.

Даволио захлопнул чемодан и выпрямился.

— Миллион долларов! — закричал коллекционер. — Миллион наличными!

Его лицо было багровым от бешенства, жилы на шее вздулись. Он был похож на человека, находящегося на грани сердечного приступа. Джонни Марлоу обменялся быстрым испуганным взглядом с Дженис Эймс. Она тоже явно поняла то, что пока не стало очевидным для остальных — Даволио намеренно провоцировал Никеринга. Тщательно подогревал его возбуждение, раздувал в нем манию коллекционера, пока обладание четырьмя невероятными созданиями не стало значить для Никеринга больше, чем что-либо иное в жизни. И, сделав это, Даволио собирался теперь отобрать их.

— Миллион долларов? — презрительно произнес Даволио. — Что такое миллион долларов для человека, который может погрузить руку в самую могилу времени и воскресить исчезнувшие эпохи? Я взял пятьдесят тысяч за скелеты ради забавы и потому, что скелеты мне ни к чему. Но деньги для меня ничего не значат — сейчас. Когда-то значили, после того, как кучка протухших глупцов выгнала меня с работы по приказу богатого тирана.

Да, тогда деньги имели для меня значение, и я развлекался и мстил, получая их от вас и других с помощью поддельных окаменелостей, таких, как череп «Бирманского человека». Я водил вас за нос. Выставлял вас дураками.

В глазах высокого мужчины светилось теперь что-то холодное и горькое, и он так крепко сжимал ручки своих чемоданов, что костяшки пальцев побелели.

— А моя книга, проливающая совершенно новый свет на прошлое! Ее подвергли осмеянию и глумлению, и все из-за вашей враждебности и насмешкам других, подобных вам, но не таких богатых и могущественных. Возможно, вы думаете, что мне нравилось, когда меня считали отступником и мошенником, блестящим ученым, пошедшим «по кривой дорожке», как, вероятно, говорили обо мне тысячу раз. Нет, мне не нравилось. Я люблю почести и уважение, как и любой другой человек, и меня раздражало, когда разные ничтожества отказывали мне в этом.

Но, несмотря на все ваши недостатки и глупость, в вас есть кое-что подлинное — знание прошлого и страсть к нему. И это отдало вас в мои руки, Никеринг. Сегодня я показал вам прошлое, живое, дышащее, воскресшее. В течение четверти часа вы вглядывались в мертвые века и видели существ, которых ни один человек не осмелился бы надеяться увидеть. В течение пятнадцати минут вы видели себя владельцем этих живых призраков и обладателем самых редких и невероятных созданий, которые только может вообразить человеческий разум.

И теперь я забираю у вас все это. Вы никогда больше не успокоитесь, никогда не будете довольны и счастливы, зная, что эти создания существуют, а у вас их нет. Такова месть,

о которой я мечтал десять лет. Я владею чем-то, что нельзя купить за ваши деньги, ведь деньги у меня сейчас тоже есть. О, денег у меня достаточно. Невозможно годами исследовать края земли и ничего не найти, и три года назад — как раз перед тем, как я исчез и, несомненно, был без особого сожаления сочтен мертвым вами и другими — я наткнулся на золотую жилу. Она сделала меня независимым от кого бы то ни было. Да, и еще на кое-что я наткнулся — на них.

Даволио кивнул на чемоданы.

— Можете попытаться угадать на досуге, какие еще чудеса я, возможно, обнаружил, — закончил он, пристально глядя темными глазами на опухшее, покрывшееся пятнами лицо Никеринга. — Гадайте и продолжайте страдать, потому что вы этого не узнаете. А теперь — до свидания.

Не оглядываясь, Даволио пересек кабинет и исчез за дверью, оставив всех пялиться ему вслед с открытыми ртами. Гаррисон Никеринг тщетно пытался подобрать слова. Наконец он смог заговорить.

— Марлоу! — сказал он, и его голос мало напоминал человеческий. — Проследите за ним! Не попадайтесь ему на глаза, но узнайте, куда он направится — потому что мы поедем за ним. Если он не продаст этих существ — мы заберем их!

Глава III

Первая подсказка

Этот приказ было легко отдать, но невозможно исполнить. Джонни Марлоу смог проследить за охотником за ископаемыми до аэропорта. Но там Даволио взлетел на старом самолете-амфибии, который служащие аэропорта назвали его собственным, и растворился в синеве.

Гаррисон Никеринг бесновался и бушевал. Но весь его темперамент, все его угрозы, все его миллионы были бес-

сильны. Даволио скрылся.

В последующие дни Джонни Марлоу увольняли с десятков раз. Только мысль о Дженис удерживала его на службе у взвинченного, резко постаревшего человека, в какого буквально в одночасье превратился Гаррисон Никеринг.

Предсказание Даволио сбылось. Миллионер был похож на одержимого. Пока драгоценные звери ускользали от него, он не мог спать, не мог есть. Тот факт, что Джонни удалось подтвердить свои первые подозрения относительно сеймурии, несколько его не успокоил. Джонни и Дженис с замиранием сердца поняли, что до тех пор, пока Никеринг не завладеет живыми окаменелостями, они никогда не смогут надеяться получить его согласие на их брак. А без его согласия они ничего не могли сделать.

Остальные сотрудники слонялись вокруг в настороженном молчании. Все они поклялись хранить тайну. Никеринг был полон решимости выследить Даволио и каким-то образом заполучить четырех рептилий. Тогда, и только тогда, мир должен будет узнать о них. Тем временем, преследуя эту цель, он бросил все свои ресурсы на поиск охотника за ископаемыми.

Первые зацепки, судя по всему, вели в никуда. Было установлено место последней охоты Даволио — юрские образования бесплодных земель Колорадо. Никеринг, Джонни и Дженис лично вылетели туда, надеясь, что это место и было источником скелетов и живых рептилий, показанных им Даволио.

Но юрские слои не содержали ничего нового, и они мало что смогли найти в каньоне, куда привел их индеец, бывший главным проводником Даволио.

Там, в этом каньоне с почти вертикальными стенами, возникшем в последние столетия благодаря водной эрозии, они нашли несколько обломков, напоминавших оплавленный кварц.

Гид рассказал, что таких обломков было еще много, но дожди трех зим, должно быть, смыли их.

Среди них, словно некое покрытие, возвышались шесть больших плит темноватого камня, правильных по размеру

и форме, как полки в шкафу. Даволио в сильном волнении вызвал рабочих и велел отнести плиты в лагерь.

Больше индеец ничего не мог им поведать — разве что указать на огромную дыру, зиявшую в утесе на полпути вверх. Она была прямоугольной, с прямыми сторонами, как будто в ней находился какой-то огромный ящик, который выпал в каньон из разрушающегося утеса.

— Третичное скальное образование, — заметил Джонни, хмуро разглядывая отверстие. — Выглядит чуть ли не так, будто в этой дыре что-то было похоронено. Но это глупо: будь это так, оно должно было быть помещено туда чертовски много миллионов лет назад.

Приложив значительные усилия, Марлоу вскарабкался по склону каньона и сумел продержаться на стене несколько секунд; за это время он сделал снимок дыры и убедился, что она совершенно пуста. Затем он наполовину соскользнул, наполовину упал на скальную полку внизу. Именно на ней, поднимаясь на ноги, он сделал их единственную находку. Это была небольшая, но важная подсказка.

Ногой он задел какой-то округлый камень. Но, подняв его, он увидел, что это была разбитая скорлупа размером в половину страусиного яйца, наполненная рыхлым гравием. Джонни, нахмурившись, повертел его в пальцах.

— Съесть мне ее на месте, если это не скорлупа от яйца динозавра, — заметил он без особого энтузиазма. — Но вид самого динозавра, должно быть, неизвестен. Не знаю я, что это невозможно, я бы сказал — сломана не более нескольких лет назад. В некоторых местах виден любопытный налет. По ощущению немного напоминает желатин. Вероятно, желатинозная минеральная корка.

Но Гаррисон Никеринг, приехавший сюда в надежде раскрыть секрет живых окаменелостей, не заинтересовался простой скорлупой яйца динозавра. Он нетерпеливо повел Джонни и Дженис к самолету и все трое, несолоно хлебавши, вылетели обратно в Сан-Франциско.

В музее Джонни стал мрачно проявлять сделанные им снимки, бесплодно размышляя о загадке.

Где Даволио раздобыл четырех крошечных животных,

которых он им показывал? Где он мог их раздобыть? Джонни был в полном недоумении.

Марлоу извлек проявленные пленки из промывочного лотка и передал их Дженис. Та пропустила их через сушильные ролики.

— Этот снимок той дыры в скале, — заметила она, поднося негатив к свету, — вызывает у меня забавное чувство. Она... она почему-то похожа на могилу, из которой украли гроб. Глупая идея, верно? Но почему на всех негативах этой пленки видны полосы? Что-то случилось с проявителем?

— Полосы? — переспросил Джонни Марлоу и взял пленку. — Световые полосы! — воскликнул он. — Ничего не понимаю. Я был крайне осторожен...

Он неожиданно замолчал и начал внимательно взглядываться в негативы.

— Дженис! — озадаченно сказал он. — Это не обычные световые полосы. Я уже видел нечто подобное раньше, когда кто-то поднес пленку к радию. Излучение радия может испортить пленку, прямо как рентгеновские лучи.

— Радий! — Глаза девушки вопросительно и недоуменно смотрели на него. — Ты хочешь сказать, что в этой дыре мог быть радий?

— Там или где-нибудь поблизости, в утесе, — нахмурился Джонни. — Радиевые соли, возможно. Фух! Какое счастье, что я провел наверху всего лишь несколько секунд! Но... радий в колорадском утесе! Это не имеет смысла!

Звонок внутреннего телефона прервал его монолог. Гаррисон Никеринг звал их к себе в кабинет. Коллекционер сидел за столом с миной свирепого удовлетворения на лице.

— Я нашел его! — рывкнул он, всовывая в руку своего помощника карту с карандашными пометками. — Знал, что найду, и нашел. Мир стал слишком мал: в наши дни невозможно вечно прятаться, если кто-то достаточно сильно хочет тебя найти. Он там. На этом острове, который я отметил, у нижнего побережья Центральной Америки. Купил его три года назад у правительства, как раз в то время, когда исчез. На острове никто не жил, но он привез с суши

отряд рабочих, построил несколько зданий, и с тех пор они никогда не покидали это место. Что он там делает, никто не знает.

— Но почему он выбрал *этот* район? — спросил Джонни, уставившись на крошечную точку, которую Никеринг обвел красным. — Это страна землетрясений. На третьем курсе я был на раскопках в этом районе, и Адамс, наш сейсмолог, просто места себе не находил. Сказал, что недалеко от берега проходит локальный разлом и что землетрясение может случиться в любую минуту. Даволио, вероятно, не знает об этом, поскольку не является специалистом в этой области.

Никеринг нетерпеливо махнул рукой, призывая к тишине.

— И что с того? — огрызнулся он. — Что бы Даволио ни замыслил, именно там он прячется. И там он держит четырех существ.

— Да, конечно! — ответил Джонни с горящими от возбуждения глазами. — Мы должны немедленно отправить туда! Если у него имеются четыре таких ценных экземпляра, мы должны предупредить его, должны сообщить ему о возможной опасности, чтобы он мог перевезти их в более безопасное место и...

— Предупредить его?! — взревел Никеринг. — Черт возьми, ни за что! Он мошенник, и мне все равно, даже если его поглотит дюжина землетрясений. Мне нужны лишь эти особи! Он никого не пускал на остров и распугивал местных жителей, распространяя слухи о том, что остров наводнен дьяволами ростом в пятьдесят и длиной в сотни футов, с рогами, клыками и когтями. Но нас ему не запугать! Мы отправимся туда и всеми правдами и неправдами...

Но Джонни Марлоу, казалось, не слышал его. В лихорадочном возбуждении он вскочил на ноги и схватил своего испуганного работодателя за лацкан.

— Дьяволы! — воскликнул он. — Мистер Никеринг! Это туземное преувеличение, но как вы не понимаете? Это единственный ответ. Другого и быть не может! *Там, на том острове, Даволио выращивает динозавров!*

Глава IV

Остров динозавров

Двенадцать дней спустя Джонни Марлоу лежал под раскидистыми ветвями тропического дерева, на краю заросшего травой открытого склона, уходившего вниз, к чашеобразной долине шириной в полмили и длиной в милю. Рассвет окрашивал небо в серый цвет. Рядом с ним на подстилке из наспех скошенной травы тихо спала Дженис. За ней беспокойно ворочался во сне Гаррисон Никеринг, выглядевший здесь особенно неповоротливым и грузным.

Несмотря на бешеную спешку, двенадцать дней ушли на подготовку и дорогу сюда, на секретный остров Стека Даволио. Гидросамолет доставил их в крошечную туземную деревушку на другом острове в тридцати милях к северу. Старая моторная лодка, ожидавшая там по предварительной договоренности, довезла их до острова безлунной ночью, прижимаясь к берегам, где бушевал прибой.

Сойдя на берег в темноте, лодочники со страхом повели их вверх по каменистым прибрежным склонам, через густую, но вполне проходимую тропическую растительность, к этому месту на краю прогалины в центре острова. Внизу, по их словам, лежали луга и болота, где бродили дьяволы. Затем, оставив всех троих дожидаться рассвета, они поспешили обратно к своей лодке. Она была теперь пришвартована в скалистой бухте на северной оконечности маленького островка, и два лодочника на борту ждали их возвращения.

Небо светлело. Ожидая восхода, Джонни Марлоу почувствовал, как его сердце забилося быстрее, а все мышцы непривычно напряглись. Он знал, что они здесь найдут — логика не допускала никакого иного ответа. Но это было таким невозможным, таким абсолютно невероятным, что он поверил бы в это, только увидев.

Двенадцать ночей он ворочался без сна, ломая голову в поисках ответа, и теперь, нащупав в кармане кусочек скор-

лупы от найденного в Колорадо яйца динозавра, понимал, что все это каким-то образом связано воедино. Даволио, похожая на могилу дыра на склоне утеса, яичная скорлупа с любопытным желатиновым покрытием, миниатюрные динозавры, этот остров — все это вместе составляло решение загадки волшебной жизни.

Джонни настороженно приподнялся и сел. Солнце встало над деревьями, и до его слуха донесся какой-то звук. Никеринг тоже услышал шум и мгновенно насторожился. Миг спустя проснулась и приподнялась Дженис.

— Собаки! — воскликнула она. — Я слышу лай собак.

— Вперед! — напряженно приказал Никеринг. — Посмотрим, что происходит.

На четвереньках они проползли несколько ярдов. Отсюда, раздвинув густую траву, они могли хорошо видеть склон и впадину за ним. И, посмотрев вниз, все трое дружно ахнули.

В миле от них стояли три низких бетонных здания, сливавшихся со стеной джунглей. Вокруг них никого не было видно, хотя откуда-то из-за зданий доносился низкий рев со странными повышениями и понижениями тона, напоминавший звук неисправной сирены тревоги.

Но они ничего не замечали. Всего в нескольких сотнях ярдов от них у краев упомянутого проводниками болота, где в диком изобилии буйствовала растительность, паслось смешанное, неплотное сбитое стадо животных.

У ног зверей вились и тявкали четыре овчарки, словно выгоняя овец или коров на пастбище. В остальном зрители будто бы внезапно погрузились на сто миллионов лет в прошлое. Ибо все эти травоядные существа были динозаврами дюжины разных видов, размеров и форм, могучими, гротескными, кошмарными, как ни одно другое существо, когда-либо ступавшее по земному шару.

— Бронтозавры! — шепнула Джонни девушка. — Смотри! Они по меньшей мере девяносто футов в длину! Их двое!

— И стегозавры! — зашелся в экстатическом восторге Марлоу. — Вон те существа с костяными наростами на спине, грохочущие, как грузовик с посудой на мощеной улице.

А вот два утконосых траходона! Погляди, как они сгибают дерево, чтобы добраться до молодых верхних листьев. Там, подальше, к воде направляется коритозавр — их, так сказать, двоюродный брат. Его можно узнать по костяному гребню на черепе. Между прочим, мы не так представляли себе его форму...

— И палеосцинк! — взволнованно вставила Дженис. — Не так ли? Эти существа похожи на гигантских черепах с бровными хвостами и шипами по бокам. И моноклон с одним большим рогом...

— Подумать только, что я дожил до этого дня! — с трудом произнес Никеринг, охваченный экстазом палеонтолога, чьи самые смелые мечты сбылись в стократном размере. — Овчарки пасут динозавров! Живые реликвии эпохи рептилий! Неудивительно, что Даволио держал все это в секрете. Но подождите, мы привезем этих зверей в цивилизованный мир, построим для них большое застекленное здание, где как можно старательней воспроизведем их естественную среду обитания, и устроим выставку! Весь мир соберется, чтобы посмотреть на них. Весь мир!

Внезапно Дженис вздрогнула и придвинулась ближе к Джонни Марлоу.

— Мне это не нравится, — заявила она, и ее глаза затауманились. — Это... это ненастоящее. Это похоже на ночной кошмар. Эти существа должны быть мертвы. Но они живы. И... и... ну, здесь что-то не так. Я это чувствую. Солнце совсем не то, и воздух не тот, и слишком тихо, и... и... О, дядя, пожалуйста! Давай вернемся на лодку. Поедем домой! Оставим Даволио...

— Оставим?! — взревел Харрисон Никеринг. Он повесил полевой бинокль на шею и вскочил, сжимая в руке винтовку. — Мы сейчас спустимся туда. Нет смысла ждать. Сейчас я выясню отношения с Даволио и скажу ему, что он может рассчитывать на почести, что я был неправ и готов принести публичные извинения. Все, что угодно. Но он должен ввести меня в дело, позволить мне забрать некоторых существ на север и...

Джонни схватил его за рукав.

— Мистер Никеринг! Погодите! Дженис права. Что-то не так. Солнце какое-то странное, и стало слишком тихо. Все птицы перестали петь. Динозавры тоже что-то чувствуют. Посмотрите на них!

Миллионер колебался. Огромные динозавры под ними, за миг до этого мирно бродившие по краю болота, выпрямились и стали оглядываться вокруг крошечными глазками. Два бронтозавра, вытянув огромные шеи, нюхали воздух. Стегозавры ходили вразвалку кругами, высматривая невидимых врагов. Похожие на черепах палеосцинки в возбуждении хлопали хвостами.

Остальные динозавры рассеялись по долине и бесцельно бродили вокруг, не обращая внимания на взволнованных собак, которые таякали у них под ногами, пытаясь собрать вместе своих титанических подопечных.

— Они чувствуют что-то, о чем мы не знаем, — сказал Джонни, весь насторожившись в ожидании неведомой опасности. — Они...

Не успел он договорить, как это началось. Земля внезапно задрожала и ушла у них из-под ног. Джонни обнял Дженис — та едва не упала. Никеринг, спотыкаясь, опустился на одно колено с выражением полного изумления на лице.

— Землетрясение! — ахнул Марлоу. — Разлом снова пришел в движение. Надеюсь, толчок будет небольшой, но...

Он снова пошатнулся и невольно прикусил язык. Земля двигалась под ними, как тяжеловесное животное, подергивающее своей шкурой. В долине внизу динозавры разбежались во всех направлениях, издавая рев на дюжине нот, которые заглушал доносившийся издалека низкий, свистящий гул.

Из зданий по ту сторону долины выскочили с полдюжины мужчин. Они со всех ног бросились в джунгли, к берегу. Последний уже исчезал, когда другой мужчина, белый, выбежал из центрального здания с винтовкой в руке и вслепую выстрелил им вслед.

— Даволио! — воскликнул Никеринг. — Его работники! Они бросили его!

— Пойдемте! — с внезапной решимостью сказал Джонни Марлоу. — Мистер Никеринг! Мы должны помочь ему, если сможем, собрать динозавров. Мы не должны допустить, чтобы с ними сейчас что-нибудь случилось. Нет, пока они не будут изучены. Не раньше, чем мир узнает о них!

— Да, Джонни! — согласилась Дженис. — Ты прав. Давай же, дядя!

Они, спотыкаясь, двинулись вперед в траве высотой по колено, огибая ближний край болота. Даволио увидел их, направился к ним, но резко развернулся, когда из джунглей за зданиями донесся сильный грохот и рев, и побежал в том направлении.

— Вероятно, у него есть... загон... в каком-нибудь скалистом каньоне, — пропыхтел Марлоу. — Держит там тираннозавров и других хищников. Травоядные... безвредны. Но плотоядные... сожрали бы их.

Затем ему пришлось поберечь дыхание. Теперь они бежали мимо ковыляющих фигур огромных глупых зверей, которые, казалось, их не замечали. У Джонни и Никеринга были винтовки, а у Дженис был пристегнут к поясу револьвер, но травоядные динозавры ничем им не грозили, если только они не оказались бы прямо у них под ногами.

В двухстах ярдах от зданий еще один подземный толчок сбил их с ног, и все трое растянулись на земле. Когда они снова поднялись на ноги, из джунглей, куда нырнул Даволио, вырвалось огромное существо.

Это был взрослый тираннозавр с разинутой пастью, ревущий от ярости и страха. Не замечая их, он кинулся прямо к самому дальнему бетонному зданию, крыша которого доходила ему только до груди. Здание рухнуло, и огромная рептилия прорвалась сквозь руины вперед, к испуганным, безобидным травоядным.

В джунглях раздались винтовочные выстрелы, резкие и отчетливые, перекрывающие рев испуганных животных и стоны сотрясающейся земли. Но Даволио больше не появлялся.

— Здание! — воскликнул Марлоу. — Нужно скрыться от тираннозавра!

Сильный толчок швырнул их на землю. Джонни помог девушке подняться и, покрытые синяками, они помчались дальше. Последнее сотрясение раскололо бетонные стены ближайшего здания, и они рухнули наружу, взметнув известковую пыль. Но здание посередине все еще оставалось целым. Наступая Никерингу на пятки, они, спотыкаясь, вбежали внутрь. Затем, с трудом переводя дух, огляделись по сторонам.

Здание было длинным и низким, без окон. Висевшие над головой лампы мерцали: находившийся где-то снаружи генератор сотрясала непрерывная дрожь. Вдоль одной из стен располагалось с полдюжины стеклянных кабинок, в которых также горели лампы — похоже, это были инкубаторы.

Не обращая внимания на вибрацию, волнами пронизывавшую все вокруг, они подошли к ближайшей стеклянной кабинке и заглянули внутрь. Там лежал крошечный трицератопс, видимо, тот самый, которого они видели в кабине Никеринга, хотя с тех пор он заметно вырос.

В следующих трех находились другие миниатюрные динозавры из показанной Даволио коллекции; все они были теперь несколько большего размера. Торопливый взгляд подсказал Джонни, что инкубаторы были постоянно залиты рентгеновскими лучами и искусственным светом, имитирующим солнце и исходившим от нескольких хрустальных шаров. Вероятно, в этом и заключался секрет светящегося кристалла из чемодана Даволио — он излучал искусственный свет, необходимый для роста детенышей монстров. Позабыв о Никеринге, Марлоу в странном возбуждении потянул за собой Дженис к следующим двум стеклянным камерам. Девушка резко сжала его руку. Он услышал, как она ахнула. Но сам он не выказал удивления: каким-то образом он знал, что ему предстояло увидеть.

В каждом инкубаторе находилось по яйцу. Они были разного размера — ближайшее в два раза больше страусиного, дальше не больше очень крупного утиного яйца. Оба имели странную зеленоватую окраску, похожую на цвет обломка скорлупы в кармане у Джонни. И одно из яиц уже

созрело!

Джонни Марлоу слышал шепот Дженис, но не различал слов. Меньшее из двух яиц треснуло. Прямо у него на глазах трещина росла, паутиной расходясь по скорлупе. Мгновение спустя кусок скорлупы отвалился, и появилась крошечная передняя лапка, зеленоватая и скользкая. Она вцепилась в край, скорлупа поддалась, раскололась надвое, и наружу выползло существо ненамного крупнее утенка. Мгновение оно лежало, тяжело дыша, затем приподнялось на дрожащих задних лапах и уставилось на них крошечными красными глазками.

Это был детеныш динозавра, но о подобных динозаврах Марлоу никогда не слышал. Он стоял вертикально, подобно тираннозавру и другим, удерживая равновесие при помощи хвоста. Голова была гротескно непропорциональна телу, а поднятые передние лапы, несмотря на когти, напоминали руки обезьяны.

— Что это, Джонни? — выдохнула Дженис.

— Не знаю, не знаю, — тихо пробормотал он. — Это существо отличается от обычных динозавров, как человек от обезьян. Оно...

— Джонни! — закричала она. — Берегись!

Дженис успела потащить его назад, когда пол накренился под ними. Джонни прижался к противоположной стене, в то время как угол здания прямо над тем местом, где он только что стоял, сложился внутрь. Стеклопакеты были разбиты кусками цемента. Почернели хрустальные шары, даровавшие яйцам динозавров тепло и благотворные лучи. Раздался и тут же оборвался тихий, пронзительный свист.

— Джонни! — настойчиво позвала его Дженис. — Пойдем. Все здание через минуту рухнет. Мы должны выбраться наружу.

Она потянула Джонни за собой, но внимание молодого палеонтолога привлекло низкое вопросительное ворчание, раздавшееся в дальнем конце комнаты. Там стоял письменный стол, окруженный картотечными шкафами. За столом виднелась низкая и круглая бетонная стенка, напо-

минавшая приподнятую крышку колодца. Над ней все еще судорожно вспыхивали яркие лампы.

Не обращая внимания на качающиеся стены и цементную пыль в воздухе, Джонни Марлоу, спотыкаясь, направился к столу Стека Даволио. Позади него, в стенной нише, он мельком заметил что-то похожее на большие и невысокие прямоугольные ящики. Раздвижная крышка верхнего была частично открыта. Внутри, погруженные в материал, похожий на бесцветный воск или очень густой желатин, аккуратными рядами покоились округлые предметы.

Джонни направился к нише, но по пути ему пришлось обойти круглую цементную стенку, вделанную в пол, и он так и остался на месте. Стена представляла собой парапет шахты, похожей на колодец, углубленной на восемь футов в почву под зданием, с цементными стенками и дном. А в этом колодце-тюрьме стояло на задних лапах существо, глядя на него снизу вверх и что-то бормоча со строго определенных модуляциями.

Это был взрослый представитель того вида, детеныш которого только что вылупился у них на глазах — вылупился, чтобы снова умереть. Его передние лапы упирались в цемент, как будто он пытался процарапать себе путь наверх, к свободе. Большая змееподобная голова пронизывающе глядела на человека двумя огромными немигающими глазами.

В этих глазах был разум — тысячелетний, умудренный временем разум и достоинство. Эти глаза испытующе уставились на Джонни, и ему показалось, что его изучают на предметном стекле микроскопа.

— Джонни!

Рядом с ним снова оказалась Дженис. Она не видела существо, которое Стек Даволио держал в заточении, чтобы иметь возможность постоянно наблюдать за ним.

— Джонни, хватит! Пойдем! Стены долго не выдержат. Дядя уже снаружи. Пожалуйста, Джонни, пожалуйста!

Она почти рыдала от волнения. Джонни Марлоу знал, что она была права. Пора было уходить, пусть многие тайны и остались нераскрытыми. По бетонной стене колодца,

где томилась любопытная рептилия, уже пробежала огромная трещина, и существо осторожно запустило свои когти в расщелину. Следующий удар обрушит стены.

Джонни повернулся и, держа Дженис за руку, побежал к двери. Позади них вспыхивали и гасли огни в безумном танце теней надвигающейся смерти.

Спотыкаясь, они выскочили вышли на тусклый солнечный свет. Здесь их ждал Никеринг. Видимо, он взломал одну из камер: Джонни увидел, что он прижимал к груди крошечного бронтозавра.

Затем появился Стек Даволио.

Глава V

Капсула времени

Он вырвался из близлежащих джунглей, по его лицу текла кровь, одежда была изорвана. Он все еще сжимал свою винтовку, хотя приклад был раздроблен каким-то чудовищным ударом. Он пошатнулся, когда подошел к ним, но заставил себя устоять на ногах, слабо покачиваясь. Его налитые кровью глаза словно не узнавали их.

— Убил его, — выдохнул Даволио. — Попал ему в глаз. Единственное уязвимое место. Не следовало позволять тиранам расти. Слишком опасные. Другие — безвредны. Все, кроме одного — *Его*.

Он поперхнулся и выплюнул сгусток крови.

— По сравнению с Ним тиран — щенок. Потому что Он умен. Представьте себе это! Разумная рептилия из прошлого! Какая сенсация... если я смогу держать Его... в клетке. Погодите, пока я не обрушу... все это... на мир. Сделаю миллионы... помимо славы...

Низкое ворчание позади заставило его обернуться. В дверном проеме, моргая от яркого света, замер бывший узник. Стоя на задних лапах, он был выше человека, а его огромные роговые челюсти были разинуты в праведном

гневе.

— Нет! — яростно завопил Даволио. — Ты не можешь освободиться! Я тебе не позволю! Ты освободишь остальных. Ты оживишь их! Назад! Возвращайся!

Он поднял свою разбитую винтовку и выстрелил. Существо внутри издало ответный рев и упало на спину, сжимая передней лапой шею в том месте, куда вошла пуля. Раненый ученый подбежал к двери и нырнул внутрь. Раздался еще один винтовочный выстрел. Затем земля задрожала под ногами, здание сложилось, как карточный домик, и превратилось в груды обломков. Что-то на мгновение, казалось, зашевелилось в ней, а затем затихло.

В глазах Джонни и Дженис застыл ужас. Но Никеринг, пошатываясь под тяжестью визжащего бронтозавра, прижатого к груди, уже бежал к возвышенности, откуда они пришли.

— Следуй за ним, — крикнул Марлоу. — Мы должны попасть на высокое место. Вода льется в долину. Смотри, все болото уже под водой. Нас может затопить.

Они бежали так, как никогда раньше, неслись, как во сне. Половина травоядных динозавров исчезла — возможно, их поглотила поднимающаяся вода. Трое или четверо были убиты обезумевшим от страха тираннозавром, который сбежал и устроил бойню. Остальные изумленно стояли там, где застало их наводнение, как будто были слишком ошеломлены, чтобы сделать малейшее движение ради своего спасения.

А потом Джонни увидел тираннозавра.

Их бегство привлекло его внимание. Оторвавшись от своей последней жертвы, мирного коритозавра, он бросился к ним со скоростью бегущего человека.

Каким-то образом винтовка все еще оставалась при Джонни. Должно быть, инстинктивный рефлекс удерживал ее зажатой в руке. Теперь, когда Никеринг и Дженис побежали дальше, тот же рефлекс приставил оружие к его плечу. Укоренившиеся навыки, приобретенные в студенческие годы на учениях офицеров запаса, внезапно пробудились от спячки.

Он выстрелил трижды. Первая пуля, насколько он мог увидеть, безвредно ударила в морду атакующего монстра. Вторая попала в уголок злобного маленького глаза. Третья угодила в глаз.

Зная, что пуля проникла прямо в жалкий мозг огромной ящерицы, Джонни бросил винтовку и помчался за остальными. Через сотню ярдов, на полпути вверх по склону к укрытию джунглей, он догнал их. Рискнув оглянуться, он едва не застыл в изумлении. Тираннозавр все еще преследовал их. С пульей в мозгу! Марлоу знал, что не промахнулся, но преследование все равно продолжалось!

Оставалось только бежать. Массивная ящерица не могла развить большую скорость, но постепенно догоняла их, пока они, задыхаясь и спотыкаясь, поднимались в гору. Ее дыхание свистящим воем отдавалось у них за спиной.

— Дженис! — простонал Марлоу. — Мистер Никеринг! Прячьтесь на деревьях! Может быть...

Услышав позади грохот, они обернулись. Монстр опрокинулся, упал и покатился, кувыркаясь, к подножию ближайшего дерева. Тогда они поняли, что погоня закончилась. Последняя конвульсия, последний мощный взмах хвоста, и тираннозавр был мертв. Вымер вторично в истории Земли...

— Ну конечно! — с облегчением, почти в истерике, вскричал Джонни Марлоу. — Он не знал, что уже умер. Его нервная организация настолько неразвита, что тираннозавр целую минуту осознавал собственную гибель. Целую минуту!

У них не было времени задерживаться. Голубая вода быстро поднималась, заполняя всю долину. Наводнение поглотило всех динозавров, за исключением огромных бронтозавров, чьи головы все еще торчали над волнами, скорбно покачиваясь взад-вперед. И когда все трое направились дальше, единственным звуком, что они слышали, был мычащий рев последних динозавров.

Все еще торопясь, но двигаясь медленнее, они пробрались сквозь заросли к тому месту, где должна была ждать лодка. Там они остановились в беспомощном ужасе. Ибо лодка исчезла, и сама бухта, где она была пришвартована, то-

же исчезла под водой, которая на глазах поднималась и подползала все ближе к вершинам скал у их ног.

— Исчезла! — задохнулся Гаррисон Никеринг. — Лодка исчезла. Даволио исчез. Динозавры исчезли. Все — исчезло. Все ушло.

Его лицо было пепельно-серым, а глаза дикими. Он ослабил хватку, и бронтозавр вырвался из его рук, спрыгнул на камни и унесся в джунгли.

— Ушел, — пронзительным голосом произнес Никеринг. Его лицо ничего не выражало. — Они все ушли.

— Джонни, — прошептала Дженис, — что мы можем сделать? Какие у нас шансы?

Джонни Марлоу покачал головой.

— Никаких, — честно сказал он ей. — Остров погружается, медленно, но верно. Даже если проседание прекратится до того момента, как он полностью погрузится в воду, всегда будет следующая приливная волна. У нас есть, может быть, час. После этого...

Он не закончил, но она поняла. Она прильнула к нему, но от усталости, а не от страха, и он обнял ее, чтобы подержать.

— Теперь это не имеет большого значения, но я думаю, что знаю ответы, — сказал он, надеясь отвлечь ее от того, что вскоре должно было произойти. — Не все, но некоторые. Например, та дыра в колорадском утесе. Это был тайник, Дженис, хранилище прошлого. Ты была права, сравнив ее с могилой, потому что в некотором смысле это была могила самого времени. Но гробница, из которой время намеревалось восстать снова.

Девушка повернулась к нему.

— Мне кажется, я не совсем понимаю, Джонни, — призналась она. — Хранилище чего?

— Жизни! — воскликнул Джонни.

Он продолжал рассказывать и в волнении сам забывал о грозящей им гибели. Он чувствовал, как все больше и больше частей головоломки вставали на свои места в его сознании.

— Хранилище десятков, возможно, сотен яиц великих динозавров и других существ эпохи рептилий. Дженис, те контейнеры, похожие на полки, которые Даволио, по словам гида, велел отнести в лагерь... Я видел их в его лаборатории.

В некоторых еще хранились яйца, пролежавшие там миллионы лет. Они были погружены в какое-то желе — возможно, питательное, сохраняющее жизнь. Я не знаю, как оно действует. Но это единственный ответ. Они были намеренно помещены туда эоны назад в надежде, что когда-нибудь разумные существа найдут их и сумеют пробудить от долгого сна. Пробудить к жизни само прошлое.

— Но для чего, Джонни? — спросила девушка. — И кто это сделал? Ты имеешь в виду...

— Это единственно возможный ответ! — хрипло сказал Джонни Марлоу. — Несмотря на все наши воззрения, тогда должна была существовать разумная жизнь. Наши знания о мире мезозоя и кайнозоя едва касаются поверхности. Вероятно, существовали десятки форм жизни, которые не оставили окаменелых останков. И одна из них могла быть — просто обязана была быть — разумной!

Дженис! То существо, которое вылупилось из яйца. Даволио перед смертью пытался убить такое же, но взрослое. Помнишь, он сказал, что оно было разумным? Что оно оживит всех остальных, если представится возможность?

Это была правда. Подумай, Дженис. Ты знаешь палеонтологию не хуже меня. Ты знаешь, что великие рептилии развились, достигли эпохи расцвета и вымерли, и причины их вымирания неясны. Лишь несколько выродившихся потомков напоминают нам о них. На протяжении всей истории Земли формы жизни возникали, а затем вымирали без всякой видимой причины. Даже сегодня некоторые расы людей вымирают по непонятным причинам. Иногда, вопреки всякой логике, существам, великолепно приспособленным к окружающей среде, не удается выжить.

Мы знаем, что эпоха рептилий неумолимо подошла к концу, хотя мы точно не знаем, почему. Предположим, что разумная рептилия эволюционировала и по медленному, неумолимому велению природы оказалась обреченной на

вымирание вместе со всеми своими неразумными собратьями. И предположим, что, призвав на помощь все свои знания, она в отчаянной ставке на будущее оставила после себя кладку собственных яиц, подготовленных к тому, чтобы пережить течение тысячелетий и когда-нибудь вылупиться снова? Вместе с ними она оставила яйца представителей других форм рептилий, которые бродили тогда по миру — либо для выращивания в качестве будущей пищи, либо, возможно, для того, чтобы дать любым разумным ученым, которые могли бы наткнуться на яйца, материал для работы и познания их секретов.

Это объяснило бы так много вещей! Радий в утесе, например! Возможно, у него была какая-то функция в обеспечении бесконечно малого количества энергии, необходимого для поддержания искры жизни. Или же это ориентир, легко определяемый разумными существами с помощью таких приборов, как счетчик Гейгера-Мюллера. Ведь вполне может быть, что там имелось больше одного тайника с яйцами. Возможно, есть много других, разбросанных по Земле и ожидающих случайного открытия. Прошлое спит в них и надеется пробудиться!

— Джонни! — Дженис уставилась на него широко раскрытыми от удивления глазами. — Значит, это действительно была капсула времени из прошлого, не так ли? Капсула времени, в которой хранились не картинки, предметы и книги, рассказывающие о тогдашней жизни, а сама эта жизнь!

— Вот именно, — кивнул Джонни. — То ли как наследие для будущего, то ли как отчаянная попытка предотвратить вление судьбы. Мы никогда точно не узнаем. И случай привел Даволио к этой капсуле времени. Все, что произошло после этого, было неизбежным. Он разгадал секрет. То, что последовало далее, вытекало из его характера. Другой ученый показал бы миру свою находку, пригласил бы к сотрудничеству всех известных специалистов. Но Даволио был озлоблен и обижен, он хотел унижить научный мир, который изгнал его. Он искал уединения здесь, где природные условия соответствовали его проекту и где не было никаких шансов на чужое вмешательство.

И здесь он почти воплотил прошлое в жизнь. Почти! Но поскольку он выбрал это место...

— Джонни, Джонни, — прошептала Дженис, — так должно было случиться. Помнишь, что он сам сказал в тот день в музее? Что, как только природа уничтожила вид, она никогда не дает ему второго шанса? И она убила этих динозавров. Они должны были оставаться мертвыми. Природу не интересует прошлое. Только будущее. И теперь, когда прошлое попыталось восстать, она помешала этому. Я уверена в этом. Даже если это нелогично. Даже если это звучит по-женски и все такое!

Рука Джонни Марлоу крепче обняла ее. Вода плескалась у их ног, и его глаза, осматривавшие горизонт, пока он говорил, увидели то, чего он боялся.

— Крепись, Джен, — тихо сказал он. — Пришло время попрощаться. Я вижу приливную волну — там, далеко, у самого горизонта. И когда она доберется сюда...

А затем его слова потонули в реве. Их гидросамолет сделал круг над головой и опустился на беспокойную поверхность моря.

Он подрулил, и пилот поздоровался с ними. Потрясенные неожиданной отсрочкой смерти, они вскарабкались на крыло и в кабину.

Самолет устремился вверх, в небо. В нескольких коротких фразах пилот объяснил, что после подземных толчков некоторое время в тревоге ждал в деревне, где его оставили; затем, все больше опасаясь за безопасность спутников, он вылетел за ними.

Внезапно огромная пенящаяся стена воды под ними накрыла обреченный остров, который они только что покинули. Джонни Марлоу, прижавшись лицом к окну кабины, смотрел вниз. Возможно, все было так, как сказала девушка в кольце его рук, заснувшая от усталости и облегчения. Природу не интересовало прошлое, только будущее. И, возможно, она решила вмешаться сейчас, чтобы привести в исполнение свой непреложный закон: то, что умерло, не может жить снова.

Быть может, по-другому и не могло случиться. Но гля-

дя вниз на хаос бурлящей воды, где время кануло обратно в могилу после столь краткой борьбы за новое существование, Джонни Марлоу думал обо всех утраченных знаниях, едва не оказавшихся в руках человечества, и на его лице проступала тень бесконечного сожаления.

Уильям Д. Мэтью

БИЧ САНТА-МОНИКИ

Он стоял, глядя со скалистого гребня горы на широкую открытую долину, простиравшуюся на многие мили перед ним. Все это принадлежало ему по «праву оружия» — ему и его расе, благодаря их силе, активности и ужасным изогнутым саблям, их любимому вооружению. Ни по отдельности, ни сообща никто из обитателей равнины не осмеливался оспаривать их власть; какими бы кровавыми и безжалостными тиранами они ни были, никто не мог успешно противостоять им. И он стоял, бесстрашный и величественный, наблюдая за разбросанными робкими группами больших толстокожих, из числа которых намеревался выбрать свою следующую жертву.

Перед ним раскинулась долина Лос-Анджелеса, широкая, поросшая травой, усеянная зарослями деревьев и кустарников. Неподалеку, в высохшем русле ручья, уходившем вниз к Баллона-крик, поблескивало несколько родников и водоемов; на востоке, в туманной дали, он мог проследить течение реки, а за ней смутные очертания покрытых лесом гор, мерцающих в жаре тропического летнего дня. Через проем в горном отроге на юго-западе гуськом мчалось стадо диких лошадей, направляясь с возвышенностей к источникам воды в долине. Это были быстрые красивые животные серовато-коричневого цвета, с расплывчатыми полосами, тяжелыми черными гривами и головами, похожими на головы зебр. Они спускались по тропе неровной ломаной линией, двое или трое близких товарок трусили рысью или бежали рядом, а возглавлял всех огромный пегий жеребец необычайных размеров и силы. Саблезубый наблюдал за ними несколько минут, пока они приближались. Стоит ли выбрать одну из лошадей в качестве добычи? Нет, это означало бы осторожное преследование и засаду на них у водопоя, а они были слишком быстрыми и осторожными, чтобы предоставить ему серьезный шанс на успех. День был слишком теплый, и он не был отчаянно голоден. Свою дань они заплатят как-нибудь в другой раз.

Слева, на поросших кустарником песчаных склонах, которые тянулись вдоль подножия горной цепи, несколько

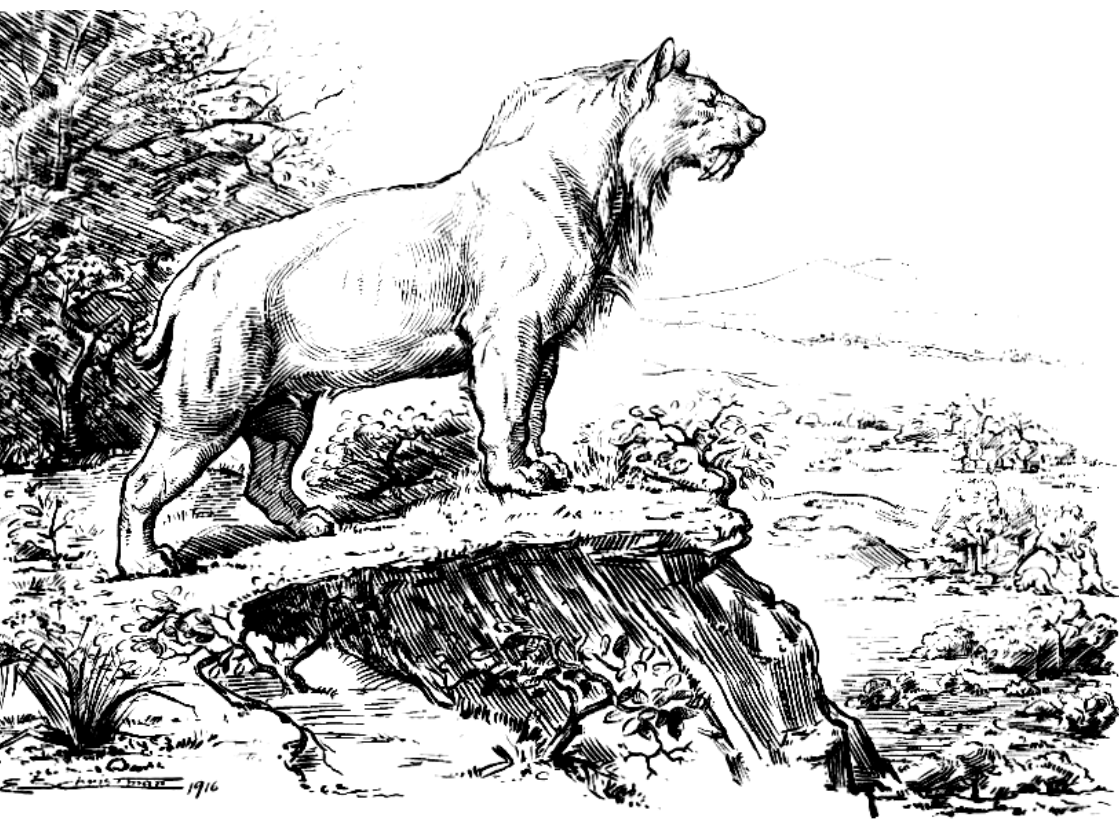
верблюдов обшаривали кусты и небольшие деревья, обрывая листья с молодых побегов так высоко, как только могли дотянуться. Это были большие длинноногие животные, выше современного верблюда, с неуклюжей походкой, густой шерстью пустынно-коричневого цвета и коротким безгорбым телом. И они, несмотря на кажущуюся неуклюжесть и глупый вид, были быстрыми и осторожными созданиями, мало склонными приближаться к опасным в плане засады местам и слишком быстрыми, чтобы их можно было поймать в открытой погоне. Саблезубый никогда не любил погоню; это было слишком утомительно и сопряжено со слишком большим риском повредить лапы о камни или, что еще хуже, загнать между пальцев колючки. Нет, наблюдать за верблюдами было бесполезно. Они редко спускались к воде, а когда спускались, то обычно выбирали один из тех грязных, открытых, неглубоких водоемов, рядом с которыми практически не было укрытия. Ни одно животное действительно высокого класса не могло или не захотело бы пить такую воду, мутную, вонючую и всегда более или менее щелочную — но верблюды! Сам он пил из ручья в горных лесах, где спал по ночам.

Он перевел взгляд на низкие холмы в долине, где местами росла густая трава и паслись небольшие стада бизонов и более мелких животных. Бизоны были массивными и черными, с лохматой гривой, блестящими острыми рогами и свирепыми маленькими глазками; их стройные ноги и гибкие задние конечности странно контрастировали с шерстистой головой и грузным туловищем. Это были достойные уважения противники. Согласно семейным преданиям, они были сравнительными новичками в этих краях, иммигрантами из какого-то отдаленного региона, которые пересекли горные перевалы на севере и становились все более многочисленными в долине, вытесняя многих ее прежних обитателей. Они принесли с собой некоторые любопытные идеи сопротивления: вместо того, чтобы при нападении разбегаться, оставляя слабых на произвол судьбы, бизоны собирались вместе и образовывали кольцо с детенышами и самками в центре. Саблезубый находил та-

кие методы защиты раздражающими и совершенно непонятными. Он мог бы достаточно легко уложить одного из быков, стоявших в обороне, несмотря на рога и огромную силу противника. Но тогда другие быки напали бы на него, хотя им ничто не угрожало и они вполне могли убежать. Это было рискованно, и ему это не нравилось. Какое право имели эти другие вставать между ним и его законной добычей? Внезапное нападение, пока они все еще были рассеяны по луку и не успели собраться вместе, было бы, конечно, менее опасным. Но эти негодяи обладали довольно острым зрением и слухом, и если кто-то из них видел или слышал что-то подозрительное, все стадо обычно срывалось с места и останавливалось лишь в отдалении. Тогда пришлось бы вновь подкрадываться к ним — и, возможно, в третий или четвертый раз, прежде чем ему повезет. Слишком много хлопот для знойного ленивого дня.

В зарослях и перелесках вдоль русла реки шевелилась различная мелкая дичь. Он знал, что на этих полянах и в перелесках обитали пекари, олени, еноты и кролики, и время от времени ему удавалось мельком увидеть кого-либо из них. Но все они были недостойны его внимания. Он не собирался использовать свое ужасное оружие против таких мальков. Толку от них было мало, а поймать их было не легче, чем более крупных животных. Он также не думал всерьез о быстрых и грациозных вилоорогих антилопах и их родственницах поменьше, которые паслись вдалеке на открытых местах. Они были слишком застенчивы и слишком проворны, чтобы на них стоило тратить силы.

Вдалеке, в маленьких точках на склонах противоположных холмов, его острые глаза различили добычу, которая, оказавшись в пределах досягаемости, была бы вполне достойной, хотя и несколько опасной; но эта добыча всегда в конце концов истекала кровью из ужасных ран, нанесенных его огромными зубами-кинжалами и громадными когтями. Он не боялся их, этих слонов и мастодонтов, но они были слишком далеко и обладали каким-то сверхъестественным нюхом, чуя его на большом расстоянии, если только он не делал большой круг и не держался

1916

с подветренной стороны,

И наконец, когда он наблюдал за долиной внизу, его взгляд уловил движение одного — нет, двух — больших, лохматых, золотисто-коричневых животных, пробиравшихся сквозь кустарник у высохшего русла ручья. Его глаза блеснули, поза изменилась на напряженную, с некоторой долей неуверенности. Это могла бы быть пара крупных бурых медведей, грозных противников, с которыми он вряд ли захотел бы сразиться без необходимости. Конечно, он мог бы одолеть в схватке бурого медведя, если бы пришлось, но у него все еще ныли шрамы от прошлой встречи с одним из них, и он не горел желанием возобновлять знакомство. Но это не могли быть бурые медведи. Он безошибочно распознал этот странный зеленоватый отблеск на золотисто-коричневых спинах. Вот и опять — совершенно точно. Это была его любимая добыча: большие, неуклюжий, медленно передвигающиеся гигантские ленивцы, которые бродили вокруг с глупой уверенностью, что густая шерсть, толстая шкура и массивный костяк делали их неуязвимыми. Для обычных животных, возможно, но не для него. Он мог пронзить прочную шкуру мощными ударами огромных зубов-кинжалов и срывать широкие полосы мяса с шеи и боков, пока зверь до смерти не истечет кровью. Разумеется, нужно было проявлять осторожность и избегать длинных когтей гигантского ленивца, которые, в свою очередь, могли бы разорвать его, если бы дико мечущийся зверь случайно дотянулся до него. Но у него никогда не было особых трудностей с ленивцами. Прыгаешь зверю на спину и сильным ударом наносишь глубокую рану, прежде чем он успевает сообразить, что к чему; затем уворачиваешься от огромных когтей, когда они взлетают сперва с одной, а потом с другой стороны, пытаясь стащить тебя вниз. Все это длится недолго, если ты полоснул по шее в нужном месте.

Он присел на корточки и начал подкрадываться к гигантским ленивцам. Те, ничего не подозревая, продолжали обрывать листья с окружающих деревьев, вставая на задние лапы и захватывая передними ветки. Затем они

стали подкапываться под высокое молодое дерево, пытаясь ослабить его корни и вывернуть дерево из почвы. Питаясь на ходу, они прокладывали себе путь к небольшим озерцам, находившимся примерно в полумиле над ручьем, на гребне невысокого холма. Эти любопытного вида бассейны были окружены голыми и черными, лишенными растительности участками. В сухую погоду в них можно было различить полужидкий асфальт, покрытый слоем пыли, сквозь который время от времени прорывались пузырьки масла и зловонного газа. После дождя асфальт покрывался нескими дюймами воды, переливающейся радужным маслянистым налетом и пахнущей несколько неприятно, но пригодной для питья.

Гигантские ленивцы не знали, что это место пользовалось зловещей репутацией среди более умных обитателей долины. Считалось, что его населяют таинственные земляные демоны, быть может, такие же, как подземные чудовища, обитавшие в зыбучих песках у реки. Они хватали за ноги несчастное животное, отважившееся забраться в их логово, и медленно, но неуклонно тащили его, отбивающегося и кричащего, вниз, в подземные глубины. Не все звери знали об этом, и мало кто в это верил, но многие избегали этого места просто из-за его странного, потустороннего облика; только в засушливый сезон, испытывая сильную жажду, они осмеливались пить здесь. Здесь часто было много воды, когда в других местах ее не было. Возможно, вода поступала наверх вместе с нефтью и газом; также не исключено, что капли дождя, которые где-то могли уходить в сухую почву, здесь собирались лужами на непроницаемом асфальте. Однако слоны и мастодонты, умудренные долгой жизнью, проницательные и в высшей степени суеверные, смотрели на это место с ужасом, и их нельзя было уговорить приблизиться к нему. Говорили, что однажды стая слонов в самом деле... но это уже другая история.

Но гигантские ленивцы ничего не знали о зловещей репутации Черных озер. Да и если бы знали, они, возможно, ничего бы не поняли и не стали их избегать: блеска и за-

пах воды было достаточно, чтобы привлечь их, и только невыносимо щелочной вкус мог удержать их в отдалении. Более того, они, как и бизоны, были относительно новичками в этих краях, хотя и пришли с противоположной стороны, прокладывая себе путь с далекого юга по пустынным мексиканским плоскогорьям и холмам.

Они продолжали неторопливо продвигаться через кустарник, пересекали голую черную землю вокруг бассейнов и ступили в самый большой из них, собираясь напиться.

Какое-то мгновение ничего не происходило. Казалось, они стояли на довольно прочном, но несколько упругом дне. Затем дно начало медленно поддаваться, их ноги начали погружаться в воду, и они в ужасе поспешно повернулись, ища более прочную опору. Но они уже не могли вытащить ноги. Что-то держало их с невероятным упорством; если они с отчаянным усилием вытаскивали одну ногу, всю покрытую липким асфальтом, другие конечно-сти только погружались глубже и увязали сильнее. Мало-помалу их, вопящих от ужаса, безжалостно тащили вниз.

Тем временем огромный саблезубый тигр бесшумно, но быстро пробирался через долину к своей намеченной добыче, прячась за каждым камнем и кустом. Он вплотную приблизился к ленивцам, когда те добрались до асфальтового пруда, и теперь стоял, притаившись на краю кустарника, готовый выскочить и наброситься на них, пока они пили. Его глаза торжествующе сверкнули, когда он заметил, что сначала один, а затем оба оказались в каком-то затруднительном положении и что их движения были скованы. С яростным ревом он выскочил из зарослей, пронесся по голой земле, прыгнул на спину ближайшего гигантского ленивца и, вцепившись огромными когтями в шкуру, глубоко вонзил клыки в его шею. Возможно, он плохо прицелился или же его хватка немного ослабла из-за того, что жертва теперь быстро погружалась в вязкие черные глубины озерца. Ленивец отчаянным рывком отбросил его в сторону, и он перекатился по поверхности асфальта. Через мгновение он вскочил на ноги и примерился, собираясь снова прыгнуть на шею ленивца, уже пог-

рузившегося более чем наполовину. Но в этот момент демон Черных озер схватил его и сжал в своих ужасных когтях — сперва передние лапы, затем задние. Как он ни старался, он не мог высвободить больше одной ноги за раз, и то лишь на миг. Он позабыл о добыче и с придушенным рычанием попытался выбраться наружу. Но было слишком поздно. Свирепый саблезубый, тиран холмов и долин, ужасный бич доисторического мира, на которого мы бросили мгновенный взгляд, был обречен следовать за своей жертвой к ужасной и медленной смерти в черных и липких глубинах асфальтового пруда.

Пузыри нефти и зловонного газа все быстрее и быстрее поднимались теперь из асфальтового озера по мере того, как борющиеся животные погружались все ниже и ниже под поверхность.

Крики перепуганных зверей разносились далеко по всей долине, и зрелище их борьбы привлекло огромных птиц, паривших высоко в воздухе. Стервятники, кондоры, орлы и хищные птицы помельче друг за другом спускались вниз, образовав прыгающее, хлопающее крыльями кольцо и подаваясь вперед, чтобы разделить ожидаемый пир. Стая волков — больших вымерших калифорнийских волков — шла неподалеку по следу, но была привлечена шумом и подбежала рысью к месту происшествия. Вожак с дикой радостью увидел гибнущего саблезуба, своего страшного соперника: свирепое рычание и грозные когти тигра не раз заставляли его неохотно покидать ожидаемый банкет. Теперь час его мести близился. Он вышел вперед в сопровождении своих товарищей, подошел к краю бассейна и, приплясывая в диком возбуждении, выкрикнул свое мнение о саблезубых тиграх в целом и этом в частности; затем, воспользовавшись беспомощностью своего противника, он прыгнул на тигра и начал его пожирать. Измученный саблезубый тигр, медленно погружавшийся в асфальт, мог ответить только чередой рычаний и тщетно пытался высвободить свои ужасные когти, чтобы ударить врага.

Здесь представлена картина в том виде, в каком мы постарались воспроизвести ее на выставке в Американском

музее естественной истории. Трагедия, воображаемый ход которой обрисован в приведенном выше наброске, повторялась снова и снова в коварных асфальтовых озерах Лабреа на протяжении плейстоцена; в ней участвовали тысячи и тысячи животных, больших и малых. Наконец, нефтяные источники стали менее активными, бассейны частично высохли и перестали представлять собой серьезную угрозу для окрестных животных. В наше время осталось лишь несколько небольших источников, иногда все еще опасных для мелких животных, в то время как стволы или отверстия древних колодцев заполнены наполовину затвердевшим асфальтом консистенции коричневого сахара и доверху набиты костями и черепами вымерших животных и птиц, прекрасно сохранившимися от разложения благодаря окружающему и пропитавшему их асфальту. Более двухсот черепов великого саблезубого тигра, являющегося пред-

метом этого наброска, были извлечены Калифорнийским университетом; почти тысяча — музеем Лос-Анджелеса. Так называемые «ужасные волки» встречаются еще чаще, и из ям было извлечено множество черепов и скелетов вымерших лошадей, верблюдов, бизонов, гигантских ленивцев и многочисленных мелких животных, а также кости более пятидесяти видов птиц. Хищных животных и птиц гораздо больше, чем остальных; это указывает, что тонущие жертвы служили приманкой и многие животные разделяли их судьбу. Примечателен тот факт, что в отложениях асфальта не были обнаружены кости распространенного в то время в регионе южного мамонта, или вымершего слона — за исключением одного места, где в единственной яме были собраны вместе семь скелетов.

Курд Лассвиц

В ТУМАНЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Глава 1

Отважный Кино

Это случилось давно-давно, когда людей еще не было. Со всем на других местах возвышались горы, текли реки, простирались моря. Устье громадной реки с болотистым берегом обрамляли папоротник, камыши, высокие травы. На противоположном берегу в горах теснились буки, клены, выросли могучие дубы и стройные пинии.

Среди высоких папоротников у опушки леса появилось существо, походившее одновременно на птицу, змею и исполинскую ящерицу с двумя короткими передними конечностями вместо крыльев. Игуанодон, как звали этого гиганта, заговорил сам с собою:

— Холодно! Мир становится все хуже и холоднее, чем в дни моей молодости. Но ведь я самое разумное существо на свете. Я хожу на ногах, не ем мяса. Я умею думать и найду, как справиться с холодом.

Среди ветвей старого бука раздался тихий смех, и на голову гиганта свалились листок и два буковых орешка. Чей-то звонкий голосок пропел:

Я зовусь отважный Кино,
Муравьями я питаюсь,
Но всех ящеров мудрее.

Когда Игуанодон в бешенстве вытянул шею к вершине дерева, то веселый певец уже улепетнул, прыгая с дерева на дерево по склону горы. Горячий диск солнца согрел великана. Он встал на задние лапы и направился завтракать на сырой луг.

Его обидчик принадлежал к племени «Кала» — самым организованным лазающим сумчатым того времени. Размером он был с трехлетнего человеческого ребенка. Густая мягкая шубка, красно-коричневая на спине и желтовато-белая на животе, составляла его наряд. Кольца из белой шерсти окружали два больших умных черных глаза. Под ними черненький носик, круглый рот с белоснежными зубами. По обеим сторонам головы двигались маленькие пушистые ушки, а спину завершал маленький хвостик. На его лапках было по пять пальцев с длинными когтями. Каждый большой палец свободно отодвигался в сторону.

Кино прекрасно знал одно место среди камней, где жили крупные, черные, очень пикантные на вкус муравьи. Но не успел он приступить к трапезе, как грозная опасность заставила его скользнуть в глубину низкого кустарника и спрятаться между двух камней таким образом, чтобы голова была обращена к преследователю.

Это был Пустохвост — злобный и беспощадный. Огромные кожаные летательные перепонки не давали ему проникнуть в густые кусты, поэтому он, сложив крылья, пытался длинными когтями вырвать растения из земли.

Опасность была велика, но Кино был умен и отважен.

— Чего тебе нужно, глупый Пустохвост? — крикнул он, не показываясь.

— Я пожру вас всех, наглые сумчатые, и тебя первого,

дерзкий Кала. Ты думаешь, к вам трудно добраться, потому что вы живете в дуплах деревьев. Сбавь-ка спеси! Я могу летать, у меня длинные лапы, я проникну в ваши убежища и всех уничтожу.

— Мы не боимся вас, — крикнул ему Кино. — Широкая перепонка мешает вам летать среди древесных сучьев, а на открытых местах мы гнезд не строим. Всем вам приходит конец, исполинским ящерам и драконам...

Я зовусь отважный Кино,
Муравьями я питаюсь,
Но всех ящеров мудрее...

— Ого! Что же ты знаешь больше моего?

— Все, что мне сказала Красная Змея.

— Где же она живет?

— Спроси у Клювоносов. Она тоже говорила с ними.

— Она и с нами говорила, тысячу тысяч лет назад, — о том, как стать могущественными животными... Это животное — я.

Кино засмеялся так, как умеют смеяться только сумчатые.

— А нам она сказала, — возразил он, — как сделаться могущественнее всех драконов.

— Что-о? — заревел Пустохвост. — Ну, нет! Скажешь ты, наконец, что вам передали Клювоносы?!

— Вы, ящеры, не должны этого знать.

— А я хочу знать, хотя бы для этого мне пришлось пожрать Красную Змею!

Кино вздрогнул от ужаса и отвращения.

— Я не могу кричать. Опусти голову пониже и разверни свои прекрасные крылья. Никто не должен нас слышать.

Пустохвост вытянул длинную шею, растянул на земле лапы с летательными перепонками. В это время Кино смело взобрался вверх на кусты и прыгнул сбоку на голову хищника, изо всех сил вонзив пальцы ему в глаза. Пустохвост потерял сознание от боли и только бешено бил себя хвостом по голове. Но Кино, успевший вовремя спрыгнуть на

землю, вцепился когтями в то место хвоста, где не было перепонки, и перекусил острыми зубами все связки у сухожилия, и оставил врага без чувств, истекающего кровью. Гордый победой, он ощутил острый голод и отправился полакомиться муравьями.

В это время пролетавший мимо молодой Пустохвост увидел старого, беспомощно лежащего на земле. В одно мгновение он набросился на него и стал пожирать. Голод был выше всех родственных чувств.

Глава 2

Молодость первобытного леса

На суку, у дупла старого дуба, куда никогда не проникало солнце, встревоженная, сидела Мея — мать Кино.

— Я всегда говорил, что ты слишком рано выпустила его из своей сумки, — заметил Кнаппо, ее муж.

— Он уже достаточно велик и очень умен.

Было время полуденного сна, но мать и отец Кино не мо-гли заснуть.

Внезапно зашумели ветки, и перед ними появились самые знатные млекопитающие леса во главе с их соседом Седоголовым. Кроме того, прибыли Кузу, немедленно подвесившийся длинным хвостом на суке дерева, хорошенькая летучая мышь, маленький умный еж, волосы которого обратились в острые крепкие иглы.

Седоголовый сел на задние лапы и с серьезным видом начал:

— Не можешь ли ты сообщить мне, куда отправился твой сын Кино?

Прежде, чем Мея успела ответить, раздалось громкое жужжание насекомых.

— Вести с болота! Худые вести с гор. Восстание! Восстание против больших ящеров, властителей мира. Его под-нял твой сын Кино, — жужжали жуки.

— Великого Игуанодона, — с ужасом сказал Седоволо-сый, — он оскорбил своими песенками. Потом он осмел и обругал Пустохвоста. Бримм-жук слышал все это и теперь жужжит об этом по всему лесу. Чему вы его учили?

— Я учил его всему, — ответил отец Кино, — закону моря и земли, закону леса и гор, закону ящеров и пьющих молоко, и тому, что большие ящеры — властители мира, и тому, что мы — питающиеся молоком — не должны днем выходить из леса.

— Но Кино не верит этому, — сказала летучая мышь, — он хвастает, что знает больше всех ящеров. И еще говорит, что господство ящеров — ложный закон, и будто бы Крас-ная Змея хочет, чтобы мы стали могущественнее ящеров...

Ужас охватил толпу сумчатых, и только еж сказал:

— А ведь он прав. И ваша молодежь тоже не должна боять-ся. Красная Змея поддержит ее. Вместо того, чтобы прятать-ся в сумку, нужно пораньше выбираться из нее. Вместо то-го, чтобы прятаться после ночи, нужно чаще показываться

езде днем. Разве ваша кровь не тепла? Разве у вас нет глаз? Нет ума?

— Да, да, мы все хотим скорее уйти из своих нор, — слышалось сзади и со всех сторон, с каждой ветки засверкали задорные молодые глаза.

Седоголовый гневно поднялся, а старшие Кала и другие сумчатые подняли крик:

— Что вам нужно, зелень вы такая? Где ваши матери, назад, в сумки скорее! А тебе, еж, не стыдно ли быть зачинщиком бунта?

Молодые сумчатые собирались уже удалиться прочь, когда издали раздался свист и громкий шум ветвей. В эту же минуту среди стволов пронеслась стрекоза и прошелестела:

— Знайте, знайте все в лесу. Умирает Пустохвост, истекая кровью!!!

Не успели старики опомниться, как все молодые Кала бросились вниз с деревьев. Шумели листья, летели вниз различные плоды. По земле прыгали зайцы, из-под кустов травы выглядывали крысы. Отовсюду неслись радостные крики: «Пустохвост умер! Кино, Кино убил его!.. Да здравствует храбрый сын Кала! Долой ящеров!»

Кино, увлекаемый толпой, тоже прыгал среди вновь прибывших. Но Кнаппо, его отец, прервал ликование.

— Блудный сын! Что ты наделал? Ты накликал беду на всех нас! Марш сейчас же в гнездо и не смей показываться оттуда!

Старики так же поспешно разогнали толпу молодежи. Кино пытался защищаться:

— Не сердитесь на меня. Я победил злого Пустохвоста, который оскорбил Красную Змею. Я полноправный член племени Кала и могу поступать по собственному разумению.

Ему возразил Седоголовый:

— Да, ты приобрел гражданские права, но вместе с ними и ответственность за нарушение наших законов. Ты нарушил повеление Красной Змеи, ушел из лесу днем, восстал против ящеров — властителей животных, хвастался своими

делами и мудростью. За это мы изгоняем тебя, легкомысленного, из лесу, исключаем из нашего рода и племени Ка-ла.

Кино нашел глазами Мею, подошел к ней и обнял руками за шею.

— Прости, мать! Убийца Пустохвоста не может оставаться здесь, но ты еще увидишь меня. Я знаю то, чего не знают ни ящеры, ни питающиеся молоком. Красная Змея не гневается ни на меня, ни на вас. Скоро вы это увидите сами. Прощайте!

Глава 3

Новая жизнь

К западу от леса, за обнаженными горами, тянулось необозримое драконово болото. Там жили исполинские ящеры, называвшие себя властителями всего живого. Здесь можно было разглядеть блестящий чешуйчатый гребень Стегозавра, там притаился страшный исполинский ящер Мегалозавр — хищный властитель воды и земли, смевавший нападать даже на Стегозавра и благородного Игуанодона.

От холода все ящеры попрятались в свои притоны. Наступила холодная, ясная, звездная ночь. Но это были не те звезды, которые светят теперь. Солнце с тех пор перенеслось далеко в мировом пространстве. С ним переместилась Земля и другие планеты. На западе, почти у самого горизонта, блеснул сосед Земли, которого мы сейчас называем Марсом. За ним и следил широко открытыми глазами съевшийся на дубовом суку Кино.

Тревожно было у него на сердце. Захочет ли Красная Змея с ним говорить? Еще не так давно — всего около двух лун назад — он сидел здесь и смотрел на звезду, видневшуюся по ту сторону обширного болота. И с ним случилось нечто чудесное, великое, непостижимое.

Это был дивный сон: не было больше моря, болота, не

было и больших ящеров. Над всем властвовали Кала... нет, и не Кала, а нечто другое, лучшее, чем Кала и ящеры.

Только Красная Змея могла показать ему это будущее. На другой день Кала без страха взглянул на солнце. Ему стало веселее и привольнее, он больше прыгал, упражнялся в нанесении ударов и укусах. Время шло, и наступило наконец то утро, когда он победил Пустохвоста.

И вот он снова сидел здесь и ждал слова Красной Змеи. Но сегодня она ничего не сказала ему. Она скрывалась за туманом.

Где она живет? Как ее найти? Дорогу к ней знают Ключоносы, но они никому о ней не рассказывают. И никто не знает, откуда они сами приходят.

В эту минуту послышался шелест листьев и ветвей. В летящем животном Кино узнал Тагуана, летающее сумчатое, которое отсутствовало на сегодняшнем собрании, изгнавшем его из леса. Ночью Тагуан летал по всему свету, а днем прятался в своей норе. Лесные жители считали его глупым. Однако Кино не разделял это мнение.

— Тагуан! Тагуан! — крикнул он.

— Это ты, Кино? Знаешь, я искал тебя, чтобы пожелать успеха. Ты спас честь млекопитающих. Я хотел о многом поговорить с тобой. Пойдем к ежу, у него поблизости уютное жилье. Следуй за мной.

Кино пришлось делать большие прыжки, чтобы не отстать от Тагуана.

Путь, однако, длился недолго. На громадном плато, покрытом высокой травой, под одним из лежащих обломков скалы они нашли укромное и теплое гнездо ежа, устроенное из сухой травы. Оба гостя поспешно проскользнули туда.

Глава 4

Мудрецы верхне-мелового периода

— У тебя здесь очень уютно, — сказал Тагуан ежу. — Жаль только, что не к чему подвеситься хвостом.

— Я предпочитаю свертываться клубком, — ответил еж, — так надежнее.

— Почему ты покинул лес? — спросил Кино.

— Я решился на это после того, как тебя изгнали. Мы должны бороться против ящеров, но в лесу никто этого не понимает. Сам я неудачное животное. Мы слишком ложно поняли свое назначение и занялись развитием лишь оборонительных способностей. Мои дети лазают хуже меня, а внуки еще хуже. Потомки будут вообще не в состоянии взобраться на дерево. Мы попали в тупик, и дальше ежа не пойдем. Очень жаль, ибо у нас есть зачатки дарований, которые развились бы, выбери мы только правильный путь.

Вы — сумчатые — должны идти некоторое время по нашему пути, избегая наших ошибок. Согласись, что ежи — довольно умные животные.

Кино кивнул головой, Тагуан из вежливости промолчал.

— Мышление, — продолжал еж, — это главное. Вы должны перерасти себя, стать выше, одним словом, — вы должны сделаться сверхсумчатыми. Почему вы избегаете дневного света? Почему остаетесь рабами ночи, рабами рутины? Вам мешает сумка. Из нее вы, не двигаясь, бездумно смотрите на мир. Родись вы, как наши малютки, одетыми в игольчатую шубку и с совершенно развитыми частями тела, тогда знали бы, как надо идти вперед. Тогда вы стали бы развивать свой мозг, имели бы собственные мысли и сделались бы сверхсумчатыми. Ты, Кино, положил этому начало. Открою тебе тайну: ты родился в шубке. Ты — сверхсумчатый.

— Почему же вы не сделались нашими властителями?

— Мы самостоятельны, но власти над другими не имеем. От сумки мы избавились, но с нами осталась лень, поэтому мы сильны лишь своим воображением. Запомни последний мой завет — берегись зимней спячки.

— В этом-то и заключалась ваша ошибка?

— Да! С каждым годом становится холоднее. Деревья сбрасывают листья. Нам, скажем, стало холодно, мы зарылись в землю и заснули. Мечты и сон — это такое блаженство. Но они не двигают тебя дальше. Поэтому двигайтесь, лазайте по деревьям, не обращая внимания ни на день, ни на зиму. Вы должны бороться с зимой, которой не выносят ящеры. Тогда вы сможете превзойти их.

Тут в разговор вмешался Тагуан.

— Мой мудрый еж, — сказал он, — ты, в сущности, прав. Пока это тайна, но наступит время, когда воздвигнется новый мир, в котором не будет места для грубого племени драконов, мир, где все будет петь и радоваться, улыбаться и сиять красками, как нежные облака утренней зари.

— Как ты все это красиво описываешь, Тагуан, — с удивлением сказал Кино.

— Это потому, что я умею летать, — кивнул Тагуан. — Еж прав, говоря, что развитие должно идти вверх. Он говорит о «сверхсумчатых». Я скажу вам еще более великое слово. Вы будете «сверхмлекопитающими». Вы будете не толь-

ко прыгать по верхушкам деревьев, но и летать над ними, да!

— Я не понимаю толком, — скромно заметил Кино, — что нужно сделать, чтобы у нас выросли крылья. Не можем же мы переделать наше тело...

— Разумеется, — сказал Тагуан, — на это уйдет много-много поколений.

— Что касается полетов, то эта идея слишком опоздала, — сказал еж. — Мы должны бороться с любыми затруднениями, должны стать выше их. Иначе ничего не станет с мозгом. Мыслить! Мыслить! Мыслить! Так говорила Красная Змея, когда не было еще ни ящеров, ни сумчатых, ни птиц. Какое нам дело до всего остального, если мы добьемся безопасности благодаря нашему мышлению. Не прельщайся словами Тагуана, мой Кино. Не в воздух или в воду, а на твердую землю должен ты встать сверхсумчатым, млекопитающим с сильными руками и ногами. Так говорила Красная Змея, которая живет далеко за болотом.

— Как же перебраться на ту сторону болота? — спросил Кино.

— Между болотом и лесом тянутся горы. Если ты пойдешь по ним дальше на юг, то увидишь, что они все больше разрастаются вширь, а затем переходят в степь. Но ты всегда должен держаться леса; когда он кончится, иди все прямо на юг и придешь к другому лесу.

Кино молчал, а еж сказал:

— Теперь самое время ложиться спать. К сожалению, милый Тагуан, я не могу предложить тебе ни одного крючка, чтобы подвеситься на хвосте, как ты привык, а для тебя, Кино, вон там кучка мягкой травы. Ну, гости, я ложусь спать.

С этими словами еж свернулся клубком. Тагуан улетел, а Кино улегся в траву. В голове его проходило все, что он сегодня услышал, но больше всего его мучил вопрос, где найти Красную Змею, которая правит животным миром и направляет его развитие. Кино глубоко задумался, а затем незаметно заснул.

Глава 5

В драконовом болоте

Солнце стоит высоко над болотом. В жарком и душном воздухе ощущается запах гнили. В мелкой воде плещутся отвратительные веретенообразные гиганты. От толстого горба в середине в обе стороны на добрые десять метров тянется тело, сужающееся к концам. С одной стороны хвост, с другой голова, столь маленькая, что ее трудно отличить от шеи. Поедая пучки водяных растений, исполинские веретена медленно переваливаются друг через друга. Это единственная игра, которой всю жизнь развлекаются глупые Бронтозавры.

В траве прибрежного луга пасется пара Стегозавров. Их панцири сверкают на солнце. Спинной гребень покрыт страшными шипами. Они то бьют друг друга в грудь передними конечностями, то, нежничая, прижимаются друг к другу и не замечают страшной опасности.

Эластичным кошачьим прыжком кидается на них самый страшный дракон Мегалозавр. На нем блестящий панцирь, пасть усажена острыми серпообразными зубами. Поднявшись на задние лапы, чудовище страшно сжимает обоих Стегозавров своими лапами. Не помогают ни крепкие костяные пластины, ни спинной гребень, ни шипы. Хищный ящер своими ужасными зубами раздробляет им головы.

Из леса движется, подобно кочующей горе, Атлантозавр — в десять метров вышины, сорок длины. Стволы ломаются под его шагами, зелень целых деревьев исчезает в пасти. Его преследует хищный ящер с одним рогом на голове и выдающимися передними зубами.

Несмотря на то, что он больше слона, по сравнению с Атлантозавром Трицератопс кажется карликом. Но, скользя под травоядного исполина, он одним ударом рога вспарывает ему живот. В ту же минуту отвратительные ящеры меньших размеров набрасываются на вывалившиеся внутренности.

Кругом охотятся птеродактили-Пустохвосты. Все ящеры смеются над ними, ведь самый сильный из них убит маленьким ночным животным, презренным Кала. Все идет как обычно. Хищные драконы пожирают все, что подвернется, травоядные набивают желудок травой и зеленью деревьев. Бронтозавры валяются в болоте, а в море плавают Ихтиозавры и Плезиозавры.

День клонится к вечеру. Ящеры уже начинают искать свои притоны, когда необычайное движение поднимается среди жителей болот. Они выходят из убежищ и с любопытством смотрят на юг, откуда быстрыми прыжками приближается толпа странных маленьких созданий. Это Компсогнатусы. Их птичьи головы сидят на длинной, как у лебедя, шее. Клювообразные челюсти усажены острыми зубами. Короткие передние конечности висят свободно. Двигаются они на задних ногах большими и быстрыми прыжками. Поддерживает их при этом длинный, как у пресмыкающихся, хвост.

— Клювоносы! Клювоносы! — разносится крик по всему драконову болоту. Все ящеры приветствуют их почтительно, а Клювоносы шепчут им непонятные слова:

— Растите под охраной Змеи! Да будет к вам милостива Красная Змея!

Бронтозавры даже удаляют от берега водные растения, чтобы Клювоносам было удобнее ловить рыбу.

Солнце тем временем спустилось еще ниже. С севера подул холодный ветер. Один из Клювоносов говорит:

— У вас здесь холодно. Разве вы не ощущаете этого?

— О да, мы мерзнем, — заволновались ящеры. — По вечерам теперь всегда холодно. Попросите Красную Змею, чтобы у нас снова стало тепло.

— Мы сделаем это, если вы будете послушны, — отвечал Клювонос. Соберите травы на лугу и принесите сюда.

Стегозавры быстро наскребли большие кучи самой мягкой травы. Клювоносы поспешили забраться в гнезда, где было тепло и приятно. Ящеры попытались сделать то же самое и для себя. Но сколько травы они ни собирали, их гнез-

да оставались холодными, тогда как в гнездах Клювоносов явственно сохранялось тепло.

Среди ящеров послышался громкий говор:

— Клювоносы, вы священные животные. Правда ли, что вы питаетесь лучами солнца? Почему наши гнезда всегда холоднее ваших?

Грапш — предводитель Клювоносов — выпрямился во весь рост.

— Нет, мы не едим солнечных лучей, но нас благословила Красная Змея, потому что мы ее посланники. Кровь у нас теплая, поэтому мы можем согреть траву. Ваша же кровь холодна. Когда солнце не греет вас, вы становитесь холодными, усталыми и слабыми. Солнце будет становиться холоднее, а вы все слабее и слабее. Красная Змея гневается на вас.

Страшный Мегалозавр направился к Клювоносам.

— Разве мы не выполняли закон Красной Змеи, переданный вами? Травоядные ели траву и листья, те, кому даны зубы и когти, поедали более слабых. Я сегодня съел пару Стегозавров и сытый сижу рядом с вами.

Поднялся шум, пользуясь которым, Грапш шепнул Мегалозавру:

— А не лучше ли тебе вместо Стегозавров есть мягких сумчатых в лесу? Послушайся нас, и ты получишь их сколько угодно.

Гигант заскрипел зубами и засверкал глазами от предвкушения, а Клювонос громко крикнул:

— Молчите все! Созовите всех ящеров болота, я хочу объявить вам волю Красной Змеи. Но прежде, чтобы умиливать Красную Змею, принесите каждому из моих братьев по три яйца Пустохвостов, а мне — пять.

Пустохвосты были возмущены.

— Не верьте ему! На свете нет никакой Красной Змеи. Видели ли вы ее хоть раз? В любом случае, мы в ней не нуждаемся. Мы можем летать, а Клювоносы только прыгают. Даже Мегалозавру не достать нас, так какое нам дело до Красной Змеи!

— Принесите нам яйца Пустохвостов, — спокойно повторил Грапш. — Так требует Красная Змея, желая наказать Пу-

стохвостов. От них идет все зло, и страх идет на ящеров. Почему самого сильного Пустохвоста победил маленький сумчатый? Потому что Пустохвосты не уважают Красной Змеи.

— Позор! Позор! Стыд и позор всем Пустохвостам! — затрещали ящеры.

Пока Пустохвосты старались спасти от сильных ящеров хотя бы часть яиц, маленькие быстроногие ящеры созывали всех обитателей драконова болота на собрание.

Клювоносы грелись в своих гнездах, с удовольствием пожирали яйца, а тем временем ящеров прибывало все больше и больше.

Глава 6

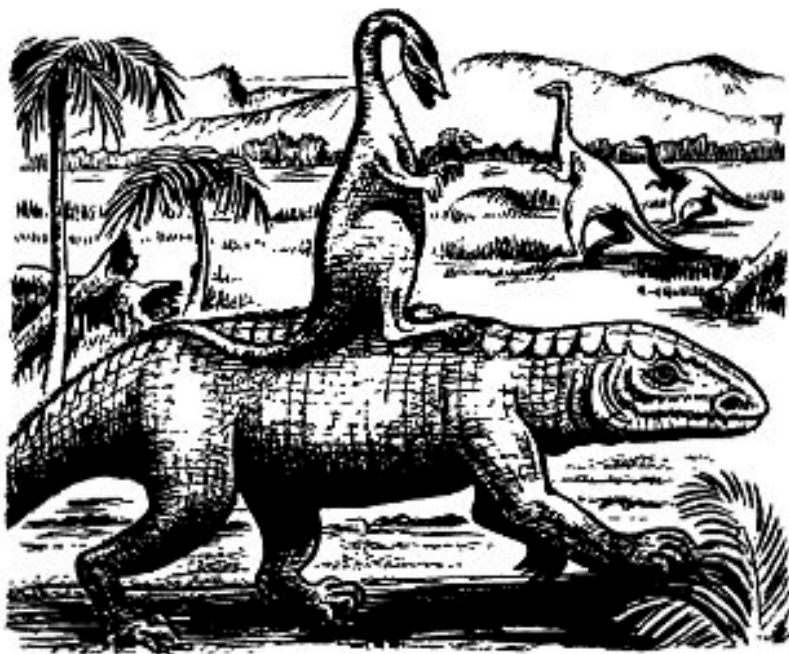
Вестники Красной Змеи

Клювоносы нарочно выбрали для собрания поздний вечер, когда холод заставлял ящеров внимательно прислушиваться к грозным предостережениям. Насытившись вволю, Грапп прыгнул на спину Мегалозавра и обратился к собравшимся:

— Когда еще не было ни рыб, ни ящеров, ни насекомых, ни сумчатых уже была на свете Красная Змея. Ее длины хватило от одного конца мира до другого. С каждой стороны у нее было по глазу — один белый, другой черный. Со стороны белого был день, со стороны черного — ночь; посреди них, где покоилась Красная Змея, были красные сумерки.

И Змея отложила два яйца. Одно там, где был день, и назвала его Солнцем. Из Солнца вышло племя ящеров, а скорлупа образовала море, болота, ил, чистый берег. Другое яйцо легло там, где была ночь, и назвала его Луной. Из Луны произошли сумчатые, а ее скорлупа образовала лес, скалы и горы.

Красная Змея сказала ящерам: «Вы, дети Солнца, будете жить в тепле моря и болота, выходить на чистый берег. Все животные лесов, скал и гор будут повиноваться вам. Я дам вам силу и панцирь, чтобы вы могли сохранить свое могущество. Вы будете есть, сколько хотите, растения и животных, будете поедать друг друга, чтобы в живых остались только те, которых я изберу для прославления вашей силы и вашего панциря.

Властвуя днем, вы должны обращать внимание на то, чтобы лесные животные не выходили на солнце. Ночью вы будете спать, ибо вам запрещено видеть то, что ночью бывает на небе. Когда солнце скрывается, там сверкают злые духи, которые могут убить вас, ибо они духи холода.

У одних из вас кожа будет обнажена, у других — покрыта панцирем. Но кто из вас пожелает, чтобы он покрылся мехом или волосами, тот погибнет.

В ваше тело я вложила спинной мозг, управляющий ва-

шими движениями и силой внешних чувств. Он будет постепенно расти и стягиваться к одному концу, чтобы вы были могущественны и делали все, что пожелаете.

Посланниками своей воли я избрала племя Клювоносов. Только они будут передавать вам мои повеления, которые вы должны выполнять беспрекословно. Ибо через них говорю с вами я, Красная Змея».

Сказав это, Красная Змея скрылась, и никто, кроме нас, не знает, где она, и вы можете общаться с ней только через наше посредство.

Вы обязаны добиться, чтобы все лесные животные повиновались законам Змеи. Нарушителей можете ловить, убивать, есть и уничтожать все их племя. Такова воля Красной Змеи.

Грапп спрыгнул с головы Мегалозавра, но прежде, чем животные осмелились двинуться с места, на нее вскочил другой Клювонос — Каплавут. Размахивая передними конечностями, он крикнул:

— А знаете вы, что сделает Красная Змея, если будет нарушаться ее закон? Она начнет слизывать Солнце, и оно будет становиться меньше и холоднее. И день станет холодным, как ночь, а ночью вся вода затвердеет, как утренний иней. Деревья потеряют свои листья, трава умрет, так что вы останетесь без пищи. А те, кто не погибнет от голода, окоченеют до такой степени, что не смогут двинуться с места. Тогда из лесу выйдут ночные животные в теплых шубах и выцарапают вам глаза, как выцарапал их маленький Кала большому Пустохвосту. Они съедят ваш мозг, а кости ваши будут швырять в Солнце, пока оно не рухнет на Землю. И тогда наступит вечная ночь.

Животные дрожали от страха и холода, не осмеливаясь взглянуть вверх, чтобы не видеть сверкающих глаз ночных духов, смотреть на которых им запрещал закон.

Грапп что-то сказал Клювоносам на своем языке, которого не понимали ящеры, и те, рассыпавшись во все стороны, стали что-то шептать ящерам, притаившимся в тине или траве.

Тем временем один из Бронтозавров поднял из воды свою длинную шею и робко спросил:

— О, мудрый Клювонос, ведь мы, живущие в теплой воде, не виноваты в том, что Кала убил Пустохвоста. За что же гневается на нас Красная Змея?

Грапп был готов к ответу.

— Милый Бронто, когда Красная Змея слизнет Солнце и все земли замерзнут, разве сохранит тепло ваша вода? Нет, вам придется страдать вместе со всеми.

— Что же мы можем сделать, чтобы Красная Змея не гневалась и не слизывала солнце?

— Сейчас скажу, — ответил Грапп. — Кто первый нарушил повеление Змеи? Ночной Кала из рода сумчатых. Он вышел из леса среди бела дня, хвастался, что говорил с Красной Змеей. Змея позволила ему убить Пустохвоста и нарушить свой долг для того, чтобы ящеры, наконец, проснулись. Все злое и пагубное идет от ночных зверей в лесу. Они хотят быть властителями земли, и болота, и моря. Несмотря на запрет Красной Змеи, они добились теплой крови, одеваются в шубы, скрывают свою кожу под волосами. И главное, увеличивают вес своего мозга, готовясь восстать против ящеров. Поэтому, великие драконы, у вас остается один путь к примирению с Красной Змеей и собственному спасению: уничтожить млекопитающих, всех животных в лесу! Смести с лица земли все их потомство!

Мегалозавр крикнул так, что голос его был слышен по другую сторону болота:

— Уж я это сделаю. Я перейду через горы, сломаю лес, доберусь к дуплам деревьев и пожру млекопитающих, ни одного не оставлю в живых...

Грапп тем временем шептался с Клювоносами.

— Исполнили вы все поручения? Передали всем мои слова?

— Да, — ответили Клювоносы. — Все в порядке. Они боятся Мегалозавра и желают, чтобы их предводителем был ящер, питающийся растениями.

— Хорошо.

— Слушайте, ящеры, и ты, Мегалозавр, слушай! — крикнул Грапп. — Как ты ни велик, но ты не в состоянии будешь один решить дело. Все ящеры должны помогать друг дру-

гу. Одни будут уничтожать растения, другие ловить животных. Нужно выбрать предводителя, которому все должны повиноваться. Сделать это нужно сейчас же.

— Хорошо, — воскликнул Мегалозавр, — выбирайте тогда меня. Я, несомненно, самый сильный из вас.

Снова зашумело и затрещало кругом, и послышался голос могучего Атлантозавра:

— Только не Мегалозавра!

— Не Мегалозавра! Не Мегалозавра! — раздалось со всех сторон.

— Травоядного выбирайте! — закричали из воды бронтозавры. — Атлантозавра выбирайте!

— Не меня, — смелее на этот раз отвечал Атлантозавр. — Игуанодона следует выбрать.

— Игуанодона, — повторил Грапп довольным голосом. И по всему болоту пронесся крик, точно голос бури: «Игуанодона! Игуанодона!»

В бешенстве вскочил Мегалозавр на ноги, раскрыл страшную пасть, вытянул шею, готовясь броситься на Атлантозавра. Но, подняв голову, он увидел перед собой то, что никогда не видел и не смел видеть... Темный свод, на котором пылали тысячи ярких точек, а поперек тянулась мерцающая огоньками полоса... Взбешенный исполин дрогнул и съежился. При виде ночных духов он спрятал свою страшную голову в траву, и зубы его застучали от страха.

Полная тишина воцарилась на болоте. И снова раздался голос Граппа:

— Да будет же Игуанодон нашим предводителем! Так решила Красная Змея. Мегалозавр, пытавшийся противиться ей, повергнут в прах. Если он попытается возобновить свою попытку, холодные духи ночи убьют его. Да здравствует Игуанодон! Он велик, силен и мудрее всех ящеров. Никто не смеет сомневаться в его словах, потому что через него говорит Великая Змея. Двинемся же покорно к нему и будем просить согласиться стать нашим предводителем. Кто хочет стать нашим посланным?

— Я, — воскликнул Атлантозавр. — Я пойду напролом через лес.

— Это не годится, — возразил Каплавут. — Лесные звери догадаются, что им что-то грозит; мы должны напасть на них внезапно. Мы сами отправимся к Игуанодону через обход в далеких южных горах. А вы идите на покой, пока Солнце не согреть вас.

Глава 7

На пути к Красной Змее

Слышавший все это Кино осторожно пробрался мимо спящих драконов и направился прямо на юг. Там, вдали, подымались высокие горы, там находилось горячее облако, а за ним, возможно, живет Красная Змея. И Кино направился на поиски. Давно остался позади его родимый лес, ущелье, часть степи.

Здесь начался незнакомый, совсем чужой ему лес. Кино ловко прыгал между сучьями. Отдыхал он всего два раза в день по нескольку часов, а ночью быстро двигался вперед. Была уже третья ночь его похода.

Мысли о ночном совещании драконов и Клювоносов не оставляли его. Как Клювоносы общались с Красной Змеей? Где они с ней встречаются? Клювоносы говорили, что ящеры будут править вечно, но Кино был убежден в противоположном. Кто же прав? На юге должен он, наконец, узнать истину. Наступало утро. Кино почувствовал себя очень усталым и голодным. На араукарии он нашел себе хорошее место для отдыха и ненадолго заснул. Проснулся Кино от жарких лучей Солнца. Клювоносы уверяли, что Солнце — это яйцо, положенное Змеей туда, где был день, что из яйца вышли ящеры, а скорлупа образовала море и тину. Но Солнце здесь, оно на небе. Значит, Клювоносы не говорили всей правды, а только обманывали глупых ящеров.

Кино вздрогнул, как от неожиданного удара. Учение Клювоносов было ложным. Все, что Кино слышал от Красной Змеи, вполне подходило к тому, что он видел ежедневно.

Солнце всходило и не было яйцом, из скорлупы которого образовалось море. Ящеры утверждали, что лесные звери не должны выходить из леса днем, а Кино сделал это, и Красная Змея дала ему победу над Пустохвостом. Этим она подтвердила ему, что он должен низвергнуть власть ящеров и передать ее млекопитающим. Итак, на юг, к Красной Змее! Кино быстро двинулся вперед, но вдруг остановился, вскрикнув от неожиданности. Перед ним было море, тянувшееся так далеко, что конца не было видно. Поверхность воды была неподвижна и чиста, отливая голубизной. У подошвы скал шумел прибой. Нежно и утешительно дул тихий ветерок. А прямо перед ним, далеко на юге, как бы из волн моря поднимался высокий горный хребет, из середины которого высилась отдельная, совсем белая вершина. Над ней показалось белое облако и развеялось по ветру, вслед за ним стали появляться новые облака. Не там ли, на белой вершине, жила Красная Змея? Не попал ли он на нужный путь?

Но как добраться туда через море? Он стал пристально вглядываться налево. Берег там описывал широкую дугу. У подножия южных гор тянулась обширная долина, простиравшаяся, вероятно, до гор с белой вершиной. Равнина была покрыта лесом. Там росли стройные высокие пальмы, между ними просвечивали зеленые, серые, красные и белые цветы.

Опасаясь встретить врагов в чужом лесу, Кино осторожно осмотрелся и очень обрадовался тому, что увидел. Здесь оказалось множество вкусных муравьев. Ему очень понравились длинные сладкие стручки рожкового дерева. Ничего подобного он до сих пор не ел. Красная Змея, видимо, милостива к нему. Нигде не было видно ни одного крупного животного.

Вода была совершенно тиха и прозрачна. Вдруг он услышал в воде тихий шепот и от ужаса едва не упал в море. То, что он сначала принял за круглые, покрытые водорослями камни, ожило и медленно двигалось... Это была целая колония моллюсков, поселившихся у берега. Вдвое длиннее Кино, они сидели в воде, точно исполинские конические жбаны, широко открывая свои плоские крышки.

— Хвала Священной рыбе, Священной рыбе, — шептали они.

Кино захотелось узнать, что означал этот шепот, похожий на пение, и он крикнул вниз:

— Кви! Кви! Кто вы и что делаете там внизу?

— А ты кто такой, что спрашиваешь? — зашептали раковины.

— Я Кино, тот Кало, что убивает ящеров.

— Если ты убиваешь ящеров, тогда убей и больших змей. А то они обыкновенно пробираются сюда; самая злая из них Пифон. Стоит нам открыть наши крышки, как он просовывает свою ужасную морду к нам в раковины и высасывает наши соки. Но Пифон приходит редко, он боится Священной рыбы, вот почему мы каждое утро ее восхваляем.

Кино задумался. Значит, в море живет какая-то злая большая змея. А кроме того, Священная рыба, убивающая змей. Чему же верить? И вдруг Кино вспомнил, что мелькнуло в его сознании, когда он думал о Красной Змее и слушал рассказки Клювоносов: «Открой глаза и верь только самому себе».

И счастлив был Кино, что открыл глаза. Вдали на море показалась красная спина, затем шея с головой, пасть которой была усажена страшными зубами. Это была змея, длинной превосходившая самого большого ящера. Кино вздрогнул и крикнул:

— Змея идет!

Пока моллюски поспешно захлопывали свои крышки, змея подплыла прямо к коралловому рифу и взобралась на него. И тут Кино понял, что это была не змея. Животное имело четыре ноги с лапами. С их помощью оно взобралось на верхушку рифа и соскользнуло в лагуну, находившуюся между рифом и берегом, считая себя в безопасности от преследующего врага. А враг этот был самым ужасным из всех морских животных — гигантская акула. По длине она была не меньше самого Пифона, а острые зубы в два ряда — вдвое длиннее тела Кино.

Акула проникла через проход в рифе и бросилась на змею. Та пыталась ухватиться передними лапами за берег, но аку-

ла, перевернувшись на спину и ударив хвостом по воде, с широко открытой пастью бросилась на змею и перекусила ее в самой середине тела... Кровь окрасила воду, в которой бился разорванный пополам Пифон.

Охваченный ужасом Кино неподвижно сидел в своем убежище. Теперь он понял, почему на этом берегу не было ящеров. Он понял и другое: на свете существуют и более сильные животные, чем обитатели драконова болота. Значит, неправда, что — ящеры властители земли. Но ведь млекопитающим от этого не легче. Ведь рыбы не могут попасть на землю. И почему большая рыба плавает только в теплом море? И почему это море теплое?

Ах, как велик мир, и сколько в нем вещей, над которыми нужно хорошенько подумать.

Глава 8

Теплое море

Акула удалилась, и Кино смело направился к берегу. Там лежало нечто ужасное. Акула пожрала всю змею до того места, до которого могла доплыть по воде. Но громадная голова, вцепившаяся в росшие на берегу водяные растения, висела у берега. Кино ловким прыжком вскочил на нее и стал раскачиваться, как на гибком древесном сучке. Тут он снова услышал шепот моллюсков.

— Хвала Кино, убившему большую змею моря! Хвала Кино!

Кино пытался возражать, но моллюски, не видевшие прошедшей схватки, даже не слушали его и продолжали петь свои хвалебные гимны. Тогда он снова попытался прервать их.

— Если вы хотите меня отблагодарить, скажите мне, как добраться до Красной Змеи.

— Мы не знаем животных земли и гор. Мы знаем только песнь воды. Море шумит и разрушает землю, Священ-

ная рыба уплывет с теплой водой в холодную страну, а ящеры замерзнут или их поест Священная рыба. Восхвалим же Кино-победителя.

Раковины продолжали петь, но на этот раз песня их звучала, как непонятная жалоба.

— Малое будет великим, а великое малым. Наступит время, когда земля станет могущественнее моря. Кино прыгает по земле. Он мал, но будет велик. Мы велики, но будем малы. Земля станет владычествовать над морем, а дети Кино будут плавать по морю и убивать Священных рыб. Восславим же могущественного, который станет сильнее Священной рыбы!

Тогда Кино воскликнул:

— Скажите же мне наконец, как добраться до белой горы?

— Иди по берегу моря до большой реки. На другом ее берегу находится гора. Сядь на берег реки и пой песню воды — «Холодное будет теплым, теплое холодным». К тебе явится большая черепаха и перевезет через реку.

Крикнув раковинам «Спасибо и прощайте!», Кино отправился на юг по скользкой, покрытой мягким мхом поверхности скал. На узкой прибрежной полосе не видно было ни одного живого существа, как будто это был священный путь, специально для путешествия Кино.

Солнце уже приближалось к поверхности моря, когда Кино добрался до устья реки. Он занялся ужином, высматривая в то же время, нет ли поблизости черепахи, но так ее и не обнаружил.

Освежившись теплой и сладкой водой и утолив жажду, Кино оглянулся кругом. На ночном небе над темной полосой леса поднималось что-то красное, точно полоса огня, принимая все новые и новые образы, то в виде круглой и толстой спины Игуанодона, то в виде узкой с острой мордой головы ящера, то в виде извивающейся змеи... Красной Змеи, такой могучей, таинственной...

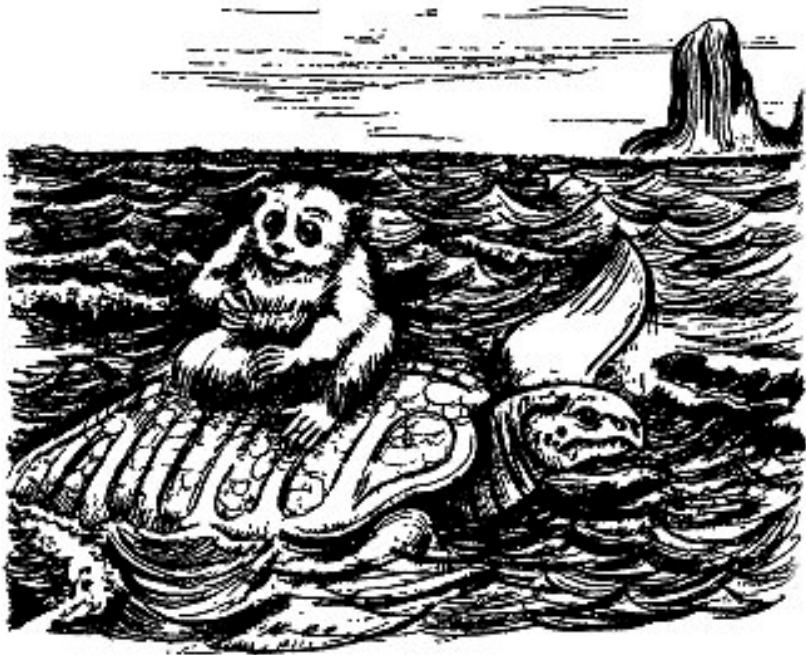
Не сознавая, что он делает, Кино запел песню моря: «Холодное будет теплым, теплое холодным! Великое будет малым, а малое великим!»

Послышался плеск воды; из нее показалась голова и большой панцирь с двумя громадными лапами по бокам. Внизу под собой он услышал глухой голос:

— Ты Кино?

— Да, это я.

— Прыгай ко мне на голову, и я перевезу тебя. Запомни, когда будешь сидеть на моей голове, не говори ни слова, не спрашивай ничего. Звук голоса запрещен в открытом море. Когда я скажу тебе: «Прыгай!» — то прыгай с моей головы куда попало, потому что после этого я нырну под воду. Ну, давай, прыгай!

Кино продолжал колебаться, но желание увидеть Красную Змею было слишком велико. Он решил поверить себе, сделать то, что считал правильным, и сделал решительный прыжок на голову черепахи. Через минуту они пустились в путь. Плавание шло медленно. Никогда еще он не бывал на воде, а теперь оказался в море совершенно один... И

он не смел говорить, не смел спрашивать.

Спустя некоторое время под красным облаком показалась темная полоса. Это был другой берег. С надеждой смотрел на него отважный мореплаватель.

В эту минуту прямо на черепаху выплыло какое-то черное чудовище с широкой спиной и ветвистыми руками и ногами. Забыв запрет черепахи, Кино в страхе крикнул:

— Стой, стой! Что это такое?

— Прыгай! — глухо ответила черепаха.

Кино понял, что сейчас она втянет голову внутрь панциря — и тогда он окажется в воде. Он смело прыгнул в сторону чудовища и вцепился в его мягкую и мокрую спину.

Черепаха беззвучно ушла под воду. Кино осмотрелся, и страх его перед неизвестным зверем прошел. Чудовище оказалось сгнившим деревом, уносимым течением реки.

Страшно было другое. Ствол неуклонно отдалялся от берега в открытое море. Кино был уверен, что обречен на верную погибель.

Глава 9

Невиданные животные

Куда плыть? Да Кино забыл и думать об этом, выплыв из реки в море. Увидев громадных плавающих рыбащеров, которых подстерегала ужасная акула, он спрятался в дупле дерева. Он сидел неподвижно и дрожал. Не сам ли он превознес себя, преувеличил свои подвиги? Не за это ли разгневалась на него Красная Змея и возбудила гнев ящеров против сумчатых?

— О, мои бедные родители и братья по лесу. Я заставил вас страдать. Вот-вот придут ящеры, наделенные исполинской силой; они сломают леса и уничтожат всех млекопитающих. По моей вине наступит гибель лесных животных.

Так плакался Кино в глубоком раскаянии. Но как и через кого послать известие родным о грозящей им опасности?

Если их нельзя спасти, надо дать им возможность своевременно бежать. Но здесь не было послгов. Верь самому себе — самому себе, маленькому Кино? И он поверил себе, а точнее голосу, говорящему в нем. То был не его собственный голос, а голос Красной Змеи, говорившей не только в нем, но во всем, что имело к нему отношение — в его роде, в лесу, в млекопитающих и их бедах, в Солнце, в тепле, в его безотчетной тоске...

Черепаша сказала, что море единое и потому требует не мудрости, а повиновения. Чтобы повиноваться единому... Земля тоже должна стать единой. Многое должно превратиться в единое, чтобы все мы на земле не противоречили друг другу. Единое должно быть в нас, и когда мы найдем путь к нему, то получим единый закон — закон Красной Змеи.

Становясь частью единого, я узнаю в себе то, что есть во всех. Я буду этому верен. Каждый в себе, но для всех. Я понимаю и верю тому, чего хочет Красная Змея. Любой путь ведет к тому, чтобы получить единое. И если даже не станет маленького Кино, то сделанное и понятое им поможет другим найти единое.

Глаза Кино сделались еще больше. Он ничего не видел и не слышал вокруг себя. Это был уже не Кино. В нем говорил голос, который должен был звучать в последующих поколениях, пока они не найдут слово для того, что Кино называл единым, что влекло его к желанной цели в образе Красной Змеи.

Оно сверкало в мерцании звезд, шумело в волнах моря, клубилось в огненном потоке вулкана и дрожало в деятельном мозгу маленького предка человека, хотя еще в виде магической формулы, но уже пробуждало в тайниках его сознания мысль!

Кино очнулся от своих мечтаний и больше уже не боялся. Начинался прилив. Быстрое течение несло древесный ствол к берегу. Кино выждал благоприятный момент и прыгнул на высокое дерево, стоящее в воде недалеко от берега.

Он вцепился в один из далеко торчащих вперед сучьев и, дрожа от радости и волнения, уселся на нем...

Он был спасен. Он быстро добрался до первого лесного дупла и крепко заснул. Проснувшись и кое-как позавтракав, Кино возобновил свои поиски. Едва заметное белое облако указывало на близкое соседство белой горы. Чем выше он забирался, тем ниже становилась трава, сильнее жгло солнце. Но вот начался спуск, которому не видно было конца.

И тут Кино увидел нечто необыкновенное, чего до сих пор не видел ни разу. Он увидел маленькие голубые звездочки с желтеньким глазком посередине. С удивлением смотрели они на него, качаясь на стебельках, вросших в землю. Были тут и другие глазки, сиявшие розоватым, красным и белым цветом. Среди глазок слышалось тихое жужжание, которое издавали полосатые жуки, похожие на мух, только красивее. Они забирались в глазки и выбирались оттуда с ножками, покрытыми тонкой желтой пылью. Некоторые из глазков принялись порхать по воздуху.

Кино шепотом спросил:

— Кто вы такие, прекрасные глазки, что вы делаете здесь?

Глазки не отвечали, зато послы, летавшие между ними на лугу, зажужжали и запели:

Мы пыльцу собираем с цветочных глазков,
Воспеваем тепло и свободу.
И на крыльях прозрачных готовы собрать
Много вкусного сладкого меду.

Большой толстый шмель уселся против Кино и приветливо спросил его:

— Неужели ты не знаешь, что такое цветы?

— Таких прекрасных и разнообразных цветов я еще не видел; что они делают здесь?

— Они кормят нас медом, который мы очень любим. А мы переносим цветочную пыль с одного цветка на другой. Делая их красивее и разноцветнее.

— А сами-то они что делают?

— Стараются быть красивыми и сладкими.

— Но летающие цветы еще красивее этих. У них, наверное, самый сладкий мед?

— Что ты! Это ведь бабочки. Они лентяи. Нам нет до них дела.

— У вас, значит, нет никаких забот. Вы не боитесь злых ящеров и других животных, нарушающих законы Красной Змеи?

— Я не знаю, кто такие ящеры и что значит быть злым. Что такое закон? Кто такая Красная Змея? Когда солнце светит, то цветы благоухают, мед течет, а пчелы жужжат. Когда оно не светит, мы спим в темноте, ничего не зная и не чувствуя. Что может быть лучше? Но сейчас светит солнце, и я должен собирать мед. Прощай же, прощай!

Шмель улетел. Кино сидел неподвижно, не зная, что ему думать. Он увидел, как из длинной личинки выползло маленькое существо.

Через минуту по бокам его стали развеваться два пестрых блестящих крылышка. Они развернулись во всю длину, зашевелились, и удивительно красивая бабочка уселась на обломке скалы, освещенная лучами солнца.

Кино захотелось поближе рассмотреть красавицу, но пока он взобрался на скалу, та уже улетела. Зато он увидел за этой скалой другие крутые скалы и стал карабкаться по ним, с трудом сознавая, зачем он это делает. В нем что-то тихо звучало, чего он раньше не слышал. Он увидел, что идти

выше некуда. Неужели он один в этом мире? Ни травы, ни цветка, никаких животных, ни единого звука кругом.

Под ним зияла пропасть, за нею громоздились новые горы, а над ними, на невероятной высоте, среди голубого эфира, поднималось что-то ослепительно белое. И оттуда тянулся серый столб, разливаясь вверху белым облаком...

Священный трепет охватил Кино. Он был вблизи Красной Змеи.

Глава 10

Красная Змея

Великое будет малым, а малое будет великим!

Да, теперь он знал, что это значит. Здесь он впервые увидел, как мир велик... и как он, Кино, мал.

Но разве это был не его мир? Ведь он прыгал по лесам, плыл по реке и морю, полз по лугам, карабкался по скалам благодаря силе собственной воли. Не являлась ли она частью великой могучей воли Красной Змеи? А раз ее величие было в нем, малом, значит, и он был велик и могуч.

— О, Красная Змея, если ты живешь в этом горячем облаке, подтверди это каким-нибудь знаком.

Где-то и что-то глухо прогремело, и Кино вздрогнул. Это был не гром, звуки шли из-под земли. Грохот повторился, и Кино получил такой толчок, что едва удержался. Вся гора дрожала, камни и обломки скал скатывались в долину. Сотрясение продолжалось всего минуту, затем все стихло. Счастье, что Кино сидел на самом верху: ни один камень не мог задеть его. Земля под ним поколебалась, но он удержался на прежнем месте.

«Легко вам надеяться, — думал Кино о пчелах, цветках и бабочках, — когда живете на обширном и изобильном солнечном склоне, собираете мед, спокойно спите, спокойно просыпаетесь и не знаете врагов. Но и мы тоже надеемся, потому что Красная Змея дала нам способность стремиться

к тому, чего еще нет, она дала нам мужество и острые зубы для защиты от врагов. А чтобы мы не вздумали лениться, она дала нам способность, которая делает нас умнее и заставляет думать о будущем; она дала нам разум, чтобы понимать мир, когда придет то, чего еще нет. И она сотрясает горы, чтобы мы не забывали о ее величии».

Так думал Кино, пока сотрясение земли не прекратилось, а затем он снова начал карабкаться по склонам крутых и гладких скал, от которых ноги его покрывались ранами. Так он добрался до цепи скал, покрытых белым песком.

Он прыгнул на этот белый песок, но погрузился в него так глубоко, что торчала одна голова. Песок был ужасно холоден, даже теплая шкурка не спасала от холода. А в том месте, где он увяз, песок стал влажным и тяжелым — и ему сделалось еще холоднее.

Такого песка он никогда еще не видал. С трудом выбравшись из плена, он попал, наконец, на каменную возвышенность и ниже увидел огромную котловину. Здесь не было растительности, а только выделялись желтоватые полосы и пятна. Между ними тянулись страшные трещины, из которых вылетали белые маленькие облака. Воздух был насыщен неприятным едким запахом, по земле пробегала легкая, но непрерывная дрожь.

Кино увидел длинное кроваво-коричневое животное, покрытое слизью, и задрожал от страха. Это была змея.

Бежать от нее? А если это Красная Змея? Пока он колебался, раздался страшный грохот. Целая лавина белого песка обрушилась на крутой скалистый гребень, через который перешел перед этим Кино, и отрезал ему дорогу назад. Тем временем змея взобралась еще выше по склону. Там Кино увидел еще одно животное — большую жабу с выпуклыми глазами и широким ртом. Змея, широко раскрыв пасть, бросилась на жабу и обвила ее кольцами своего тела. Кино вскрикнул от ужаса. Нет! Змея, пожиравшая жабу, не может быть Красной Змеей. Тут случилось еще нечто худшее. Из-за камней выползла вторая змея и поползла к Кино, которому некуда было скрыться.

Тут раздались раскаты грома, и гора снова заколебалась под ногами Кино; камни отрывались от земли и неслись вниз. Один из них задел извивающуюся змею, второй разmozжил ей голову, и та уже не шевелилась больше.

Только теперь Кино понял, что падающие камни могут убивать змей; пусть же они убьют и вторую, которая была совсем близко и уже подняла свою голову... Кино прошептал: «Красная Змея, убей и эту!» И вдруг он понял: Красная Змея была в нем самом. Теперь он это знал. Он схватил ближайший камень и швырнул в змею. Камень попал в тело врага и ранил его. С мужеством отчаяния Кино швырял в растерявшуюся змею камень за камнем, пока один из них не попал в ее раскрытую пасть и не свалил ее вниз.

А земля тряслась, гром гремел. Из верхушки горы вырвался красный огненный столб, дым и испарения поднимались отовсюду... Все темнее делался воздух... Неужели это дыхание Красной Змеи, которое она выпускает в гневе? Неужели настал конец мира?

Кино убил Красную Змею, и мир погибает. Но вместе с этим восстал и новый мир...

Случилось нечто, чего еще никогда не было: не зубами,

не когтями, не конечностями собственного тела победил он врага, распростертого внизу. Он победил его брошенным камнем — первым оружием!

И месть разбитого мира обрушилась на маленького изобретателя... Мечь за то, что он первым восстал против грубой силы, первым победил силу мышлением.

Ослепительные зигзаги молний бороздили помрачневшее небо, сверху сыпался настоящий дождь пепла. Кино, притаившийся под выступом скалы, задышался от недостатка воздуха; мысли его путались.

С горы доносился грохот грома, из долины подымался жгучий воздух... Неподвижно лежал Кино среди бушующих стихий.

Глава 11

Тайна Клювоносов

Стая Клювоносов во главе с Граппом и Каплавутом направлялась к покрытому лесом берегу. Отправляясь к Игуанодону, они захватили с собой целое войско своих товарищей на случай встречи с Пустохвостами. Клювоносы, правда, были священны для всех, верящих в Красную Змею, но Пустохвосты всегда были закоренелыми злодеями, и Клювоносы не доверяли им. Они знали, что Пустохвосты могут напасть на маленькую толпу и уничтожить ее всю, чтобы никто не мог рассказать об этом злодеянии.

Грапп все время заботился о том, чтобы не упустить ни малейшей предосторожности. Но вести к Игуанодону всех Клювоносов он не собирался.

В начале полосы низкого кустарника, где Кино некогда скрывался от Пустохвоста, Грапп собрал всю группу и приказал ей ждать здесь или его самого или его посланного. Он строго запретил всем выходить из кустов, а сам с Каплавутом, взяв по одному помощнику, продолжил трудное путешествие до берега реки. Здесь они остановились отдох-

нуть, а помощников послали разыскать Игуанодона.

— Без Мегалозавра нам не обойтись, — сказал Каплавут, рассматривая могучий, как крепость, лес. — Игуанодон не дорос еще до этих крепких деревьев.

— Этого и не нужно, — отвечал Грапп. — Сильных ящеров достаточно. Атлантозавр все уничтожит. Необходимо обязательно избавиться от Мегалозавра. Помоги мы ему достигнуть славы победы, и он станет владыкой мира. Такой силе трудно противиться.

— Духи ночи низвергли его в прах.

— Наше счастье, что была ночь. Болото увидело теперь, что и Мегалозавры способны бояться Красной Змеи.

— Красная Змея передала нам власть, чтобы мы заботились о тех животных, которые сами не могут думать о себе. И, главное, чтобы они не научились этому. Если они научатся думать и понимать окружающее — нашему могуществу конец. А потому... потому-то и следует уничтожать лесных животных.

— В сущности, — прервал его Каплавут, — почему, собственно, Красная Змея хочет, чтобы властвовали ящеры, а не сумчатые? Неужели у нас не хватит ума руководить сумчатыми так, чтобы воля Красной Змеи выполнялась для их и, конечно, для нашего блага?

— Они могут не остановиться в своем развитии. Научившись думать, сумчатые могут одержать победу даже над сильными ящерами. Силы нам нечего бояться, нам страшна мысль. Хорошо, что пока они сами не знают, к чему это может привести. Но некоторые чувствуют это, например, хитрый Кала. Он пророк. А там, где появляются пророки, следует уничтожать все племя, пока оно еще не поддержало их. Потом будет поздно.

— Я преклоняюсь перед твоей мудростью. Я знаю только правила нашего ученья, но основ их еще не усвоил.

— Ты достоин получить высшую степень. Что говорит первое правило?

— «Если хочешь повелевать, держи всех в неведении».

— А второе?

— «Ум побеждает силу».

— Хорошо. Мы переросли племя ящеров и стали их властителями потому, что мы умны. Я открою тебе тайну, как развиваются ум и сила. Мы учили ящеров, чтобы они развивали спинной мозг на заднем конце спины. Но этим мы учили их идти по ложному пути. Способность ящера стремительно двигаться, раздвигать свои тяжелые конечности, страшное бешенство, с которым они бросаются в битву, ужас, который они внушают себе и всему миру, полностью зависят от заднего спинного мозга. Но вследствие этого они становятся рабами тех, кто умен. Происходи увеличение мозга на верхнем конце спины, выше шеи, в голове, они были бы умны и могли бы думать. Там, в голове, где глаза и уши, должна находиться вся сила жизни, то, что мы называем головным мозгом. Когда он разовьется, не будет тугоумного и бессмысленного раздражения. Прошедшее и будущее соединятся, чтобы вместе служить одной цели. И это значит «мыслить».

Долго смотрел Каплавут на Граппа и наконец сказал:

— Да, мудрый учитель, ты открыл мне великую тайну. Теперь я понял, почему у нас предводителями становятся не сильнейшие, а те, у которых более выпуклая голова. Только им открывается тайна Красной Змеи.

— Теперь ты понимаешь, почему мы должны покончить с млекопитающими. У них началось продвижение мозга к голове. Попадают такие, у которых это происходит очень быстро. Чем больше скапливается в них частиц жизни всего мира, тем больше будут они походить на Красную Змею, обнимающую всю силу мира. Бывают случаи, как с этим Кала, когда детеныши являются в мир более развитыми. И если образуется такое поколение, если эти преимущества будут увеличиваться, то это приведет к тому, что появится общество лесных жителей, которые умом своим превзойдут силу ящеров и...

— И не будут больше верить Клювоносам, — договорил Каплавут, — но если они не будут больше нуждаться в нас...

— Они должны нуждаться в нас, такова воля Красной Змеи, — твердо сказал Грапп.

— Преклоняюсь.

Немного погодя Грапп сказал тихо и таинственно:

— Бесчисленны виды животных и будут бесчисленны, пока существует земля. Всегда будет много тех, кто будет нуждаться в Клювоносах, превосходящих их умом. Но ум имеет свою границу и может управляться еще более высоким умом, над которым уже нет власти. Истинные мудрецы сосуществуют вместе, но не управляют друг другом и не позволяют управлять собой; каждый из них сам себе господин и не повинуетя никому. Такова тайна Красной Змеи. Но мир никогда не должен познать ее. Кто разгласит эту тайну, тот умрет.

— Я преклоняюсь, — прошептал Каплавут. — А Игуанодон? — спросил он затем.

— Он должен умереть! — холодно отвечал Грапп.

Каплавут ужаснулся:

— Что ты говоришь, Учитель! Ведь он наш предводитель. Его мы объявили самым мудрым и непогрешимым!

— Он должен умереть, потому что находится в близком родстве с нами. Ты знаешь, что Игуанодон и Клювоносы из одного знаменитого драконьего племени птиценогих. У него тоже развита склонность к мышлению. Если племя игуанодонов станет таким же умным, как наше, сохранив свои размеры и силу, как мы сможем бороться с ними? Надо бояться и другого. Даже если Игуанодон поумнеет, то может оказаться не столь мудрым, чтобы хранить тайну, дающую силу власти, и вздумает покровительствовать мышлению животных, а не подавлять его. Мы же хотим оставить их в неведении.

— Зачем же ты допустил, чтобы его выбрали предводителем? Победив, он станет опасен для нас.

— Одержав для нас победу, он вместе со всем своим родом погибнет смертью героя. А его слава перейдет к нам, его ближайшим родственникам. Однако, там, я вижу, возвращаются наши разведчики. Помни, что все, что я тебе рассказывал, сделано на тот случай, если меня постигнет какое-нибудь несчастье. Тогда ты единственный будешь знать тайну Клювоносов. Молчи теперь: слуги приближаются.

— Нашли вы нашего предводителя? — спросил Грапп

разведчиков.

— Могучий Игуанодон направился к месту своего отдохновения под папоротники на опушке леса. С сука огромного бука над его головой вам будет удобно говорить с ним.

Забравшись на сук букового дерева, Клювоносы увидели, что могущественный спит. Они ждали долго, но наконец решились разбудить его.

— Это мы, могущественный двоюродный братец, твои друзья Клювоносы, — крикнул Грапп. — Нам очень жаль, что мы помешали твоему сну.

— Рад вам, любезные братцы. Я думал, что наглый Кино вновь хочет посмеяться надо мною. Впрочем, я не спал, а раздумывал кое о чем. Чем, однако, могу служить вам?

— Мы пришли к тебе с предложением. Мы слышали, что наглый Кино осмелился насмеяться над тобою. Мы хотим наказать его и все его племя. Можешь ты помочь нам твоим умом?

В длинной речи Грапп изложил план Клювоносов, упомянул, что слово Игуанодона будет законом и равносильно слову Красной Змеи.

Очень польщенный речью Граппа Игуанодон ответил сразу же:

— Вы поступили мудро, избрав меня. Я силен, я умен, я идеал. Вы не знаете, что это такое, но я объясню вам.

Мне кажется, что самое развитое создание Земли должно ходить на двух ногах, высоко носить голову, иметь подвижный большой палец и при этом думать. Оно должно иметь вкусную пищу, пресную воду, обширное пастбище и место для ночлега. Когда оно пожелает, к нему могут приходиться посетители, чтобы называть его самым умным, красивым и одаренным животным. Это я и называю идеалом. Пытаясь найти такое животное, я убеждаюсь, что ближе всего подходит к идеалу Игуанодон. Вот почему я свой собственный идеал.

Будь все животные подобны мне, они были бы счастливы и не мешали друг другу, а этого они могут достичь, только когда не будут есть мяса.

Поэтому следует есть только растительную пищу. Моя

программа заключается в том, чтобы сделать всех животных счастливыми, делая их похожими на меня. Для этого следует сломать большую часть леса, чтобы лесные животные стали луговыми. Тех же, кто воспротивится этому идеалу, следует уничтожить. Все животные будут тогда счастливы. Не противоречьте мне. Вы сами сказали, что словами моими говорит Красная Змея и что слово мое непогрешимо. Спешите сейчас же к драконову болоту. Пусть все ящеры идут в лес, чтобы услышать мою волю. Я сказал. Я свой собственный идеал.

И с этими словами Игуанодон вернулся к месту своего отдыха.

— Разве мы можем согласиться на это? — спросил Каплавут.

— Разумеется, нет, — ответил Грапп. — Пока мы объявим только о согласии Игуанодона. Скорей же, вперед!

Глава 12

Паника в лесу

По первобытному лесу разнеслись ужасные вести. Первыми их принесли жуки. Беспокойно лазали кругом сумчатые, а Седоголовый сидел, задумавшись, в своем гнезде.

— Ящеры гnevаются, — слышалось со всех сторон. — Они грозят сломать весь лес и уничтожить всех млекопитающих. Хуже всего, что и Клювоносы дали на это согласие.

Никто не знал, что делать. Молодежь считала, что хороший совет мог бы дать Кино, но никто из старших не захотел слушать об этом. Рассуждали только о том, как выпросить прощение у ящеров. В беде, обрушившейся на всех, винили Кино, убившего Пустохвоста. Только немногие из молодежи посещали и утешали Кнаппо и Мею — родителей Кино. Исчезли куда-то еж и Тагуан.

День проходил за днем, но о ящерах не было слышно, и сумчатые несколько успокоились. Погода была туманная

и холодная, ночные животные никак не могли заснуть.

Многие из них собрались у реки, в том месте, где она становилась уже. На другом берегу они увидели какое-то неизвестное им животное. Голова у него была, как у Клювоноса, а одежда яркая и пестрая. Мягкий хвост развевался на ветру.

Животное это пело громким, звонким голосом:

— Хвала Кино, убившему и съевшему большую змею! Восхвалим Кино-победителя! И теплое будет холодным, а холодное теплым! И малое будет великим, а великое малым! Восхвалим же храброго Кино-победителя! Я летаю кругом, я летающий певец. Великое будет малым, и горы рухнут. Малое будет великим, и море выйдет из своих берегов. Восхвалим Кино-победителя!

И животное, расправив свои блестящие крылья, улетело прочь, а слух о его песне распространялся все больше и дальше по лесу. Воцарились ужас и смятение. Молодые сумчатые разошлись в разные стороны, не зная, что и думать. Они не понимали, что случилось, и запомнили только, что Кино восхваляют. Кино совершил, следовательно, что-то великое, неслыханное. Хвала же Кино!

В старших же заговорил еще сильнее страх к угрожающему им бедствию, в воздухе царили ужас и тревога.

Мудрый Седоголовый сделал предложение, которое понравилось всем. Он сказал, что следует немедленно отправить посольство к могущественному и мудрому Игуанодону и просить его помирить их с ящерами. Но кто решится пойти к нему? Да, скверное было дело. Днем животные не имели право выходить из леса, а ночью могущественный спал. Спор продолжался до рассвета.

Тем временем Мея и Кнаппо сидели у себя в гнезде. Тревожно было у них на душе. Вдруг оба они вздрогнули. Кнаппо выглянул из гнезда и увидел Тагуана, сидевшего перед самым дуплом.

— Ты отец Кино?

— Да, но Кино здесь нет. Мы не знаем, где он.

— Выходите скорее, мне нужно вам многое сказать.

Кнаппо и Мея уселись на суку перед своим дуплом, а

Тагуан тут же подвесился на хвосте.

— Слушайте, — сказал Тагуан. — Где теперь Кино, я не знаю. Но не беспокойтесь за него. Красная Змея покровительствует ему. Я сам летал к теплому морю, я слышал пение моря и видел голову змеи, которую убил Кино. Одна голова этого Пифона в несколько раз больше Кино. Значит, Красная Змея предназначает его для чего-то чудесного. Раковины прославляли Кино и пели, что он мал, но будет велик. И все на свете будет иначе. Я видел, как сверкали молнии и гремел гром над высокой горой, видел, как высокая стена воды перескочила через риф, хлынула к лесу и залила его. А там, где был большой риф, появилось пустынное поле, покрытое камнями и щебнем вплоть до скал. Половина белой горы исчезла, но Кино был на другой ее стороне. Не беспокойтесь о нем.

— А что ты слышал о ящерах? — спросил Кнаппо.

— Они решили сломать лес и уничтожить млекопитающих. Игуанодона выбрали они своим предводителем.

— Наши хотят идти к нему просить помилования.

— Это не поможет. Ящеры не знают милости. У меня есть для вас совет. Уходите из леса. Отправьтесь на юг. Там леса еще больше и красивее. В них растут сладкие фрукты, мягкие орехи. Муравьи там живут большими домами, а плоды зреют целый год. Воздух там теплый и ароматный и, главное, нет ни одного ящера. Там вы будете жить без страха и борьбы.

— Но почему никто раньше не подумал об этом? — спросил Кнаппо.

Тагуан улыбнулся.

— Они ничего не знают о белом свете. Они никогда не ходили дальше своих дубов, буков, смолистых сосен. Пойдем на собрание и расскажем им обо всем.

Но когда Кнаппо и Тагуан пришли на место, где обычно собиралось совещание, то не нашли там никого. Не придя к согласию о составе делегации, старики решили все вместе отправиться на опушку леса, чтобы на рассвете, когда Игуанодон выйдет на пастбище, просить его выслушать их.

Там они сидели на древесных сучьях, с тревогой ожидая,

когда взойдет солнце и появится Игуанодон.

Глава 13

Неудавшиеся планы

Грапп и Каплавут, простившись с Игуанодоном, решили пойти назад более короткой дорогой. Но туман, поднимавшийся с реки, искажал очертания предметов и задерживал движение. Не успели Клювоносы пройти и половины дороги, как на одной из высоких скал послышался крик, и целая стая Пустохвостов кинулась к им и преградила дальнейший путь.

— Мы погибли, — прошептал Каплавут.

— Они не посмеют напасть на нас, они совершенно спокойны, — ответил Грапп.

— Они просто хотят узнать, много ли нас. Как только увидят, что всего четверо, так сейчас же нападут.

— Красная Змея не допустит нашей гибели. Слишком важное дело поставлено на карту, решается, кто должен победить и властвовать — ящеры или сумчатые. Если мы не вернемся, ящеры сами по себе не станут действовать. Красная Змея защитит нас.

— Учитель, — сказал Каплавут, — а кто тебе сказал, что Красная Змея нуждается в нашем уме? Что она будет поддерживать нашу власть? Она и без нас может уничтожить хоть ящеров, хоть лесных животных.

Грапп с гневом взглянул на товарища.

— Усмирить животных можно только через господство умнейших. Я прозреваю в далекое будущее.

Пустохвосты, между тем, приблизились вплотную и схватили слугителей. Предсмертный крик этих Клювоносов прозвучал эхом среди скал.

Грапп крикнул во весь голос:

— Сюда, Пустохвосты, сюда! Покайтесь в вашем ужасном преступлении! Не то духи ночи умертвят вас.

Дикий, бешеный крик прервал его слова.

— Ящеры! ящеры! — заревели хищники. Один из Пустохвостов схватил Граппа за горло и перекусил его. Каплавут понял, что тоже погиб, и покорился своей участи.

Пустохвосты похоронили тайну Клювоносов в своих желудках.

Клювоносы долго ждали своих предводителей. На третий день, гонимые голодом, они вышли из убежища. Часть из них пала жертвой Пустохвостов. Но большая часть счастливо добралась до болота, где уговорила ящеров подождать возвращения Граппа с известиями от Игуанодона. Но посольство не возвращалось. Атлантозавр хотел пробраться к Игуанодону через лес, но нашел такие вкусные деревья, что пожирал их до глубокого вечера. Утром же был такой густой туман и холодный ветер, что он вернулся обратно к теплому болоту.

Тем временем Мегалозавр снова воспрянул духом, и все, что не желало быть съеденным, старалось держаться подальше от него.

Не дождавшись прибытия ящеров, Игуанодон, наконец, сказал себе:

— Зачем мне, собственно, ждать их? Разве я не собственный идеал? Я могу и один вести лесных животных к счастью. И я сделаю это.

В одно прекрасное утро он встал и направился к лесу, оставляя следы своих лап на илистом песке на целые миллионы лет. Вытянутая вверх шея торчала, как башня. Дойдя до опушки леса, он крикнул громовым голосом:

— Ночные звери леса, слушайте слова Игуанодона, самого мудрого из всех животных. Мир порочен, великие злодеяния совершались в нем, и вы должны их искупить. Ящеры придут сюда, сломают лес и съедят его и вас. Но я желаю вам добра и счастья. Выходите из леса, пока с вами не приключилось никакой беды. Выходите на луг. Я научу вас есть траву, а не живых муравьев.

Те, кто ходит на охоту, не будет больше есть мяса животных. Вы сможете жить и в лесу, и на огромном просторстве солнечного луга. Вы все должны походить на великий образец, данный вам Красной Змеей в лице Игуанодона. Я примирю вас с великими ящерами и прикажу им не трогать тех из вас, кто не ест мяса. Остальные будут сметены с лица земли. Повинуйтесь же моему приказу. Тогда все животные мира станут счастливы и перестанут вредить друг другу.

Игуанодон был убежден, что его слов достаточно для разрешения вопроса. Он считал, что во всем прав, нашел правильный выход и что все будут повиноваться ему.

Лесные звери, однако, не показывались. Они удалились в лес, чтобы посоветоваться. Седоголовый и его род, в первую очередь старшие, склонялись к тому, чтобы повиноваться Игуанодону. Но большинство, особенно молодежь и охотники на маленьких животных, горячо возражали. В разгар спора пришли Кнаппо и Тагуан. Последний, узнав о словах Игуанодона, воскликнул:

— О, глупцы! Неужели вы согласны загубить свой прекрасный лес, рассыпаться по холодному лугу вместо того, чтобы прыгать высоко в воздухе по ветвям? Вы готовы сде-

латься пустынноиками и травоядными. А выдержат ли ваши желудки такую пищу? Вы погибнете и вымрете, если только вас раньше не пожрут ящеры. И почему вы верите, что ящеры будут повиноваться Игуанодону? Ведь они всегда делают только то, что хотят. Здесь вы не сможете стать дневными животными, потому что ящеры слишком могущественны.

Все это мечты будущего. А пока надо искать защиты у леса, но у другого, более красивого и безопасного. Вы должны переселиться в другое место.

Все закричали и перебили Тагуана. Только через некоторое время Кнаппо объяснил животным подробно продуманный план Тагуана.

В этот день лесные звери совсем не спали. Мысль переселиться в другой лес все больше привлекала их, особенно молодежь. Всю ночь шли горячие споры. Трудно было сразу решиться на такое рискованное предприятие. Не придя ни к какому решению, они спрятались в своих гнездах. Но долго отдохнуть не удалось. С опушки леса прибежало несколько беглецов. Они сказали, что слышали какой-то необычный треск на опушке.

Игуанодон, напрасно прождавший результатов своей речи, решил, что пора приступить к уничтожению леса. Когда на следующее утро он не нашел на лугу никого из лесных животных, когда на вторую его речь никто даже не взглянул из леса, он подошел к ближайшему буку, обхватил его лапами и обломал сучья. Так продолжал он в течение некоторого времени.

Скоро стало известно, что не только Игуанодон, но и целое стадо ящеров движется сюда. Все боялись, что Атлантозавр и Мегалозавр могут в любую минуту вломиться в лес. И решение, перед которым все до сих пор колебались, было принято под наплывом овладевшего всеми страха. Все Семьи собрались и покинули свои гнезда. Толпа в панике бросилась из леса, тесня и толкая друг друга.

Глава 14

Видение Кино

Он больше не боялся. Едкий воздух не беспокоил его, гром не гремел, все было тихо, ясно и легко. Природа, казалось, отдыхала. Но что-то изменилось.

Уж не умер ли он?

Ему не было больше грустно. Свои собственные страдания, страдания других, забота об их судьбе — все это прошло. Как что-то далекое осталось оно позади него... и не огорчало больше.

Позади него! Что же это вообще было? Он ничего больше не знал из прошлого. Но впереди! Впереди было все. Можно было видеть то, чего еще не было?

Был ли он еще тем же маленьким Кино? И вдруг он увидел маленький выбеленный череп, лежавший неподвижно под прозрачной крышкой, и чей-то голос говорил: «Это череп маленького сумчатого животного, одного из наших предков. Он был погребен под камнями, выброшенными вулканом во время извержения. Длинный ряд предков разделяет нас. И, однако, на нем мы уже ясно видим законы строения, единство сил, перешедших к нам.

Робко скрывались его товарищи в густых буковых лесах на берегу моря. Слабый народец с маленьким мозгом, но с теплой кровью, в теплой шубке, уже был подготовлен для будущего, уже мог бороться с грядущими бедами, против которых не могли устоять могущественные, исполинские ящеры.

Бедные животные! Они не знали, что наступит со временем более высокая и сознательная жизнь, в которой тогда им было отказано! Что они только первая ступень, за которой последуют миллионы поколений, пока у них появятся, наконец, потомки с более окрепшими костями, более развитым мозгом, чтобы, в свою очередь, управлять миром, но только с помощью духа, называемого свободой. Может быть, они были бы счастливы, будь они уверены в этом?

Где таилась она, эта мысль, которая возносит и соединяет нас, делает нас своими двигателями, которая превращает природу в науку, пусть еще скрытую в самых далеких тайниках? Она есть, была и будет, ибо она не во времени. И среди нас появляются время от времени ясновидящие, в которых она вдруг вспыхивает, показывает им мир, а затем погасает под давлением масс, время которых еще не пришло. Бывали случаи, когда среди прошлых поколений появлялся вдруг преждевременный разум, чтобы все же погибнуть.

Из маленького мозга этой головки тянулись когда-то первые нити ко всем границам его тела. Мозг учил его, что гораздо выгоднее поджидать благоприятного случая, чем сразу бросаться на добычу, и оно постепенно научилось сдерживать свои нервы, пускать их в ход лишь в тот момент, когда это наверняка приводило к желанной цели.

Так постепенно от поколения к поколению развивался орган, предназначенный для восприятия всего существующего в природе и объединения бесконечного в одно стройное единое, в котором просыпается сознание собственного “я”.

Благо же нам, что твой маленький череп не погиб! Мозг твой был слишком развит для своего времени!»

Голос смолк, и Кино не слышал больше ничего. Хотя кругом все было ясно, он видел, что вокруг были не горы, не море, не лес, а нечто более равномерное, какие-то то зеленые, то желтые полосы. А через них длинный прямой путь. Раскаты грома приближались.

Что это такое? Неужели на сушу вышел страшный Пифон? С поразительной быстротой надвигалось какое-то ужасное животное. В голове его сверкал огонь, из пасти его выходило дыхание, подобное облаку над горой... Он еще ни разу не видел ни одного ящера такой длины, ни одной змеи, которая неслась бы с такой быстротой. Не ожила ли изрыгающая огонь гора и двинулась по земле? Это животное жило у Красной Змеи. Теперь оно несется мимо, а Кино сидит на нем и несется вместе с ним. Он не боялся больше, он чувствовал себя большим и сильным... животное подчинялось

ему, оно остановится там, где Кино захочет... ни один ящер не догонит его... Но здесь и не было ящеров.

Из темноты на него смотрели яркие глаза. Нет, это звезда, Красная Звезда, чей кроткий свет говорит: тебя приветствует будущее.

Колющая боль пробежала по телу Кино, и он снова начал дышать. Воздух становился чище. На нем по-прежнему лежала тяжелая плотная оболочка. Он отряхнулся, и день заглянул ему в глаза. Там, где светила звезда, он увидел теперь широкую огненную голову. Пепел слетел с его шкуры... он был свободен. Змеиная долина превратилась в огненное море, горы совсем преобразились.

Осторожно он начал искать обратный путь. Он отправился на поиски луга, где перед этим жужжали пчелы. Он сразу узнал скалы и то место, где раньше был луг. Но другой ручей, грязный и сырой, журчал теперь по-новому руслу, из земли и щебня не выглядывали больше цветочные глазки, пчелы и бабочки не играли в лучах солнца.

Кино решил взобраться на скалы, чтобы посмотреть, как лучше перебраться через теплое море. Для него, голодного и усталого, этот путь был труден. Взобравшись на последний обломок скалы, он страшно испугался. Куда исчезли зеленые луга, леса, покатые холмы, горы? Глухо ревел прибой бушующего моря. А на востоке все было уничтожено, залито водой, превратилось в какое-то болото. Далее Кино ничего не мог видеть... там плыли и белые, и серые, и черные яблоки, которые начинали отливать красноватым цветом, когда ветер гнал их над огненным морем.

Глава 15

Огонь

Чтобы попасть в родимый лес, Кино необходимо было свернуть вправо. Но до поворота пришлось пройти поря-

дочный кусок пути сначала среди кустов, затем по равнине, поросшей травой. С трудом он нашел себе кое-какую пищу и немного воды. В том месте, где скалы становились ниже, он решил переждать ночь; смертельно усталый, забрался в одну из ям и заснул.

Когда он, немного отдохнувший, выполз из своего убежища, то увидел, что уже наступила ночь. Небо было чисто. В нем опять стояла красноватая звезда, с которой с ним в первый раз говорила Красная Змея. Теперь-то он знал, что она жила не там, а в нем самом и в нем говорила о будущем мире, где властвовать будут не ящеры, а добрые, умные животные. Путь в этот мир так длинен, что Кино не мог бы пробраться до конца его, зато будущие поколения сделают это.

Дорога, по которой возвращался Кино, оказалась тяжелой. Сначала он вышел на скалистый, горный хребет, затем целый час шел среди сухой высокой травы, пока не поднялся вторично на гору. Мало-помалу добрался он до следующего понижения почвы.

Там бежали, спешили, неслись куда-то животные, направляясь к долине на север. Оглянувшись, Кино понял, в чем дело. Сзади поднимались облака, отливавшие красным цветом, они с быстротой ветра продвигались вперед. Под облаками скрывалось целое море огня. Но Кино не боялся его. Огонь не может перебраться через обнаженные скалы, он бежит, гонимый ветром, в широкую долину перед собой, как перекатывающееся животное. А животные совсем растерялись, они не слышат и не видят ничего, не догадываются подняться на обнаженные скалы...

Пламя несется мимо. Огонь пожирает сухую траву и над долиной разносится едкий дым, горят разбросанные кое-где кустики. Все реже вспыхивает пламя, короче языки огня... Степной пожар проходит.

Кино продолжает путь. Он бежит вдоль окраины пожара, где земля не так горяча для его ножек. По дороге ему попадаются обуглившиеся и задохнувшиеся от дыма животные, и он вздрагивает от ужаса. Он видит целое погибшее стадо и подходит поближе... Это Клювоносы! Умные Клюво-

носы, которые одни смели говорить с Красной Змеей. Но она не защитила их на этот раз от огня.

Кино рассматривает обгоревшие стебли. Среди них попадались нетронутые огнем ветки, тлевшие только на сло-манных концах. Кино взял в руки один из таких стеблей... на концах он был горячий, но в середине только теплый и его можно было держать. Ветер раздул сердцевину и показ-зался дым... Кино нес огонь. Увлечшись, он не заметил, как недалеко от него зашумели в воздухе и набросились на полубгоревшие трупы какие-то существа. Это была целая стая Пустохвостов, злейших врагов Кино. Увидев мертвых Клювоносов, они испустили оглушительный крик ярости и набросились на трупы. Кино пришел в неопиcуемый ужас. Схватив зубами прутик, он кинулся к горе. Но Пустохвосты уже поднялись в воздух. Один из них заметил его.

— Кала, Кала! — крикнул он.

— Кала, наглый Кала! — крикнуло все стадо.

— Убить его!

К счастью Кино, он находился недалеко от полос зем-ли, поросших травой. Напрягая все свои силы, он бросился к ним. Тростник, который он по-прежнему нес в зубах, раз-горался все сильнее, но Кино не бросал его. Добежав до пер-вого места, поросшего травой, он бросился в самую сере-дину. Пустохвосты ревели позади него. Он хотел перевести дух и выпустил тростник изо рта. Но подобрать его снова он уже не смог, потому что тот стал слишком горячим, и Кино пустился дальше. До высокой травы было совсем не-далеко, но Кино знал, как быстро летают Пустохвосты. Он обернулся назад, не желая, чтобы на него напали сзади...

Но Пустохвосты прервали преследование. Слышался их испуганный крик с того места, где Кино уронил тростник. Сначала там за клубился густой дым, потом из самой его середины поднялось яркое пламя и разнеслось широкой огневой полосой до самой долины.

К счастью, огненная стихия бушевала в противополож-ной от Кино стороне. Дым скрыл от него Пустохвостов. Ки-но понял, что огонь можно переносить с места на место, что можно с его помощью зажечь степь, сделать то, что было во

власти только Красной Змеи.

Кино вздрогнул и пришел в себя. Он стремился к родному лесу. Сколько времени он потерял даром. Пошел дождь, который остудил землю, и теперь он мог двигаться быстрее. Но что лежит там?

Пустохвосты! Злые враги... побежденные силой огня, мертвые... все!

Он взглянул вперед... с горы открывался вид на степь, превратившуюся в черное пространство земли... но это была уже не степь. Он знал, что это было... еще несколько усилий, и он у опушки леса.

Глава 16

Снова в лесу

До самого вечера Кино спал в дупле бука на опушке леса. Какой-то шум разбудил его. Всюду слышались голоса и крики животных.

— Кви! Кви! Ги, Кала! Гу, Кузу! Гну, гнуру, гнура! Кви!

Все ближе и ближе слышался шум. Это шли лесные животные, толпа за толпой. Процессия молодых сумчатых... первый отряд переселенцев. Громадное количество животных, проведя весь день близ Кино, проснулись, чтобы продолжить начатый ими путь к югу.

Кино не мог сразу понять причины такого небывалого переселения животных. Отдельные проходили так близко, что могли заметить его. Чего им нужно здесь?

Но вот приблизилась целая толпа молодых Кала... один из них остановился, взглянул в сторону Кино и с громким криком радости кинулся к нему.

— Кино, Кино, ты ли это?

— Да, Пус, брат мой, это я!

— Кино жив, это Кино! — крикнул Пус своим товарищам. Вскоре вся молодежь собралась кругом Кино и засыпала его вопросами.

Тут Кино узнал все, что случилось без него. Его племя бежало от ящеров. Они хотели переселиться в теплый, вечно цветущий лес со сладкими плодами. Неужели Кино путешествовал к Красной Змее только для того, чтобы у них отняли родимый лес, чтобы они потеряли свою силу, мужество, а затем и свою жизнь? Кино решил, что этого не должно произойти. Пока он это обдумывал, слышались вопросы и восклицания:

— Как выглядит Красная Змея? Сколько врагов ты уничтожил? Какую змею победил ты? Веди нас, Кино, на юг, чтобы ящеры не пожрали нас. Защити нас от гнева Игуанодона и Клювоносов. Они говорят, что ты убил Красную Змею и мир рушится. Скажи, что это неправда!

— Да, неправда! — воскликнул Кино. — Красную Змею никто не может убить. Она защищала меня все время. Она защитит нас и от ящеров, если вы захотите слушать меня.

— Кино жив! Кино здесь! — разносилось по лесу все дальше и дальше.

Старики остановились тоже. Они стали совещаться. Как отнестись к возвращению Кино? Он был изгнан из леса. Принять ли его обратно? Но он навлек на них гнев ящеров, из-за него вынуждены они покинуть свою родину. Седоголовый и большинство стариков были против Кино. Они приказали молодежи не мешать собранию, но та отказалась уйти. Кино прыгнул на дерево и начал оттуда свою речь. Мало-помалу все, хотя и не очень охотно, стали слушать его.

— Да, Красная Змея говорила со мной, — воскликнул Кино. — Она не гневается на меня и всех нас! Верьте мне! Великое будет малым, а малое великим! Время ящеров прошло. Они погибнут, как и змеи, которых я убил горным камнем, как Пустохвосты, которых я сжег огнем. Не верьте Клювоносам. Они лгут, когда говорят, что животные вышли из яиц, положенных Красной Змеей. Если бы это было так, то могли бы разве светить Солнце и Луна? Взгляните, что поднимается там, между сучьями леса. Это Луна, значит, мы не могли выйти из Луны.

— Клювоносы лгут, — продолжал Кино. — Они не имеют никаких преимуществ перед другими животными. Каждый может найти дорогу к Красной Змее и говорить с ней. Я это сделал, и она сейчас вблизи меня.

В лесу царила полная тишина, и лишь слышался ясный и твердый голос Кино:

— Пламя Красной Змеи пожрало Клювоносов, которые подговаривали ящеров уничтожить нас всех. Я взял зубами огонь и Красная Змея защитила меня от Пустохвостов. Верьте мне, наступит время власти умных и добрых животных. Они будут большие и сильные, будут ходить на двух ногах, подняв глаза к небесному светилу. Их власть на Земле будет велика — ни море, ни горы, ни реки не остановят ее. Ибо в каждом из них будет жить Красная Змея. Наступит время, когда на земле будут властвовать наши внуки. Когда слабый будет силен своей добротой и умом. Кто хочет повиноваться Красной Змее, тот да слушает меня. Не идите на юг, вернитесь на родину, следуйте за мной!

Не дожидаясь возражений и обсуждений, Кино большими прыжками направился в родной лес. За ним двинулась почти вся молодежь, а также его родители и родственники из рода Кала.

Седоголовый и большинство стариков решили идти дальше к югу. Так разделились сумчатые. Одни направились на юг. Под конец они нашли вечнозеленые леса с богатой пищей и теплым воздухом. Там они остались жить и их позднейшие поколения выродились в мелких сумчатых.

Кино же и его приверженцы направились на север, на встречу неизвестной судьбе, диким врагам и суровой природе.

Кино одолевали тяжелые заботы. Конечно, он был уверен, что Красная Змея ему поможет. Среди утренней тишины послышалось вдруг хлопанье крыльев.

— Тагуан! — крикнул Кино.

— Гик! Гик! Это ты, Кино? Ты не встретился со своими по дороге?

— Молодые вернулись со мной. Я веду их на родину.

— А остальные?

— Отправились на юг.

— О, Кино, зачем ты уговорил их идти обратно? Спешите назад. Спасение ваше только на юге.

— Я не боюсь ящеров. Красная Змея защитит нас.

— Не верь этому. Красная Змея хочет преградить вам обратный путь. Когда я пролетал к северу на целый день пути для вас, я почувствовал жаркий воздух со стороны степи и увидел какой-то свет среди ночной тьмы. Пролетев дальше, я едва не задохнулся. Все ущелье вблизи меня дымилось. На деревьях лопалась кора. А к вечеру там было уже огненное море. Все дымилось, а местами стояли огненные великаны. О, Кино, ты не должен возвращаться в лес.

— О, Красная Змея! — воскликнул Кино. — Благодарю тебя, Тагуан, за принесенное известие. Да, это сигнал Красной Змеи о том, что она защитит нас от ящеров. Прости, я должен идти.

Кино понял, что говорила ему Красная Змея. Огонь из степи проник в ущелье. Он танцевал воздушную пляску кругом сухой коры, дремал в тлеющих углях. Кино разбудит его и сумеет сохранить.

Да, огонь позволяет носить себя. В горах есть пещеры, где сухие камни навалены друг на друга. Надо отнести огонь туда. Товарищи его должны научиться находить в лесу пищу для огня, для Красной Змеи. Кино каждый день будет носить его в пещеры. На горах у опушки леса должны дежурить умные Кала. Когда придут ящеры, они должны дать знать об этом ему, Кино. Тогда вынесут огонь из пещеры, бросят его на дорогу, по которой пойдут ящеры, на траву, покрывающую горы. И ящеры побегут от гнева Красной Змеи. Малое станет великим, если они соединятся вместе... из многого сделают «единое». Тогда все удастся. Многие должны позаботиться о том, что нужно для всех.

Красная Змея, благодарю тебя!

Кино вскочил и отправился будить своих товарищей.

Глава 17

Путь огня

— Почему ты, Кино, ведешь нас другой дорогой, а не той, что мы пришли? Та была короче, — спросил Кнаппо.

— Мы не можем перебраться через ущелье. Пока вы спали, огонь из степи перебрался в ущелье. Нам надо пройти к лесному озеру, чтобы обойти его.

Кино прыгнул вперед. Каждая минута была ему дорога. Если огонь в ущелье погаснет? Если пойдет дождь? Нет, ждать нельзя.

При первых проблесках рассвета он ясно увидел траву, колеблемую ветром. Ему тоже очень хотелось спать, но он знал, что не имеет права отдыхать... хотя бы до тех пор, пока не соберутся все его отставшие товарищи.

— Здесь вы можете отдохнуть, — сказал он им, — а я пока пойду посмотрю, что делается в нашем лесу. Тогда я скажу вам, что надо делать, чтобы защититься от ящеров.

Завернув за ближайший угол леса, Кино вздохнул свободно. Он почувствовал запах пожара и увидел в стороне ущелья серое облако. Недолго думая, отправился он дальше по краю ущелья. Неужели пожар уже кончился? Но вон поворот... почва дымится, дальше... тлеют древесные стволы и сучья, а там, на другой стороне ущелья... там огонь, еще дальше, он поднимается вверх по склону ущелья.

Совсем уже рассвело и начиналось утро. Товарищи еще спали. С радостью увидел Кино, что и старики пришли сюда к ним. Впереди предстоял тяжелый день, и он решил заснуть хоть на минутку.

Когда Мея проснулась, она не нашла Кино и его молодых товарищей. Пока она с тревогой осматривалась кругом, к ней подбежал Пус.

— Куда девался Кино? — спросила Мея.

— Я прямо от него, — отвечал Пус. — Он велел вам идти дальше, если вы отдохнули. Еще в полдень он разбудил меня и самых сильных и преданных делу и повел к спрятан-

ной между скалами сухой пещере, закрытой сверху упавшим камнем. И тут Кино дал нам странное приказание: собирать сухие ветви, траву, тяжелые сучья, такие, что некоторые приходилось нести вдвоем, втроем. Это было очень утомительно. Приходилось идти на задних лапах, как ходит Игуанодон. Мы так не умеем. И все это днем на горах, где так мало тени. Кино сказал, что он готовит чары против ящеров. Потом он сказал нам, чтобы мы шли с ним в лес и наполняли углубление в скалах сухими ветками и сучьями.

«Вашими когтями и зубами вы не победите ящеров, — сказал Кино. — Я обещал защитить вас, но я в силах сделать это, только если вы будете мне повиноваться. Не говорил я вам разве, что я огнем победил Пустохвостов в степи? Ветки и сучья мне нужны для огня, который я принесу. А если боитесь, идите тогда к старикам и оставайтесь робкими животными, которые скрываются от ящеров. Я же буду делать то, что говорит во мне Красная Змея».

И Кино, разгневанный, кинулся в лес. Никто из наших товарищей не стал помогать Кино. Они решили отдохнуть и ждать.

Я один стал помогать Кино. Мы собрали целую кучу хвоста на одной дороге в лесу, затем сделали то же самое на другой лесной дороге. И так еще дальше. Я спросил Кино, что это значит. Он ответил: «Это путь огня. Спасибо тебе за помощь. Теперь отыщи моих родителей и всех отставших. Скажи им, чтобы они поступали, как хотят. Если я им нужен, пусть идут ко мне в пещеру».

Так говорил Пус.

Глубочайшая тьма царила в первобытном лесу, но ночные животные уверенно пробирались в темноте. Кругом была полнейшая тишина. Путешествие продолжалось уже довольно долго, когда Пус, а за ним и все остальные остановились.

— Что случилось? — спросил Кнаппо. — Мне что-то не нравится в воздухе.

— Да, да, что-то чувствуется.

— И я тоже чувствую, — раздалось из толпы.

— Кви-кви! — раздался вдруг крик испуга. Все сразу ос-

тановились.

— Что-то светлое там на земле и движется. Это не Луна, она еще не взошла.

— Я узнал это место! — крикнул Пус. — Там, на обломке скалы, вблизи большого дуба, мы вместе с Кино сложили целую кучу хвороста. Это путь огня.

— Огня! Кви! Пурру! Прочь отсюда, прочь! Да защитит нас Красная Змея!

Животные кинулись было бежать, как безумные, но какая-то неведомая сила приковала их к месту.

Какое-то животное с трудом двигалось по мокрому мху и только там, где были большие камни и корни деревьев, оно действовало быстро и ловко. Прямо перед ним или над ним виднелось что-то непонятное. Животное держало зубами сучок, конец которого горел... туда и сюда разлетались от него брызги искр... Животные догадались, что это Кино... но не смели верить этому.

Бесшумно следовали они за факелоносцем... они испугались, но не в силах были уйти.

Кино остановился... сучок сделался коротким, он уронил его и смотрел, как он дымился на земле... трещал... и вдруг из середины дыма из него загорелось новое пламя. При его свете все ясно узнали Кино.

Кино ничего не слышал, он видел только трещащее пламя. Тревога и радость наполняли его. Загорится ли сучок, положенный им одним концом в огонь? Донесет ли он его до углубления в скале и тогда решится, сумеет ли он спрятать огонь. Он поднял сучок зубами. Вот так — вперед же!

В лесу светало. Животные, словно заколдованные, не решаются прыгнуть с сучьев на землю. Они сидят съжившись и следят за Кино. Они чувствуют, что должно свершиться что-то великое, но оно слишком велико для них... они не понимают его.

Пламя становится все более тусклым. Кино дошел до пещеры... слабо тлеет сучок... но вот он падает на сухую траву... подымается порыв ветра. Кала сидит неподвижно... он дрожит, думая о том, увенчается ли успехом его дело и добудет ли он оружие против ящеров.

— Помоги мне, Красная Змея!

Сучок тлеет все дальше, показывается небольшой язычок пламени, затем еще... и еще ярче... наконец слышится треск и весь хворост вспыхивает огнем... Запас топлива есть, и Кино чуть не падает от усталости. Пламя шипит и свистит, и глаза у Кино закрываются... он засыпает у своего очага. Но животные пугаются треска и яркого пламени, в страхе они поспешно бегут в лес. Там они решают заночевать и ищут место для отдыха. Пус заглядывает в дупло одного из деревьев и видит Кала, который не пошел с ними, оставшись в родном лесу.

— Почему ты прибежал сюда? — спрашивает Пус.

— Игуанодон в самой середине леса. Он ломает все кругом. Он собирается идти к драконову болоту и звать с собой ящеров. Я видел его, слышал, как он сам разговаривал с собой, и я убежал. Но пока вы здесь в безопасности. Ящеры еще не скоро придут сюда.

— Выспимся прежде всего, — сказал Кнаппо, — а вечером мы все хорошенько обсудим.

И животные удалились в дупла деревьев и другие места отдыха.

Глава 18

Гибель драконов

Все хуже и хуже становилось в драконовом болоте. Вода холодела, деревья теряли листья. Такая плохая погода никогда еще не приходила к ящерам так рано и они сильно страдали от разных бедствий.

Клювоносы все еще ждали возвращения своих руководителей. Пребывание в болоте им не особенно нравилось. Так как Пустохвосты покинули болото, их яиц больше нигде не было.

Правда, ящеры приносили им различную еду; они думали, что Красная Змея вознаградит их за благодеяния для

Клювоносов.

Мало-помалу Клювоносы поняли, что им больше нечего делать на болоте, и решились действовать по своему усмотрению.

Что же касается посольства к Игуанодону и похода против млекопитающих, то об этом больше не вспоминали. У Клювоносов для этого были серьезные основания, а ящеры вообще никогда долго не думали ни о каком деле: у них и без этого были свои заботы. Ящеры поменьше не знали, как им лучше спрятаться от старших собратьев. Травоядные уходили от болота подальше в степь. Хищные же отчаянно враждовали между собой. Их видели обычно плавающими и поедающими рыб. Теперь же они выползли на землю и там начались драки и убийства. Мегалозавр ходил повсюду, широко раскрыв свою пасть, и даже большие драконы моря становились его добычей.

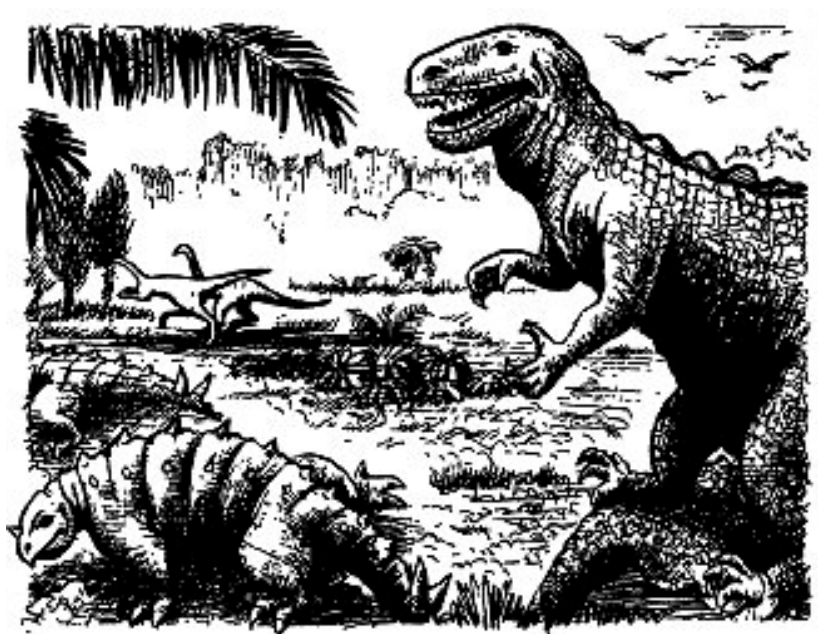
Но вот в один прекрасный день Клювоносы куда-то исчезли. День этот ознаменовался дикой алчностью, набегами, преследованиями, одни прятались, другие их искали, убивали и разрывали на части. Так продолжалось до сумерек, когда вечерний холод поборол бешенство драконов. Наступает ночь, ясная, с мерцающими звездами. Над морем поднимается странный шум. Это не степной ветер, не прилив, который бывает на море, но не доходит до болота. А между тем, вода прибывает. Прилив идет издалека, через весь океан, с той стороны, где были разрушены горы, где воды изменили свое течение...

Вода поднимается в драконовом болоте, заливая косы и острова. Ящеры трясутся в своих убежищах. Вода необыкновенно холодна, но над нею сверкают звезды, запрещающие ящерам подняться. Наконец сухопутные ящеры не выдерживают и выходят на сушу. Никто не думает о добыче, никто не смеет оглянуться, чтобы лучи ночных духов не попали им в глаза.

Все драконово болото трещит, и ревет, и шипит. Чем дальше бегут ящеры, тем больше их становится, потому что поднимающаяся вода гонит их со всех сторон. Те, кто не может двигаться быстро, погибают, раздавленные другими. Бо-

лее быстрые, добравшись наконец до степи, начинают чувствовать себя в безопасности.

Но что пугает их вдруг? Неужели ночные духи спустились вниз, чтобы наказать ящеров? Что-то светится вдаль, и темно-красные волны катятся по степи. Жгучий ветер дует навстречу ящерам. На всем пространстве, которое можно окинуть взором, все трещит, светится, горит... вся степь залита огнем.

Массы животных бросаются назад, тесня тех, кто следовал за ними. Пламя настигло уже тех, что забрался далеко в степь. Их рев и вой слышится, пока они не смолкают, удушенные дымом горящей степи. Животные теснятся друг к другу, дрожа от ужаса. Исполинский Атлантозавр ходит по ним, давит их и прижимает к земле, чтобы не замочить своих ног. Все столпившиеся на берегу болота ящеры воют и беснуются, а в степи шипит огонь, заливаемый надвигающимся морским наводнением. С моря двигалась огромная

темная стена. С быстротой молнии налетела эта водяная стена и все погребла под собой.

Но стена состояла не из одной воды. Здесь были судорожно дергающиеся конечности, исполинские тела, бьющие себя по бокам драконовы хвосты, целое войско убежавших обратно в море рыбащеров, которых волна выбросила на землю.

Масса воды, не поддающаяся сопротивлению, швырнула их на беглецов земли и, неудержимо двигаясь вперед, перекинулась через живую стену животных, отбросила ее далеко в горящую степь, не останавливаясь до тех пор, пока горы не преградили ей дальнейшего пути. Вода зашумела, задымилась, и неизмеримое облако пара покрыло кладбище ящеров.

Когда темно-красный диск Солнца выглянул из-за горизонта на дымящуюся землю, драконова болота больше не существовало. Теперь здесь переливались волны холодного моря. Только те немногие обитатели болота, которые в самом начале подъема воды инстинктивно отправились на восток, к горам, остались в живых.

Сумчатые не могли оторвать взгляда от огня. А вдали виднелись очертания спящего дракона. Кино бежал прямо туда. Дрожа от страха, расселись животные по камням. Чего хотел Кино?

Кино натащил больше горючего материала и затем уложил его как следует. Покончив с этим, он прыгнул к чудовищу, бросил зажженный сучок и громко крикнул:

— Крекс! Крекс! Духи ночи хотят убить тебя!

Мегалозавр пошевелился. Кино повторил свой крик, затем взял горевший пучок и запрыгал кругом головы Мегалозавра. Чудовище открыло глаза... свет пламени поразил его, и оно задрожало от бешенства и страха.

Животные подняли крик ужаса, видя Кино так близко от гиганта. Кино же поднес горящий сучок к хвосту и сухой траве... Пламя вспыхнуло, а более сырые места задымались... Мегалозавр, взбешенный жаром огня и дымом, вскочил на ноги и, завертевшись на одном месте, дико забил хвостом

по земле. А Кино бежал все дальше против ветра, поджигая траву и хворост, собранные в кучи.

Мегалозавр тем временем бил хвостом по разгоревшемуся пламени и ревел от боли; целый дождь искр поднимался вверх при каждом ударе хвоста, слепил ему глаза и нисколько не уменьшал пожара, который разгорался все ярче. Обезумев от боли и ужаса, чудовище кинулось, не видя ничего, в ту сторону, где находились животные. С криком и визгом последние бросились без оглядки в лес.

Всюду, куда бросался Мегалозавр, он встречал пламя. Никакие удары хвостом, никакие укусы не помогали могущественному. Горячий дым задушил его, и рев его мгновенно прекратился. Он упал на бок... исполинские конечности судорожно задержались.

Мегалозавр умер.

Глава 19

Отшельники

Недалеко от жилища огня течет с гор ручеек. У берегов его зеленеет луг, и все это спокойное убежище окружено высокими буками с молодой листвой, освещенной солнцем. Душистый полуденный воздух носится над нежной травой.

Там, вытянув длинную шею и расправив члены, греется на солнце Игуанодон.

Перепрыгивая по деревьям, покрывающим склон горы, приближается Кино. Он делает теперь не такие большие и далекие прыжки, как в то время, когда путешествовал к горячему облаку. Когда же он спускается на луг и садится на солнышке против Игуанодона, то шубка его отливает проседью. Большие глаза светятся приветливо и ясно, хотя кажутся иногда усталыми.

— Как поживаете сегодня, мудрый Игуанодон? — спросил Кино.

Игуанодон поднял голову и попробовал пошевелить хвостом.

— Я не хочу больше подымать его, — отвечал он. — Удивительно! Чем больше я двигаюсь, тем больше думаю. Где ты был?

— Ходил в лесу у реки, где ты жил раньше.

— Где твои родные жили... Что они делают?

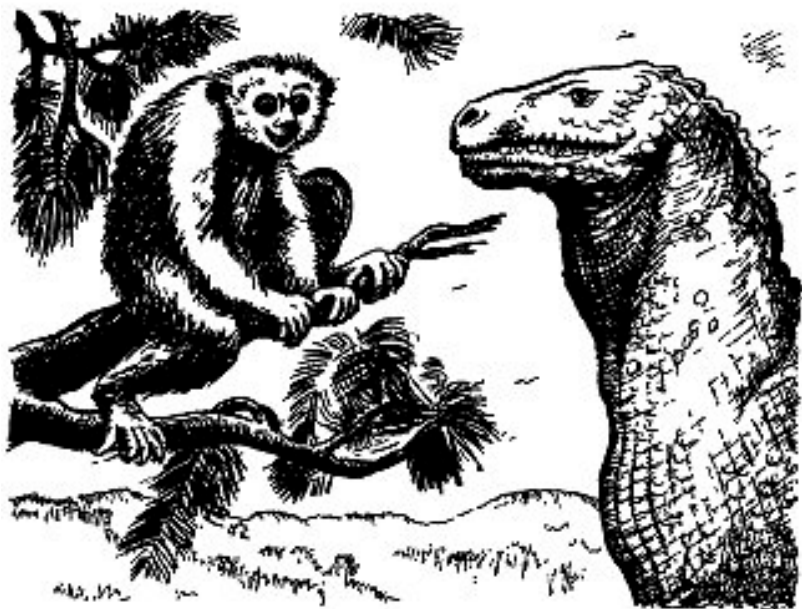
— Родители мои умерли, ты знаешь. А другие... делают то, что делали всегда... едят орехи и муравьев, прыгают по деревьям...

— Не могу одобрить, что едят муравьев. Почему ты не запретил им этого?

— Ты же знаешь, они ничего не хотят знать обо мне. Они избегают меня, зовут собирателем хвороста, убийцей змей, поджигателем степей, волшебником.

— Думал я об этом. Ты рассказывал мне, что ходил искать Красную Змею, чтобы она покровительствовала тебе. Но они не хотят ничего о ней знать. Ты хотел сделать своих

счастливыми. Но они оттолкнули тебя. Скажи, к чему все это? Чего ты, собственно, хотел? Никто не понимает этого.

— Пусть себе не понимают, но я должен был так думать и так поступать. Я слышал голоса добрых и умных животных. Наступит время, когда все услышат эти голоса, поймут их лучше моего и больше моего услышат. Но это время еще не пришло.

— Ты пошел по ложному пути. Тебе не следовало так беспокоиться. Я не ходил к горячему облаку, но сделал бы животных счастливыми, пожелай они этого. Мое время тоже не наступило, но оно пришло бы потом... об этом-то я все время и думаю.

— Время это не наступит, мудрый Игуанодон. Время, когда были могущественны ящеры, прошло. Наступит время, когда могущественными будут млекопитающие, я знаю это наверное. Я думал, кто слышит Красную Змею, тот сделает животных добрыми и умными. Тот принесет в мир новое,

могучее, все то, что дает мощь и свободу. Но теперь я знаю, что это неверно. Самый быстрый поведет за собой только тех животных, которые могут быстро бегать, но лесных растений не поведет, ибо у них нет ног, а корни. Мои товарищи еще много поколений будут лазать в лесу по деревьям, пока научатся бросать камни и носить огонь. Малое будет большим, но медленно дойдет до этого. Я не могу растянуть молодой дуб, чтобы он сделался большим; он сам вырастет в течение зимы и лета. Малое не будет великим, потому что великое идет к нему; великое должно сделаться из малого посредством многих малых. Когда многое делается единым, тогда оно будет великим. Моим товарищам еще придется расти, пока у них будет единое, которое сделает их великими.

Игуанодон слушал, лежа с закрытыми глазами. Когда же Кино смолк, он сказал:

— Хорошо, хорошо! Я не любитель длинных речей. Тебе-то что со всего этого?

— Я знаю, что для мира существует пространство, указанное мне Красной Змеей. И я сделал то, чего еще никто не делал, я носил огонь. Я хранил его в своей пещере. Он погаснет, но когда-нибудь новый Кино... ему не понадобится, быть может, хранить огонь в пещере, потому что он сумеет добыть его из камня или дерева...

Игуанодон медленно покачал головой.

— Я не видел еще огня, ни одно животное не может его видеть.

— Те, которые не будут бояться огня, не будут такими животными, как мы, маленькие сумчатые. Я слышал их голос...

— Твой огонь живет еще? Может быть, я и есть животное, которое не животное больше. Я хожу на двух ногах, ломаю сучья, думаю. Я размышлял об этом. Я хочу видеть твой огонь.

— Тогда спеши, он недолго уже будет гореть. Я не настолько силен теперь, чтобы давать ему достаточно пищи. Я не могу больше таскать тяжелых сучьев. Огонь умрет. Затем умру и я.

Кино сидел неподвижно, устремив взгляд в далекое пространство. Игуанодон встал. Он громко застонал, опираясь на хвост, Кино не понял, что ему нужно, и в испуге прыгнул в сторону.

— Не бойся, — сказал Игуанодон. — Ты доброе животное. Ты не должен еще умирать. А я хочу видеть твой огонь. Я еще достаточно силен. Я доберусь до твоей пещеры и сломаю большие буки у опушки леса. Это будет пища для твоего огня. Укажи мне туда дорогу.

И старый неповоротливый Игуанодон медленно и осторожно двинулся вперед. Временами он останавливался. Кино прыгал впереди. Так постепенно они дошли до горы. Кино издали указал свою пещеру. На камнях вился небольшой столбик дыма.

Игуанодон втянул в себя воздух. Дрожь пробежала по всему его телу, и он сказал каким-то странным голосом:

— Там живет Красная Змея. Я хочу ее видеть. Я не боюсь.

Он направился к старому гнилому буку и захватил самый большой сук. Он сильно рванул его и простонал. Затем рванул еще раз, послышался треск. Гнилой ствол сломался надвое, сучья упали, а за ними Игуанодон. Он не рассчитал своих сил... Боль привела его в бешенство, он схватил самый большой сук и потащил его по склону горы прямо к пещере.

Кино прыгнул вперед, видя, что Игуанодона теперь не удержать. Он поправил камни и бросил последний хворост на жалкие остатки огня, который сразу загорелся сильнее. Игуанодон, занятый суком, не видел еще огня. Кино, испугавшись, чтобы он не загасил пламя, крикнул ему:

— Клади сюда дерево! Ты у огня.

Игуанодон взглянул и увидел поднимающиеся кверху языки пламени. Глаза его с удивлением уставились на это чудо... он окаменел на минуту и вдруг с тяжелым стуком рухнул на землю.

Все тело его судорожно передернулось от боли, он скоро успокоился и лежал неподвижно, вытянув шею и устремив глаза на огонь.

— Я вижу ее, вижу Красную Змею, — начал он. — Я не боюсь. Я самое умное животное...

Дрожь снова пробежала по его исполинскому телу, но он поднял голову.

— Это великие чары, — продолжал он. — Кто владеет ими, тот должен быть могущественным. Я могу видеть Красную Змею. Я то животное, которое должно прийти... я... самое счастливое... животное...

Глаза его закрылись, голова упала среди сломанных ветвей. Последний игуанодон умер. Огонь, хотя медленно, но продолжал гореть и наконец охватил притащенное дерево. Чем дальше, тем больше становилось пламя... и Кино не мог остановить его. Игуанодон сам себе устроил погребальный костер.

А по небу свершали свой путь духи ночи. Слышался тихий ропот холодного моря. Вдали среди мрака призрачно белели кости Мегалозавра — памятник прошедшего.

Комментарии

Джозеф К. Линкольн. Громовой ящер

Впервые: *The Scrap Book*. 1908. Vol. V, January-June. Пер. В. Барсукова.

Д. К. Линкольн (1870-1944) — американский беллетрист, поэт. Уроженец Кейп-Кода, воспевавший «старый Кейп-Код» в своих романах и рассказах. По его произведениям поставлено шесть полнометражных кинофильмов.

С. 14. ...*все быки в Башане* — Башан — историческая область на северо-востоке древнего Ханаана; могучие башанские быки, ревущие, как львы, упоминаются в Пс. 21/22:12-13.

С. 20. ...*Барнума* — имеется в виду американский антрепренер и организатор знаменитого путешествующего шоу Ф. Т. Барнум (1810-1891).

Питер Б. Кайн. Последний из выживших

Впервые: *Collier's*. 1915, 11 марта. Пер. М. Фоменко. Илл. Ф. Йона.

П. Б. Кайн (1880-1957) — популярный в свое время американский писатель, автор многочисленных романов и рассказов, печатавшихся в 1904-1940 гг. Сын фермера-скотовода. Жил в Сан-Франциско, хорошо знал быт моряков торгового флота, которых изобразил во многих произведениях. На основе его романов и рассказов были сняты десятки немых и звуковых кинофильмов.

С. 32. ...«*Чипс*» — прозвище корабельного плотника (букв. «щепки, стружки»).

С. 45. ...*Тремарек-Кергелен* — Ив Ж. Тремарек-Кергелен (1734-

1797), французский мореплаватель, первооткрыватель архипелага Кергелен, революционный контр-адмирал.

С. 46. ...*костонские огни* — система морской сигнализации цветными ракетами, придуманная американской изобретательницей и предпринимательницей М. Костон (1826-1904).

Р. Милн. Яйцо игуанодона

Впервые: *The Argonaut* (Сан-Франциско). 1882. 1, 8 апреля. Пер. В. Барсукова.

Р. Д. Милн (1844-1899) — американский беллетрист, поэт. Сын шотландского священника. По окончании Оксфорда поселился в Сан-Франциско, где стал популярным автором, публикуя в местной прессе стихи и рассказы (в том числе фантастические). Погиб на канатной дороге в состоянии алкогольного опьянения.

С. 56. ...*Нимродов* — здесь в значении «охотников», как библейский «сильный зверолов» Нимрод (Быт. 10:9).

С. 56. ...*буджумы и снарки* — вымышленные существа из поэмы Л. Кэролла «Охота на Снарка» (1876).

С. 79. ...*Бриджуотерском трактате доктора Бакленда* — Бриджуотерские трактаты — серия из восьми книг, написанных известными учеными по заказу британского Королевского общества (1833-1836); трактат о геологии и минералогии принадлежал перу геолога, палеонтолога и теолога, декана Вестминстерского аббатства У. Бакленда (1784-1856).

С. 79. ...*Оуэн... Мантеллом* — Р. Оуэн (1804-1892) и Г. Мантелл (1790-1852) — знаменитые британские палеонтологи.

С. 80. «*Кому решать, когда доктора расходятся во мнениях?*» — фраза английского поэта А. Поупа (1688-1744).

С. 80. *Ex pede Herculem* — «По ноге (узнают) Геркулеса» (лат.).

Э. Гамильтон. Безжалостные завоеватели

Впервые: *Weird Tales*. 1929, июнь. Пер. В. Барсукова. Илл. Х. Рэнкина.

Э. Гамильтон (1904-1977) — видный американский фантаст, классик «космической оперы», чье обширное наследие включает также произведения в жанрах хоррора и детектива, тексты для комиксов и т. д.

А. Коннелл. Царство рептилий

Впервые: *Wonder Stories*. 1935, август. Также: *Fantastic Story Quarterly*. 1951, Winter. Пер. В. Барсукова. Илл. Ф. Поля и др.

А. Коннелл (1916? — 1994) — австралийский писатель; в 1930-1940-х гг. работал в жанрах НФ и фэнтэзи.

С. 117. ...*Уильяма Каррута* — У. Каррут (1859-1924) — американский литературовед и поэт.

Р. Артур. Могила времени

Впервые: *Thrilling Wonder Stories*. 1940, ноябрь. Пер. М. Фоменко. Илл. Э. Берги.

Р. Артур (1909-1969) — американский писатель, сценарист, драматург. Автор многочисленных фантастических и детективных рассказов, публиковавшихся как в «палп»-журналах, так и выходявших сборниками, пьес для радио и пр. С 1969 г. работал в Голливуде как редактор телесценариев. Был сценаристом ряда телешоу А. Хичкока и составителем многих антологий, выходивших под именем последнего в 1960-х гг.

С. 149. *Сеймурия* — род небольших (60-90 см) плотоядных рептилиоморф, живших во времена раннепермской эпохи и известных

по находкам в США и Германии. Сеймурии сочетали в себе признаки рептилий и амфибий.

С. 167. ...*траходона* — Траходон — устаревшее наименование эдмонтозавра, динозавра из семейства гадрозаврид (утконосых динозавров), обитавшего в Северной Америке 73-66 млн. лет назад.

С. 167. ...*палеосцинк* — анкилозаврид, описанный по зубам, найденным в Монтане в середине XIX в.; ныне род считается сомнительным или несуществующим.

У. Мэтью. Бич Санта-Моники

Впервые: *The American Museum Journal*. 1916, ноябрь. Пер. М. Фоменко. Илл. Э. Кристмана.

У. Д. Мэтью (1871-1930) — известный американский палеонтолог и геолог, куратор Американского музея естественной истории; в конце жизни преподавал в Калифорнийском университете. Автор многочисленных научных работ.

К. Лассвиц. В тумане тысячелетий

Впервые под загл. «Homchen. Ein Tiermärchen aus dem oberen Kreide» в авторском сб. *Nie und Nimmer: Neue Märchen* (Leipzig, 1902). Анонимный русский пер. впервые: *Мир приключений*. 1910. Кн. 10-12. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Илл. В. Киселева.

К. Лассвиц (Карл Теодор Виктор Курд Лассвиц, 1848-1910) — немецкий писатель, ученый, философ, историк науки, основоположник немецкой НФ.

Оглавление

Д. Линкольн. Громовой ящер	7
П. Кайн. Последний из выживших	22
Р. Милн. Яйцо игуанодона	55
Э. Гамильтон. Безжалостные завоеватели	81
А. Коннелл. Царство рептилий	116
Р. Артур. Могила времени	147
У. Мэтью. Бич Санта-Моники	182
К. Лассвиц. В тумане тысячелетий	192
Комментарии	264

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.